

Пров. 1959

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

76

Фон
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

*к. 13(4)
ИИМК АН*

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

76

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат историч. наук *Н. Н. Гурина*

Члены редколлегии:

Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (ответственный секретарь),
П. А. Раппопорт, Д. Б. Шелов, В. П. Шилов

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. Э. ПАНИЧКИНА

О ДВУХ ТИПАХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ НУКЛЕУСОВ

II. ГИГАНТОЛИТЫ¹

В 1936 г. И. Г. Пидопличко, производивший исследование Новгород-Северской палеолитической стоянки, обнаружил три обитых кремня², выделявшихся чрезвычайно крупными размерами и большим весом (рис. 1). Эти уникальные находки сразу же привлекли внимание археологов и вызвали противоречивые толкования³. Большинство авторов до сих пор видит в них массивные рубящие орудия. Однако материалы, которые могут помочь в решении вопроса о их назначении, привлекались недостаточно.

Прежде всего в этом плане необходимо рассмотреть гигантолиты, обнаруженные в верхнепалеолитических стоянках Восточной и Западной Европы и явно составляющие с новгород-северскими одну группу. Во многих случаях новгород-северские кремни несут следы использования в качестве нуклеусов или характеризуются определенным приемом обработки, позволяющим отнести их к этому типу заготовок.

Не менее существенно обратить внимание и на пластины очень крупных размеров, с характерными гранями на спинке, представленные в инвентаре многих верхнепалеолитических стоянок и, вне сомнения, отделенные от огромных кремней.

Следует учитывать также и некоторые формы нуклеусов, в частности клиновидную, весьма сходную по очертаниям и приемам обработки с гигантолитами.

Прежде чем перейти к рассмотрению перечисленных групп изделий, позволю себе проанализировать новгород-северские гигантолиты и условия их залегания. Гигантолиты найдены И. Г. Пидопличко в слое валунного суглинка, где они вместе с другими верхнепалеолитическими культурными остатками залегали *in situ*⁴. Все три экземпляра лежали компактной группой, один на другом. Как отмечает И. Г. Пидопличко, они сделаны из огромных желваков конкреций темного местного кремня. Крупные желваки такого же качества кремня обнаружены в окрестностях Новгород-Северской стоянки.

¹ Первую часть статьи см. в КСИИМК, вып. 75, 1959.

² И. Г. Пидопличко. Кремневые гигантолиты из Новгород-Северска. МИА, № 2, 1941; его же. Пизньопалеолітична стоянка Новгород-Сіверськ. Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947.

³ Подробнее эти толкования рассматриваются ниже.

⁴ И. Г. Пидопличко. Указ. сочинения.

На Новгород-Северском местонахождении в общей сложности собрано около 570 предметов, сделанных из местного кремня. Основную массу находок составляют отщепы, осколки и необработанные куски кремня. Представлено лишь 15 орудий, причем

в это число входят гигантолиты и пластины со следами вторичной подправки. Скрепки, резцы, острие сделаны на удлиненных пластинах. Самую выразительную группу составляют удлиненные пластины — свыше 35 экз.; из них более 10 — реберчатые. Многие экземпляры достигают длины 10—12 см.

Таким образом, стоянка характеризуется определенным составом инвентаря. При огромном количестве отбросов (осколки, отщепы, плитки кремня) и довольно значительной серии пластин-заготовок, в нем чрезвычайно мало (около 2% к общему числу находок) орудий. Эти данные заставляют рассматривать Новгород-Северское местонахождение не как постоянное стойбище верхнепалеолитического человека (дающее обычно разнообразный состав культурных остатков, в том числе богатый набор каменных орудий), а как «мастерскую» по первичной обработке кремня, добывавшегося здесь же на месте. Сравнительно незначительное количество кремней (570 экз.) и отсутствие на всей площади хорошо выраженного культурного слоя указывают, по-видимому, на недолговременное, спорадическое пребывание здесь человека.

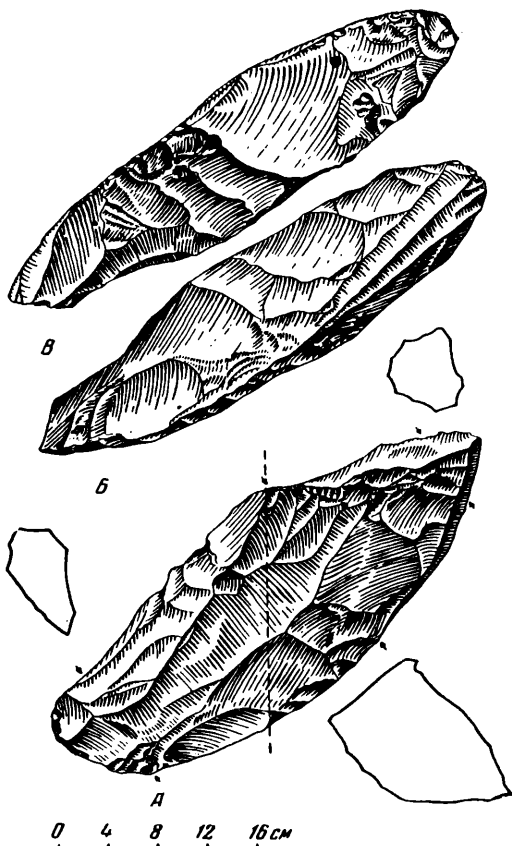

Рис. 1. Новгород-северский гигантолит № 1.

А — вид сбоку (пунктиром обозначена часть нуклеуса, которая должна была закрепляться в твердой основе); стрелки показывают линии поперечных сечений; Б — вид спереди; В — вид сзади (в верхней части — ударная площадка).

Представление о размерах и весе гигантолитов дает сводка И. Г. Пидопличко.

№ орудия	Наибольшая длина в см	Наибольшая ширина в см	Наибольшая толщина в см	Вес в граммах
1	44,0	17,5	12,1	8 250
2	33,9	13,9	9,2	4 550
3	45,4	19,3	9,9	8 050

Все три экземпляра удлиненно-овальной формы; в поперечном сечении — трехгранные: две плоскости широкие, одна сторона узкая. Поверхность хорошо обтесана крупными поперечными сколами. Местами края дополнительно подправлены ретушью. Гигантолиты № 1 и № 2 несут на одном конце следы сколов крупных удлиненных пластин. Узкая сторона предмета служила ударной площадкой. На обоих экземплярах она тщательно выравнена. Конец, от которого велись сколы удлиненных пластин,

оставлен массивным. Противоположный ему конец клиновидно заострен и заканчивается обработанным с двух сторон лезвием-ребром. Оно закругляет клиновидный конец и переходит на продольный край. Ближе к нуклеовидному концу ребро срезано гранями-негативами от удлинённых пластин.

Так как видны следы скалывания нескольких ножевидных пластин, то рассмотрим гигантолиты в том положении, которое они должны были занимать в момент расщепления (рис. 1). Гигантолит ставится на ребро, т. е. на приостренный продольный край, который назовем условно нижним. Грань, служившая ударной площадкой, оказывается наверху и занимает горизонтальное положение. Широкие плоскости служат боковыми сторонами. Утощенный, клиновидно заостренный конец (противоположный нуклеовидному) принимает вертикальное положение. В таком повороте гигантолит выглядит сильно сплюснутым с боков и вытянутым по сагиттальной линии.

Отметим, что ориентированный таким образом гигантолит представляет наглядную аналогию нуклеусам клиновидного типа⁵. Естественно, что при таком положении проявляется сходство не только в форме и технике обработки поверхности, но и в приемах отделения ножевидных пластин. На тех и других кремнях пластины последовательно скалывались только от одного, наиболее утолщенного, конца. Очевидно, гигантолиты и клиновидные нуклеусы близки между собой и по назначению. Их разнят размеры.

Как и клиновидный нуклеус, гигантолит, поставленный на ребро, лишается устойчивости. В таком положении он не мог использоваться для отделения ножевидных пластин. Вследствие огромных размеров и значительного веса его нельзя было удержать рукой при раскалывании. Следовательно, отделение пластин могло производиться лишь при закреплении гигантолита.

В этой связи показательна находка крупного нуклеуса⁶ в точно документированном верхнепалеолитическом слое недавно обнаруженного местонахождения в Гранд-Прессиньи. Как и новгород-северские гигантолиты, нуклеус удлинённо-овальной формы, с уплощенными боковыми сторонами; тщательной двусторонней подтеской нижний продольный край превращен в приостренное ребро. Нуклеус несет многочисленные следы отделения крупных ножевидных пластин. Скалывание их производилось от узкого конца. Утолщенный край, противоположный приостренному, служил ударной площадкой; он выравнен поперечными широкими сколами. Характер рабочей плоскости, в частности направление сколов, указывает, что этот нуклеус-гигантолит в процессе расщепления должен был опираться на продольное заостренное ребро и, разумеется, в незакрепленном виде использоваться не мог. Местом крепления по необходимости служил нижний край, для чего он и приострялся.

Новгород-северский гигантолит № 3 отличается от остальных двух только тем, что у него нет узких длинных граней — следов отделения ножевидных пластин. Но ряд признаков сближает все три гигантолита между собой — удлинённо-овальная форма, трехгранное в середине и многоугольное на концах поперечное сечение⁷, аналогичные приемы обработки поверхности. Одна из трех плоскостей гигантолита № 3 сужена так же, как она сужена у двух других. Не исключено, что и на этом гигантолите она пред-

⁵ М. Э. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов. КСИИМК, вып. 75, 1959.

⁶ F. Berthouin et G. Cordier. Une industrie à burins transversaux en place au Grand-Pressigny. Bulletin de la Société Préhistorique Française, 1953, № 9-10, p. 500—501, fig. 3.

⁷ И. Г. Пидопличко. Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска. МИА, № 2, 1941, табл. IV. Дальше в данной статье ссылки именно на эту работу И. Г. Пидопличко.

назначалась для той же цели и должна была служить ударной площадкой. Очевидно, пройдя первичное оформление, он был присоединен к остальным двум, также недоработанным кремням в качестве запасного материала.

Предположения о назначении новгород-северских гигантолитов неоднократно высказывались в печати. По наиболее распространенному мнению гигантолиты использовались в качестве очень крупных рубящих орудий, привязанных под прямым углом к деревянной рукоятке⁸. Высказывалась мысль и о том, что гигантолиты, вкопанные в землю, могли служить накопальниками, на которых при помощи отбойника разбивали кости и другие предметы⁹. Вопрос о том, не являются ли эти кремни нуклеусами, предназначенными для получения крупных ножевидных пластин, ставился М. В. Воеводским и М. Д. Гвоздовер¹⁰. Последнее определение представляется нам наиболее правдоподобным.

Асимметричность боковых сторон, треугольная или многоугольная в сечении форма¹¹, характерная не только для центральной части, но и для обоих концов, исключает возможность использования предметов в качестве топора. В верхнем палеолите, при уже относительно развитой технике обработки камня, в случае острой необходимости в клиновидном рубящем орудии типа позднейшего топора, это орудие неизбежно получило бы более целесообразную форму, обеспечивающую эффективность в работе.

На новгород-северских гигантолитах прослеживается весьма любопытная для их характеристики деталь — различная степень изношенности отдельных частей поверхности. На нуклевидном конце, сформованном гранями от удлинённых пластин, нет выбоин и залощенности. Противоположные же ему клиновидный конец и приостренный продольный край имеют мелкие выбоины, смятость и заглаженность. Это свидетельствует о различной функциональной значимости разных участков поверхности.

Если гигантолиты использовались в качестве топоров, привязанных к рукояти (что, кстати сказать, совершенно невероятно из-за размера и веса кремней), то на тыльной части колоссального орудия должны были бы сохраняться следы крепления. Выбоинам и стертости на одном конце гигантолитов должны были бы соответствовать какие-то признаки изношенности и на другой стороне. Если бы даже эти изделия, наподобие нижнепалеолитических ручных рубил, употреблялись без рукояти, то и тогда на тыльной части должны были бы сохраниться определенного вида вмятины и выбоины, подобные имеющимся на пятке ручных рубил. Однако на нуклевидном конце гигантолитов таких следов нет.

Дугообразно изогнутая форма «тыльного», нуклевидного конца мешает прочному прикреплению гигантолитов к рукояти. При любом способе крепления привязь будет быстро соскальзывать с выпуклого края. Длина нуклевидной части примерно равняется половине всей длины гигантолита. Трудно представить, какого объема и веса потребовалась бы рукоять и какой способ крепления мог применяться!

Судя по очертаниям удлинённых граней (их длина колеблется в пределах 20—33 см), пластины скалывались длинные, узкие, правильно-ножевидной формы. При отделении их требовалось точное направление удара и устойчивое положение гигантолита. Для этого необходимо было особое крепление его в какой-то подставке или в плотном грунте, наподо-

⁸ И. Г. Пидопличко. Указ. соч., стр. 29; С. А. Семенов. Топор в верхнем палеолите. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 172; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 296; П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 454.

⁹ П. И. Борисковский. Указ. соч., стр. 296.

¹⁰ М. В. Воеводский. Новая палеолитическая стоянка на р. Сейм. Бюллетень КИЧП, 1949, № 14, стр. 132—137; М. Д. Гвоздовер. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 23.

¹¹ И. Г. Пидопличко. Указ. соч., табл. IV.

бие того, как был закреплен нуклеус-гигантолит на стоянке Фонтенуа. По-видимому, закреплением и объясняются выбоины и залощенности на поверхности клиновидной части.

Обращают на себя внимание и особые условия залегания гигантолитов: все три экземпляра лежали один на другом¹², очевидно в каком-то углублении, возможно, в ямке, оградившей их стенками от падения. На открытом месте они не могли сохраниться такой компактной группой. По-видимому, кремни были спрятаны в качестве запаса сырья, с целью предохранения от выветривания. Может быть этим объясняется малая сработанность двух экземпляров и неиспользование третьего.

Намеренные захоронения палеолитическим человеком крупных кремней уже известны. В качестве примера можно привести находку в культурном слое Костенок II крупного желвака-нуклеуса, явно спрятанного в ямке, прикрытого сверху костью мамонта¹³. Этот единственный в Костенках II крупный по размерам нуклеус, очевидно, был особенно ценен для обитателей стоянки, приносивших кремль откуда-то издалека. Он заключал в себе большой запас материала и был тщательно захоронен.

Как уже упоминалось, находки нуклеусов-гигантолитов зафиксированы в ряде верхнепалеолитических стоянок. О наиболее крупном нуклеусе-гигантолите, достигающем одного метра длины, обнаруженном в Чехословакии, сообщает Абсолон¹⁴. Найденные на других палеолитических стоянках Чехословакии (Ондратиц, Пекарна, Кульна, Бычи Скала) гигантолиты, рассматривавшиеся Абсолоном в качестве орудий, включаются Цотцем, специально их изучавшим, в группу нуклеусов¹⁵.

Насколько можно судить по фотографии, гигантолит из верхнепалеолитической стоянки Галину во Франции (его размеры — $35 \times 13 \times 8,5$ см, вес 3,950 г) является нуклеусом¹⁶. Об этом свидетельствует площадка на одном крае, намеренно подготовленная крупными поперечными сколами. По форме и технике обработки он напоминает новгород-северские гигантолиты.

Два крупных, тщательно обитых по всей поверхности, кремня обнаружены в разновозрастных ориньякских слоях грота Стынка Рипичень¹⁷. На одном из кремней — следы сколов нескольких удлиненных пластин. Длина грани¹⁸ более 10 см; длина другой — свыше 8 см. Рядом с гранями на кремне еще несколько фасеток удлиненных очертаний.

Сходного типа кремни (3 экз.) найдены в верхнепалеолитическом местонахождении Куконешти Старые (Молдавская ССР). Как сообщает Морошан¹⁹, эти удлиненно-овальные предметы, обработанные по всей поверхности широкими сколами, трехгранны в поперечном сечении. Последний признак исключает возможность отнесения их в группу рубящих орудий: они лишены на концах тонкого ровного лезвия. У экземпляра,

¹² По предположению И. Г. Пидопличко, они были сложены в одно место палеолитическими людьми. См. И. Г. Пидопличко. Указ. соч., «гигантолиты» из Новгород-Северска, 1941, стр. 27.

¹³ П. И. Борисковский. Раскопки в Костенках II в 1953 г. СА, XXV, 1953, стр. 178—179.

¹⁴ C. Absolon. L'aurignacien très ancien ou pseudomoustérien en Moravie. Association Française pour l'Avancement des sciences. Congrès de Constantine. Compte-rendu, 1927; его же. Les résultats des nouvelles recherches paléolithiques en Moravie. XVI Congrès International d'anthropologie et archéologie préhistorique. Bruxelles, 1936.

¹⁵ L. F. Zottz. Altsteinzeitkunde Mitteleuropas. Stuttgart, 1951, S. 176.

¹⁶ L. Tarel. Les grands silex arqués de l'époque magdalénienne. Revue anthropologique, t. 25, Paris, 1915.

¹⁷ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, МИА, № 40, 1953, стр. 294—295, рис. 153 и 154.

¹⁸ Вычислена по рис. 154 в работе П. И. Борисковского («Палеолит Украины». МИА, № 40, стр. 294—295).

¹⁹ N. Mogoşan. Le pléistocène et le paléolithique de la Roumanie du Nord-Est. Bucureşti, 1938, p. 72—74.

воспроизведенного в работе Морошана²⁰, как и у гигантолита из Галину и новгород-северских две плоскости широкие, а одна узкая.

Нуклеус-гигантолит, размером $24 \times 14,5 \times 6,3$ см, обнаруженный совместно с кремневыми орудиями в мадленском культурном слое на местонахождении, раскапывавшемся в 1951 г. в окрестностях Гранд-Прессиньи, чрезвычайно близко напоминает по форме и технике обработки новгород-северские гигантолиты²¹. Он несет многочисленные следы сколов удлиненных пластин. Вместе с ним залежали типично мадленские орудия, изготовленные на ножевидных пластинах крупных размеров.

Наличие и в некоторых других верхнепалеолитических стоянках очень крупных пластин свидетельствует о бытовании в это время огромных нуклеусов. Напомним, что в Костенках I (верхний горизонт) встречено немало орудий, сделанных из очень больших пластин. Значительных размеров пластины обнаружены на стоянке Елисеевичи, а один из призматических нуклеусов, найденных здесь, достигает в длину 20 см. Крупные пластины известны также из нижнего слоя горизонта Сюрени I²². Опубликованная М. Д. Гвоздовер пластина из Авдеево²³ имеет — при одном обломанном конце — 20 см длины. По предположению М. Д. Гвоздовер, длина всего предмета равнялась 23—25 см. Интересно, что размеры и форма этой пластины соответствуют длине и очертаниям негативов на двух новгород-северских гигантолитах. Дугообразная изогнутость пластины по ее осевому сечению полностью отвечает кривизне выпуклой поверхности негативов на новгород-северских кремнях. Поперечные широкие фасетки, сплошь покрывающие одну грань двускатной спинки пластины, очень схожи с фасетками, имеющимися на поверхности гигантолитов. Таким образом, обработка и техника раскалывания, применявшаяся при изготовлении и использовании новгород-северских кремней, сходна с техникой обработки и раскалывания нуклеуса, с которого сколота авдеевская пластина²⁴.

Поразительное соответствие в технике обработки и раскалывания этих изделий очень показательно. Оно служит одним из источников к разгадке подлинного назначения новгород-северских гигантолитов.

Небезынтересно напомнить и о нуклеусе-гигантолите, найденном П. П. Ефименко в Палестине и хранящемся в настоящее время в Отделе археологии Музея антропологии и этнографии АН СССР (колл. № 4147—512)²⁵. Несмотря на то, что нуклеус относится к неолитическому, а может быть и к более позднему времени, он сохраняет в технике обработки и приемах скалывания пластин много общего с гигантолитами № 1 и № 2 Новгород-Северского местонахождения. Очевидно, сходство различных по возрасту изделий обусловлено единой целью их изготовления, одинаковой функциональной значимостью.

Палестинский нуклеус-гигантолит сделан из крупного, продольно расколотого и вертикально поставленного кремневого желвака. Он получил удлиненно-трапециевидную, зауженную по фронтальной стороне форму благодаря тщательной обработке краев и одной боковой поверхности поперечными сколами. Так же как и на новгород-северских гигантолитах, для отделения пластинок использована зауженная сторона, несущая очень

²⁰ N. Mogoşan. Указ. соч., рис. 16.

²¹ F. Berthouin et G. Cordier. Указ. соч., стр. 500, рис. 16.

²² Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, табл. IV, 3—5.

²³ М. Д. Гвоздовер. Указ. соч., стр. 23, рис. 11.

²⁴ Кварцитовая пластина, совершенно аналогичная по форме и размерам авдеевской, найдена в верхнем горизонте Костенок IV (А. Н. Рогачев. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. МИА, № 45, стр. 56, табл. VIII, 5). Кроме того, в инвентаре верхнего горизонта содержится немало орудий, изготовленных из кремневых пластин крупных размеров (там же, рис. 17 и сл.).

²⁵ П. П. Ефименко. К вопросу о стадиях каменного века в Палестине. Ежегодник Русского Антропологического общества, т. V, 1915, стр. 76—77, рис. 10.

длинные, строго параллельные грани. Задний суженный конец имеет четко оформленное мелкими двусторонними сколами ребро. Дополнительно приотсеченное основание удобно для закрепления в твердой основе. Как видно из описания, здесь применялись те же способы обработки и раскалывания, как и при изготовлении прототипов-гигантолитов и клиновидных нуклеусов. И хотя предметы явно разновременны и обнаружены на разбросанных территориях, нельзя не учитывать общности их признаков, которая могла быть вызвана лишь единой функциональной ролью этих кремней.

Нуклеус из Палестины и другие находки подобного типа лишь показывают, что гигантолиты, как единственная и необходимая для получения крупных пластин форма нуклеуса, продолжали бытовать и в последующие за палеолитом эпохи.

Итак, мы рассмотрели ряд существенных признаков для определения гигантолитов. К ним относятся:

а) состав инвентаря и условия залегания его, позволяющие определить Новгород-Северское местонахождение как «мастерскую» по первичной обработке кремня;

б) залегание гигантолитов компактной группой, свидетельствующее о намеренном захоронении их, очевидно, в качестве запасного материала, подготовленного для последующего раскалывания;

в) форма гигантолитов, обоснованная закреплением кремней в твердой основе и сходная с формой клиновидного нуклеуса;

г) приемы обработки гигантолитов, особенно способы отделения ножевидных пластин, аналогичные с приемами скалывания заготовок с клиновидных нуклеусов;

д) следы «изношенности», своеобразно выраженные на поверхности гигантолитов;

е) черты сходства с находками подобного типа, обнаруженными за пределами нашей территории и рассматривающимися специалистами, их изучавшими, в качестве нуклеусов;

ж) поразительное соответствие не только по размерам, но и по технике обработки и раскалывания гигантолитов и крупных пластин, найденных на некоторых верхнепалеолитических стоянках.

В результате рассмотрения и суммирования этих признаков мы считаем вправе определить новгород-северские гигантолиты как нуклеусы, предназначенные для получения крупных пластин, необходимых в хозяйственной деятельности первобытного человека.

Таким образом, находит объяснение происхождение позднепалеолитических крупных ножевидных пластин, нередко вызывавших удивление тем, что соответствующие им нуклеусы на стоянках обычно не попадают. На наш взгляд, известные в настоящее время уже не в одном местонахождении так называемые гигантолиты представляют как раз те неопознанные нуклеусы, с которых скалывались крупные пластины. Находка нуклеуса-гигантолита вместе с инвентарем мадленского возраста в Гранд-Прессиньи служит этому неопровержимым доказательством: нуклеус несет многочисленные следы отделения длинных ножевидных пластин.

Если же подыскивать гигантолитам аналогии среди других позднепалеолитических изделий, то по форме, технике обработки и приемам раскалывания они стоят ближе всего не к многофасеточным резцам (*burin busqué*), как думает П. И. Борисковский²⁶, а к клиновидным нуклеусам, характеризующимся вытянутым по сагиттальной линии телом, приспособленным для дополнительного крепления. Гигантолиты лишней раз подчеркивают многообразие форм нуклеусов и приемов их расщепления — одну из характерных черт техники позднего палеолита.

²⁶ П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 293.

Х. К. АЛПЫСБАЕВ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ

Стоянка Костенки II, открытая в 1923 г. П. П. Ефименко, находится в 30 км к ЮЗ от г. Воронежа, на правом берегу Дона, на северном склоне Аносова лога, в приустьевой его части, на мысу¹.

Автором были изучены следы работы на кремневых орудиях из раскопок П. И. Борисковского 1953—1954 гг.² До недавнего времени назначение и способ употребления первобытных орудий пытались выяснить путем изучения формы кремневых изделий и сопоставления с аналогичными изделиями у примитивных племен XVIII—XIX вв., но за последние годы в лаборатории археологической технологии ЛОИИМК АН СССР разработаны новые методы изучения функции каменных и костяных орудий с применением бинокулярной лупы и микроскопа³.

В результате изучения кремневого инвентаря Костенок II нами выявлено значительное число орудий с хорошо выраженными следами работы⁴. Орудия хорошей сохранности, изготовлены из темного мелового кремня, из цветного валунного кремня местного происхождения, а иногда из кварцита. Многие кремневые изделия покрыты патиной. Вместе с тем некоторое количество орудий со следами работы или не патинизировано или патина едва заметна на одной стороне.

Исследованная группа орудий отчасти напоминала концевые скребки, рабочий край которых, как правило, полукруглых очертаний. Такая форма объясняется тем, что в процессе работы по коже скребок прогибает этот пластический материал. Неровности и углы на рабочем крае поцарапали бы и даже прорезали обрабатываемую кожу.

Не лишено вероятности, что некоторые из изученных орудий в действительности использовались как скребки для обработки кожи.

Однако выявленная нами серия орудий несколько отличается от скребков по форме и по следам изнашивания.

Так, например, одно из орудий представляет собой ретушированную пластинку четырехугольной формы (размер 27 × 14 мм). Оба лезвия — одно слегка вогнутое, другое чуть выпуклое — были в работе (рис. 2 — 1; рис. 3 — 1, 2).

¹ Х. А. Алпысбаев. Кремневый инвентарь позднелепестчатого поселения Костенки II. Известия АН КазССР, серия ист., вып. 2 (5), Алма-Ата, 1957.

² Автор приносит благодарность П. И. Борисковскому за разрешение использовать его материалы.

³ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957.

⁴ Приношу благодарность С. А. Семенову, под руководством которого производилось исследование под бинокулярной лупой и бинокулярным микроскопом кремневого материала из раскопок 1923 и 1927 гг.

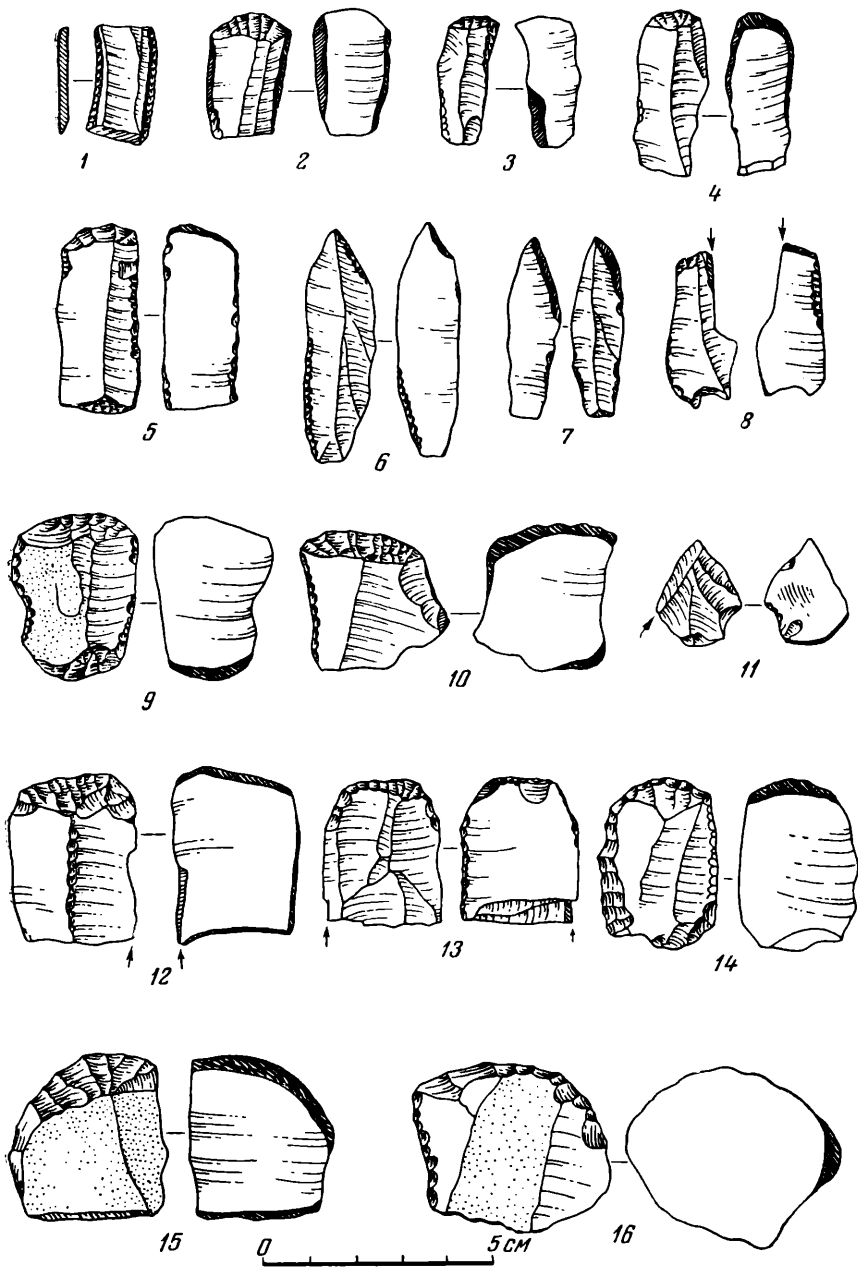

Рис. 2. Костенки II. Кремневые орудия.

1—16 — Кремневые орудия со следами работы.

Рабочая часть некоторых других орудий не имеет правильной закругленной формы скребков; отмечаются выступы и углы.

В Костенках II, как и на других палеолитических стоянках, основную массу кремневого инвентаря образуют отщепы и осколки, частью это материал, служивший для выделки орудий, частью — отбросы от производства. Тщательный осмотр отщепов показал, что некоторые из них после предварительной обработки использовались в качестве скребков, резцов

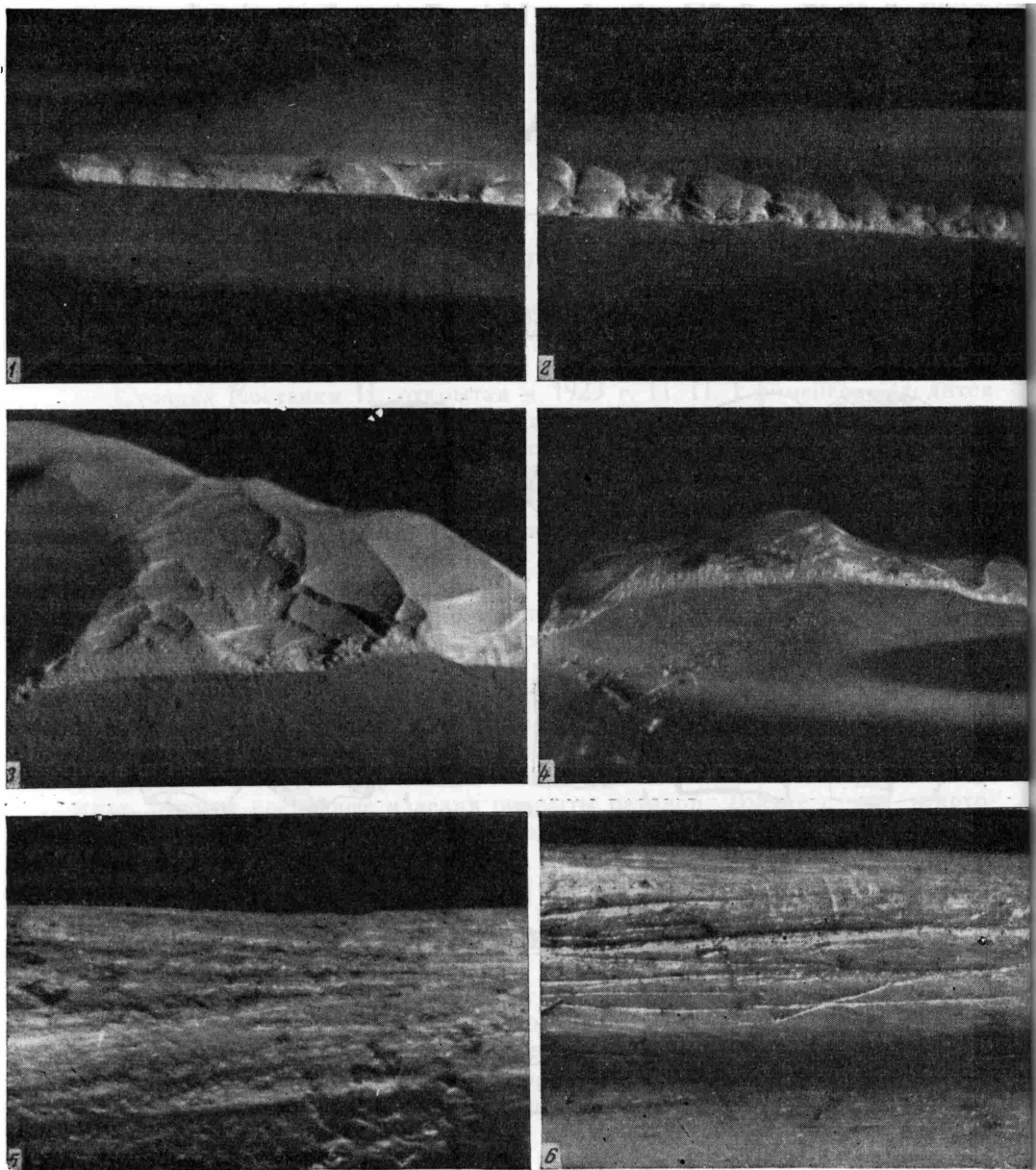

Рис. 3. Микрофотографии кремневых орудий и костяных шильев

1 — ножевидная пластина, правый край; 2 — то же, левый край; 3 — рабочий край скребка; 4 — рабочий край скребка
5—6 — поверхность костяных шильев.

и проверток, причем у отдельных скребковидных орудий рабочая часть слегка вогнута.

Остановимся на скребке, изготовленном из короткого четырехугольного выпуклого отщепа (32×26 мм). Слегка скошенное полуовальное лезвие обработано крупными фасетками ретуши (рис. 2 — 10; рис. 3 — 3). Противоположный конец не отретуширован. Из двух продольных краев лишь левый тщательно отделан со спинки мелкой ретушью; край обработан так, очевидно, для предохранения руки от пореза. При изучении скребка на конце, с отбивной поверхности, выявились заглаженность и заполировка, образовавшиеся в результате длительного и очень интенсивного употребления орудия. Следы длительного использования хорошо выражены на отретушированном рабочем крае и заходят на правый край с отбивной поверхности. На противоположном неотретушированном конце заполированность заметна на выступающем участке левого края.

Другим примером могут служить:

орудие (рис. 2 — 16), сделанное из короткого широкого отщепа, 36×45 мм. Полукруглое лезвие и боковой левый край обработаны крупными фасетками ретуши. Остальная часть отщепа не отретуширована. На слегка выступающем левом крае в верхней его части заметны следы длительной работы — затупленность и заполировка;

орудие (рис. 2 — 13) из короткого обломка пластинки, размерами 32×25 мм. Рабочее лезвие правильных полукруглых очертаний. Ретушь на нем крутая с характерным, нависающим сверху карнизом. Лезвие с отбивной поверхности слегка стесано, заметны мелкие выщербины. Задний конец обломан: излом ступенчатый, свидетельствующий о том, что орудие сломалось в результате сильного давления на него. Возможно, что орудие использовалось в деревянной или костяной рукоятке. Рабочее лезвие слегка заполировано с нижней поверхности от употребления.

При сильном увеличении при помощи бинокулярной лупы аналогичные следы сработанности наблюдаются и на участке нижнего лезвия другого двойного скребка (рис. 2 — 5); это поперечные линии, очевидно, образовавшиеся в результате строгания и скобления.

Еще один пример — скребок (рис. 2 — 15), изготовленный из довольно крупной пластинки. Оба полукруглые лезвия обработаны довольно грубой ретушью с последующей подправкой обоих концов мелкой и тщательной ретушью. Края орудия оформлены мелкой ретушью, которая у левого края с верхней поверхности образует незначительный выем. Очевидно, у подобных изделий края ретушировались для предохранения руки от пореза, а выемка служила для вторичной обработки более тонких орудий. Следы сработанности — затупленность и заполированность — заметны с нижней поверхности на суживающемся нижнем конце; они могли образоваться в результате длительной и интенсивной работы — скобления кости.

Возможно, так же использовалось орудие, по форме приближающееся к прямоугольному (рис. 2 — 14). Лезвие скребка, как и его края, обработано довольно плоской крупной ретушью. При сильном увеличении на отретушированном лезвии заполированность и сносность от употребления хорошо заметны только у самого верхнего кончика. Очевидно, этим участком орудия работали более длительно и интенсивно.

Иную функцию выполнял аналогичный по форме (рис. 2 — 4; рис. 3 — 4) скребок на конце удлиненной пластинки с параллельным ограничением. Нижний конец его обломан. Лезвие полукруглой формы, оформлено мелкой пластинчатой ретушью и вторичной подретушковкой. Слегка выпуклые края с верхней поверхности не отретушированы, только на левом крае небольшая выщербинка от употребления. В отличие от предыдущих скребков, здесь для работы служило и слегка скошенное полукруглое рабочее лезвие

с отбивной поверхности и, частично, оба продольные края также с отбивной поверхности. Особенно сильно заполирован и затуплен от длительного употребления кончик скребка; это служит показателем функций орудия. Следы использования на лезвии с отбивной поверхности образовались, очевидно, не только от обработки шкур, но и в результате действия орудием как ножом для вспарывания (путем надавливания вперед и вверх) туш убитых животных. Жесткое мясо мамонта оказывало сопротивление лезвию скребка с отбивной, а иногда и с верхней поверхности.

Концевой скребок из короткого широкого отщепы, размерами 36×34 мм (рис. 2—9). Лезвие полукруглых очертаний, левый край слегка скошен. Ретушь на нем плоская, узкими фасетками; продольные края не отретушированы. На полукруглом рабочем лезвии с отбивной поверхности у самого кончика блеск и сильная затупленность, заходящая на скошенный левый край. На противоположном сломанном конце с отбивной поверхности также заметна заполированность. Форма скребка и незначительная степень изношенности указывают на то, что орудием работали преимущественно правой рукой под небольшим углом вниз и вверх. Скребок могли строгать кость; об этом свидетельствуют следы работы, отмеченные на костяных изделиях Костенок II.

Меньшая изношенность поверхности прямого сломанного конца получила в результате трения его о пальцы руки; это часто наблюдается на описываемых орудиях.

Скребок на конце узкой удлиненной пластинки (рис. 2—3), размером 30×15 мм. Полукруглое лезвие оформлено тщательной притупливающей ретушью и вторичной подправкой. Лезвие слегка скошено на левую сторону. Несколько выпуклый левый край частично обработан мелкой притупливающей ретушью. С противоположной продольной правой стороны небольшая подретушовка только у края и заходит к лезвию скребка. Изучение поверхности орудия при сильном увеличении выявило незначительные следы употребления с левого края с отбивной поверхности.

Не все скребки несут одинаковые следы использования, сосредоточенные на рабочем полукруглом ретушированном лезвии; у некоторых затупленность заметна и на продольных боковых краях. Эти факты указывают на то, что при скоблении кости применяли разные, более удобные в том или ином случае, приемы.

Примером следов сношенности только боковых краев может служить скобель (рис. 2—2). Он изготовлен из правильной трехкатной пластинки (27 мм длины, 16 мм ширины). Лезвие полукруглых очертаний; ретушь более плоская, узкими фасетками, с последующей подретушевкой окружности лезвия. Эти подретушированные участки лишены патины. Факт отсутствия ее только на лезвии свидетельствует о том, что орудие было превращено в скребок уже после того, как вся поверхность пластинки покрылась ею. Исследование при сильном увеличении выявило следы сношенности, не характерные для обычных скребков. У самого края отретушированного полукруглого лезвия следы работы с обеих сторон отсутствуют; они наблюдаются только на обоих продольных краях скребка, при этом с левой стороны заметны отдельные легкие выщербинки.

Подобные следы употребления здесь, как и на предыдущем концевом скребке, прослеживаются среди позднепалеолитических материалов впервые. Характер изношенности и прямые очертания краев свидетельствуют о том, что боковыми краями резали, строга́ли и скоблили, тогда как сломанный конец скребка (также лишенный патины) мог служить для скрепления с деревянной рукояткой. Такие своеобразные концевые скребки, сходные по форме и различные по функции, могли использоваться в качестве и ножей для скобления и режущих миниатюрных кинжалоподобных орудий

с двумя противоположными продольными лезвиями, напоминая сходные миниатюрные орудия отсталых народов XIX в.⁵

Важной функцией кремневых орудий из Костенок II было скобление кости. Для изучения следов строгания и скобления кости очень интересны некоторые костяные изделия этой стоянки. В 1953 г. здесь на полу долговременного палеолитического жилища было обнаружено несколько костяных наконечников и шильев⁶. На поверхности шильев притупляются царапины и следы в виде параллельно идущих линий. Шилья отшлифованы, жальца их тонко отделаны, рукоятки носят следы залощенности ладонью руки, которой упирались при работе (рис. 3—5, 6; рис. 4).

В Костенках II обнаружено несколько комбинированных орудий — скребков-резцов (рис. 2—12). У некоторых из них при наличии резцовых сколов отсутствуют следы притупления острого края, следы изнашивания установлены только на полукруглых ретушированных лезвиях. Изучение следов работы на поверхности комбинированных орудий и характера обработки их дает возможность говорить, что концы, оформленные путем резцового скола, предназначались для вставки в рукоять. Некоторые из орудий (с резцовыми сколами) употреблялись для обработки кости, бивней, а иногда дерева и мягких пород камня. Полукруглое рабочее лезвие этих комбинированных орудий предохраняло руку от ранения.

К числу характерных орудий позднего палеолита относятся резцы, функции которых давно установлены. На стоянке Костенки II они составляют наиболее типичную многочисленную группу орудий, довольно разнообразных по форме. Резцовые лезвия на них по большей части грубоваты, неправильны и получены либо одним, либо целым рядом последовательных сколов.

При исследовании поверхности резцов установлены следы сработанности в виде множества бороздок, сосредоточенных на продольных боковых гранях рабочей части.

Для характеристики функции этих орудий рассмотрим несколько экземпляров с наиболее хорошо выраженными следами изношенности.

Боковой резец (рис. 2—8) из удлиненной двухскатной пластины (35 × 11 мм). Верхний конец слегка скошен и обработан мелкой крутой притупляющей ретушью. На правом верхнем углу в результате сочетания поверхности притупленного конца и вертикально направленного резцового скола получилось узкое острое лезвие бокового резца. Противоположный конец пластинки имеет полукруглый выем, отделанный мелкой

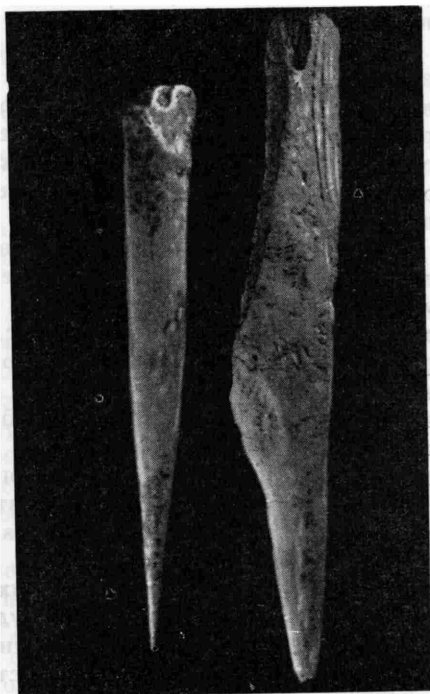

Рис. 4. Костенки II. Костяные шилья.

⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествие на берег Маклая. М., 1956, стр. 350—378.

⁶ П. И. Борисковский. Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 г. СА, XXV, 1956, стр. 173—180.

ретушь. У отретушированного конца выявляются следы заглаженности и сношенности от длительного употребления. Со стороны резового скола у лезвия заметна смятость. Вероятно, этим орудием работали не только как скребком-резцом, но и подправляли им другие специализированные миниатюрные орудия, т. е. действовали им как ретушером.

Срединный резец (рис. 2 — 11), изготовленный из небольшого отщепа. Верхний острый конец отщепа обработан мелкой ретушь, образующей выем и снимающей часть ударного бугорка (размер 25×17 мм). Следы заполированности обнаруживаются у самого лезвия вдоль косо идущих резовых сколов. Верхний конец с верхней поверхности слегка заполирован и затуплен.

Большого внимания заслуживает распространение следов заполированности и штрихованных линий на противоположном конце, немного выше выема отщепа, с отбивной поверхности. Подобные следы сработанности ранее на палеолитическом кремневом инвентаре не отмечались. Штрихи, обнаруженные на отбивной поверхности, ставят перед нами новые вопросы о функциональном назначении отдельных специализированных орудий позднего палеолита.

Следы интенсивного использования, установленные на резах, показывают, что во время работы их держали в руке, наклоня под небольшим углом то вправо, то (реже) влево. Вероятно, резцы не всегда употреблялись для обработки кости; они могли служить и для раскраивания шкуры, идущей на одежду. Из прошлого народов Казахстана известно — шкуры клали в песок для ускорения процесса обработки; не исключена возможность, что этот прием был известен обитателям Костенок II. В таком случае песчинки, сохранившиеся в порах кожи, способствовали быстрому изнашиванию орудий и образованию линейных следов на их поверхности.

В позднем палеолите становится известной техника сверления кости, дерева и мягкого камня. Из позднепалеолитических стоянок происходят просверленные костяные изделия, разнообразные украшения из раковин и другие предметы вроде сланцевых дисков (Костенки IV), просверленных в центре. Среди кремневых орудий Костенок II можно выделить служившие для сверления. Сюда относится удлиненное острие (рис. 2 — 6), изготовленное из небольшой пластинки, размером 54×15 мм. Слегка выпуклый правый край его частично обработан мелкой притупляющей ретушь. Такой же характер обработки имеет и другая половина пластинки. При исследовании поверхности острого конца установлено, что орудие использовалось как ручное сверло, подобное повертке. В результате трения изношены края орудия; остались следы в виде штрихов, расположенных параллельно друг другу.

Направление следов сработанности на острие и расположенная на нем ретушь указывают, что им сверлили слева направо.

Интересно аналогичное орудие (рис. 2 — 7), изготовленное из подтреугольной пластинки, размером 40×11 мм. Выпуклые правый и левый края с верхней поверхности обработаны легкой подретушевкой, тогда как с противоположной стороны частично отретуширована лишь верхняя половина правого края. Типологически это орудие следовало бы определить как острие с затупленным краем, но в бинокулярный микроскоп обнаружены следы изнашивания от сверления.

Приведенные данные позволяют считать, что способы и техника употребления внешне одинаковых орудий были в действительности довольно разнообразны.

Применение нового метода изучения функций первобытных орудий позволяет ответить на многие вопросы истории палеолитической техники и дает новые факты для определения места стоянки Костенки II среди других палеолитических памятников Русской равнины.

Б. А. ЛАТЫНИН, Т. Г. ОБОЛДУЕВА

ИСФАРИНСКИЕ КУРГАНЫ

(К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы)

Фергана представляется прежде всего как одна из тех цветущих областей Средней Азии, культура которых с давнего времени развивалась на основе поливного земледелия.

Еще в эпоху династии Старших Хань китайский путешественник Чжан Кянь, попавший в Та-Юань (Фергану) во II в. до н. э., описал ее уже как страну, где население ведет оседлый образ жизни и занимается земледелием. Там сеют рис и пшеницу, писал Чжан Кянь, возделывают траву му-су (люцерну) и виноград, из которого приготавливают вино. Семена люцерны и виноград впервые были завезены в Китай из Ферганы. В Та-Юани отмечается много сельских дворов-усадеб, а также малых и больших поселений, окруженных стенами. Некоторые из них поэтому Чжан Кянь, возможно, и считал даже «городами»¹.

Как область очень древнего поливного земледелия характеризуют Ферганскую долину и археологические памятники. Ее многочисленные селища, городища и так называемые тепе, холмы, иногда достигающие огромных размеров, скрывают развалины сырцовых построек. Археологическими исследованиями, особенно широко развернувшимися в Средней Азии в последние два-три десятилетия, установлено, что эти памятники относятся к той, несомненно оседлой, земледельческой культуре (или культурам) древней Ферганы, последовательное развитие которой можно проследить уже с конца II тысячелетия до н. э. (Чуст, Дальверзин и др.).

Совершенно особое место среди памятников древней земледельческой Ферганы занимают, казалось, курганные могильники, в большом количестве выявленные и исследованные в последние годы. Однако, наряду с некоторыми особенностями материальной культуры, отраженной в инвентаре вскрытых в них погребений, были очевидны самые тесные и постоянные связи тех групп скотоводческого, видимо, населения, которые оставили в предгорьях Ферганы и окружающих ее горах эти курганы, с оседлым земледельческим населением самой долины.

В этих условиях представлялось затруднительным определить место и значение курганных могильников среди других синхронных памятников древней Ферганы: оставалось не ясным, каковы, конкретно, были экономические отношения этих двух групп населения, была ли это единая народность или различные, хотя и как-то связанные друг с другом племена.

Вместе с тем постановка и возможное при современном состоянии источников решение (хотя бы предварительное) этих вопросов были необходимы и, видимо, могли дать новые материалы для более углубленного

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 149.

понимания системы хозяйства не только одной Ферганской долины, но и некоторых других областей Средней Азии.

Разведочные раскопки одного из первых таких курганных могильников — Исфаринского — произведены Ферганской экспедицией ГАИМК и Государственного Эрмитажа в 1934 г. Ниже, при описании вскрытого тогда кургана и двух других, раскопанных в 1936 г., приводятся некоторые заключения и выводы и по указанным общим вопросам, которые представляется возможным наметить сейчас на основе изучения не только этого могильника, но и других, подобных ему курганных могильников древней Ферганы.

Близ г. Исфары (ТаджССР) находится несколько могильников, известных местному населению под названием «гор-и-муг» (могилы мугов, магов). В 1934 г. обследовано три могильника на левом берегу р. Исфары: два близ берега, к югу от города, с погребениями в кувшинных оссуариях и грунтовых могилах, третий — курганный — на возвышенностях, к юго-западу от него². Этот могильник, находящийся менее чем в 1 км к ЗЮЗ от городской больницы, на отроге пустынных галечных предгорий (адыров), окаймляющих оазис, состоит из 60—70 курганов, разбросанных на площади 100 × 300 м, вдоль вершины отрога, вытянутого с юга на север. Округлые насыпи курганов, высотой 0,5—1,5 м, при диаметре от 5—7 до 10—12 м, сложены из гальки с песком.

Разведочными раскопками 1934 г. вскрыта курганная насыпь в центральной части могильника.

Курган № 1³. Высота 0,85 м, диаметр 10 м.

Насыпь из гальки, смешанной с желтоватым суглинком, раскопана четырьмя секторами и снята полностью. Могильного пятна в галечном грунте на уровне горизонта и при последующем углублении раскопом 3 × 3 м не прослежено, но в центральной части раскопа грунт был более рыхлым, со значительным количеством крупных валунов. На глубине 1,5 м, вдоль западной стенки раскопа обнаружена неглубокая ниша-подбой, размерами 2,42 × 0,45 × 0,68 м, выкопанная в галечном конгломерате и заваленная сбоку валунами. Валуны и галька частично заполняли и нишу. В ней находился костяк (видимо, женский), лежавший вытянуто, на спине, головой на юг (рис. 5). Руки вдоль тела, правая нога положена на голень левой. Кости сильно повреждены камнями и разрушены пропитавшими их солями. При расчистке хорошо прослеживались остатки камышевой плетенки, прикрывавшей костяк сверху и положенной под ним.

В северном конце ниши, в ногах скелета, стояли пять сосудов — два грушевидных, красноглиняных, средних размеров (рис. 6—4, 5), два маленьких горшочка, покрытых черным красочным ангобом (рис. 6—1, 3), и небольшая толстостенная, с красным ангобом и прочерченным по нему орнаментом чаша (кубок) на высокой полой подставке (рис. 6—2). Внутри чаши найден деревянный, слегка вытянутый шарик со сквозным треугольным отверстием, похожий на крупное пряслице. Возле сосудов лежал маленький каменный точильный брусок с отбитым ушком (сверлиной).

За головой костяка, в южном конце ниши находился плоский песчаниковый камень, частично налегая на который стояли две низкие овально-вытянутые деревянные подставки («столики») на трех ножках, покрытые сверху перевернутой вверх дном плоской деревянной чашкой (рис. 7—1, 2). У черепа лежали кости барана, возле локтя правой руки сильно окисленный железный нож.

² На составленной в 1952 г. Б. А. Литвинским археологической карте Исфаринской долины они отмечены, как могильники 27, 28 и 29. (Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 148 и карта, рис. 71).

³ Раскопки проведены А. П. Манцевич.

Рис. 5. Исфаринские курганы. Погребение в кургане № 1.

Рис. 6. Сосуды из Исфаринского кургана № 1.

В 1936 г. Т. Г. Оболдуевой (экспедиция Краеведческого музея Северного Таджикистана) были раскопаны еще два кургана у северного края того же могильника.

Курган № 2⁴. Высота 0,5 м, диаметр 7 м.

После снятия насыпи в центре ее заложен раскоп 3×3 м. Грунт каменистый, сильно пропитанный солями, образующими местами большие скопления. Глубже галька сцементировалась и с трудом поддавалась кирке, но при высыхании легко осыпалась.

На глубине 0,9 м от современной поверхности (подошвы кургана) определены очертания могильной ямы, заваленной крупными валунами, на которых лежала волокнистая прослойка (кора?) красновато-бурого цвета, рассыпающаяся при прикосновении. Яма в форме неправильного овала, длиной 1,95 м, шириной 0,85 м, вытянута с СЗ на ЮВ. Вдоль нижней части западной стенки ямы был обнаружен подбой, дно которого

⁴ Продолжена нумерация раскопок 1934 г.

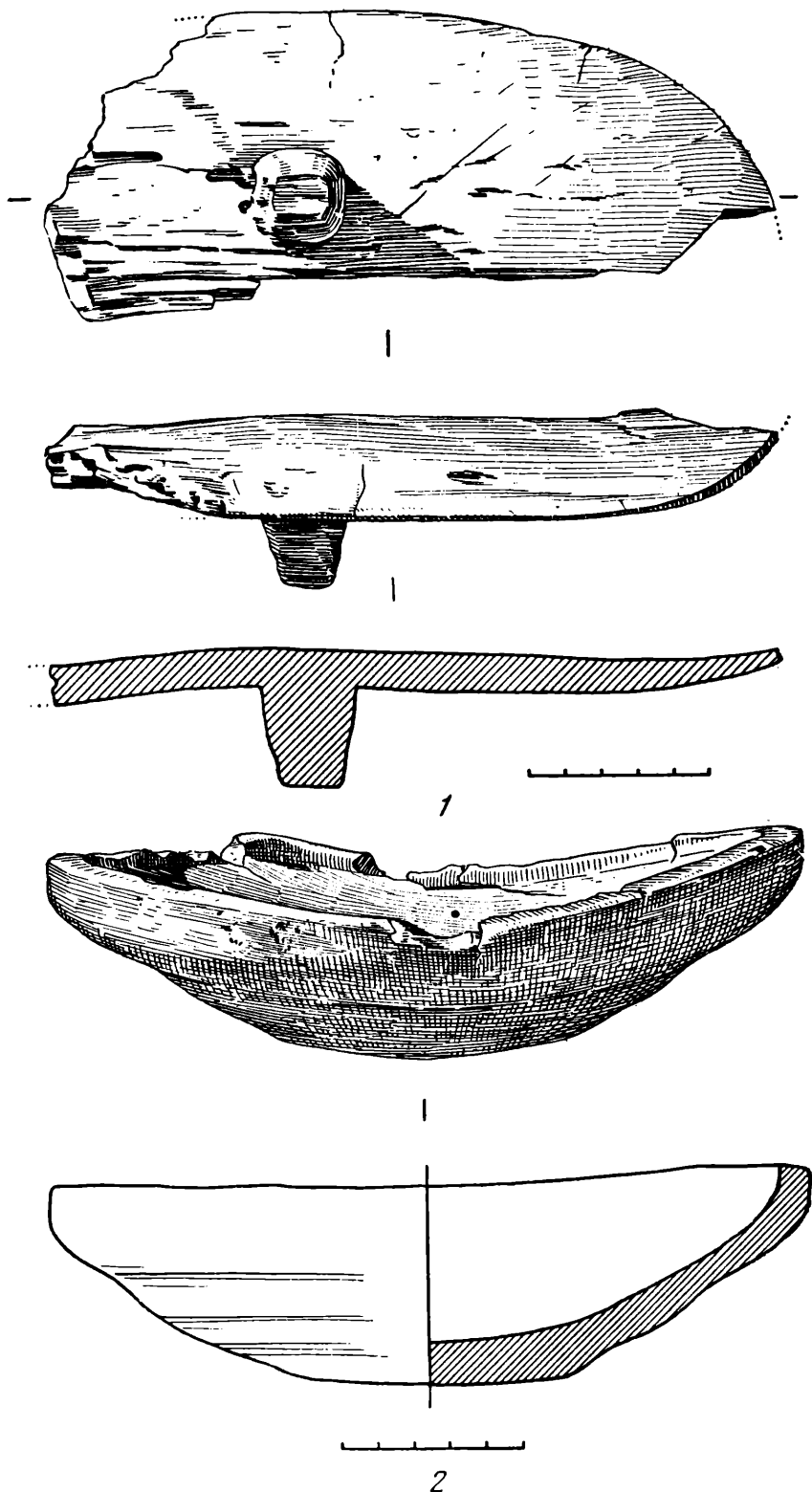

Рис. 7. Деревянные «столлик» (1) и чаша (2) из кургана № 1.

несколько ниже дна ямы. Вход в него закрыт валунами, частично завалившимися внутрь подбоя, а у самого входа — несколько очень крупных камней.

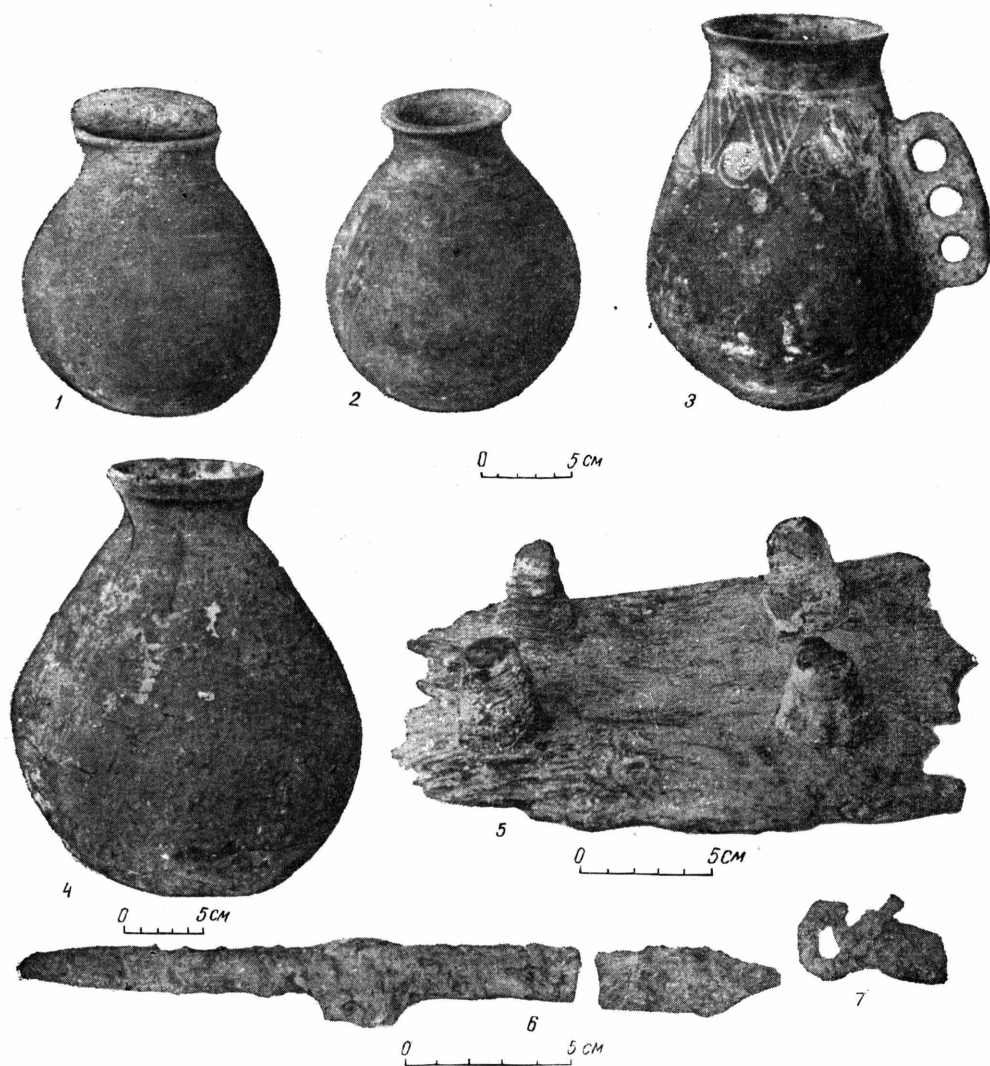

Рис. 8. Находки из Исфаринских курганов.

1, 2 — сосуды из кургана № 3; 3, 4 — сосуды из кургана № 2; 5 — «стол» деревянный; 6 — железный нож; 7 — железная пряжка (5—7 — из кургана № 3).

На дне подбоя, на глубине 1,45 м от поверхности, лежал на спине скелет (видимо, мужской), с вытянутыми и прижатыми к бокам руками. Ноги вытянуты и выше щиколоток перекрещены, голова обращена на ЮВ. Кости хрупкие, очень плохой сохранности; плечо и череп полураздавлены завалившимися камнями.

За черепом справа лежал глиняный сосуд (высотой около 25 см) в форме кувшина без ручки, со слегка уплощенным дном и нешироким горлом (рис. 8 — 4). Глиняная масса желтовато-красная, с белыми известковыми вкраплениями. Сосуд первоначально, по-видимому, стоял и был прикрыт плоской галькой, лежавшей рядом.

У колена слева находился второй такого же размера красноглиняный кувшин с широким горлом, небольшим поддоном и ручкой, имеющей три круглых отверстия для пальцев (рис. 8—3). Сосуд покрыт темно-красным ангобом. На плечиках прочерчен по сырой глине орнамент в виде небольших косо заштрихованных треугольников, свисающих вершинами вниз, отдельных завитков спирали между ними и вертикальных зигзагообразных линий. Сосуд был полузакрит плоской галькой.

К у р г а н № 3. Высота 0,4 м, диаметр 6 м.

После снятия насыпи также заложен раскоп 3×3 м. До глубины 0,4 м от подошвы грунт состоял из песка с небольшим количеством камней (курган находился в небольшой ложбине), но дальше оказался таким же, как в кургане № 2. На этой глубине выявились очертания могильной ямы, расположенной под центром насыпи. Стенки ее были покрыты коркой

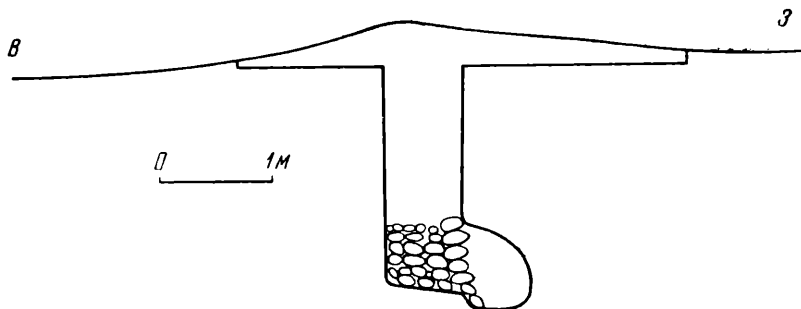

Рис. 9. Разрез кургана № 3.

солей, а сравнительно рыхлое заполнение позволяло хорошо определить границы ямы, имевшей форму неправильного овала ($2,25 \times 0,70$ м), вытянутого почти точно с севера на юг. На глубине 2 м вдоль всей западной стенки сделан подбой, дно которого на 0,15 м ниже покатога к входу в него дна дромоса. Могила (подбой) ориентирована с некоторым отклонением от оси дромоса к ЮЮВ. Длина ее 2,3 м, ширина 0,6 м, наибольшая высота свода 0,65 м. Вдоль восточного края камеры (у входа) лежали крупные валуны, которыми на 0,6—0,7 м в высоту (до глубины 1,35 м) была заложена и вся нижняя часть дромоса, оставляя камеру подбоя свободной (рис. 9). Внизу положены более крупные камни, сверху плоские и мелкие. Подстилки поверх каменной закладки не обнаружено.

Скелет (очень плохой сохранности) лежал головой к югу, на спине, лицом вправо, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямо. Так как на дне подбоя остались большие выступающие камни, то кости ног оказались сломанными, а позвоночник сильно искривлен. Подстилки нет.

В ногах стоял небольшой кувшин желтой глины, широкогорлый, без ручки, с уплощенным дном, прикрытый плоской галькой (рис. 8—1).

У бедра слева, поверх руки, лежал прямой железный нож (длиною 23 см) с остатками кожаного (?) чехла и следами деревянной ручки (рис. 8—6). Здесь же найдена часть железной круглой пряжки с язычком, вероятно, служившей для прикрепления ножа к поясу (рис. 8—7), и небольшой железный стерженек.

У головы слева — еще небольшой кувшин без ручки и с нешироким горлом, покрытый красным матовым ангобом (рис. 8—2).

За головой, у самой стенки могильной камеры, обнаружен деревянный «столлик» в виде довольно тонкой овальной дощечки длиной 30 см, гладкой с одной стороны и с четырьмя невысокими столбиками-ножками — с другой (рис. 8—5). Кроме того, у головы обнаружен маленький плоский треугольный камешек.

Положение скелета (курган № 2) — с тесно прижатыми к телу руками и со скрещенными ногами (см. также курган № 1) — позволяет предполагать, что тело умершего при погребении было связано⁵.

В последующие годы в Фергане и прилегающих к ней горных районах обнаружены и раскапывались несколько курганных могильников, аналогичных Исфаринскому. А. Н. Бернштам исследовал такие курганы у Боркорбаза⁶, Джангаила, Гурмирона и другие, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский в Варухе⁷, Ю. Д. Баруздин у Кара-Булака⁸. Кроме многих общих черт в устройстве могилы и обряде погребения, эти могильники объединяет и сходство инвентаря, в особенности керамики⁹. Довольно близкие аналогии, главным образом в обряде погребения в подбоях, они находят также и в других районах Средней Азии — на Алае, Тянь-Шане (Кырчин, Аламышик, Мааша, Кургак)¹⁰, в Бухарском оазисе (Кую-Мазар)¹¹. Неоднократно отмечались их связи и с более широким кругом памятников племен сарматских кочевников первых веков н. э., что может иметь большое значение для установления роли в общей системе хозяйства древней Ферганы тех групп кочевого, видимо, ее населения, которые оставили эти курганы¹².

Еще при раскопках Исфаринского могильника стала очевидной чрезвычайная близость обнаруженных в нем сосудов с керамическим комплексом, характерным для памятников оседло-земледельческой культуры Ферганской долины периода Ф. II (III в. до н. э. — IV в. н. э.).¹³ Находка железного трехперого черешкового наконечника стрелы так называемого сарматского типа, при продолженных в 1934 г. раскопках небольшого тепе у Кугая, где вместе с этим наконечником была обнаружена красноангобированная с прочерченным орнаментом и других типов керамика, относящаяся к периоду Ф. II¹⁴, позволила уточнить датировку позднего этапа этого периода (Ф II/3) II—IV вв. н. э. Таким образом, присутствие такой керамики в погребениях Исфаринского могильника дало возможность датировать их рубежом — первыми веками н. э. Эта дата была подтверждена изучением и других аналогичных курганных могильников Ферганы.

⁵ Е. П. Алексеева указывает на находку остатков ремня на перекрещенных голенях в сарматском погребении Зап. Казахстана. Она отмечает, что перекрещенные голени характерны для сарматских погребений в ряде районов. (Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 77 и примеч. 3).

⁶ С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 131—147.

⁷ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 22—70.

⁸ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. Труды Института истории АН КиргССР, вып. II, Фрунзе, 1956.

⁹ См., например, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 25, рис. 3; стр. 26, рис. 4; стр. 37, рис. 18, 2—4; стр. 39, рис. 19, 1; стр. 40, рис. 20, 5—8; стр. 45.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 68, рис. 34 и 35; стр. 193 и рис. 76, 4; стр. 202—203 и рис. 84.

¹¹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 207, рис. 1.

¹² Об общей постановке вопроса, этнической принадлежности и датировке ферганских и аналогичных им среднеазиатских курганных могильников см. С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954; его же. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, как памятники местной культуры. СА, XXXVI, 1956; его же. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 3—14; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 69—70.

¹³ Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 17 — таблица схемы археологической периодизации; его же. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

¹⁴ Б. А. Латынин. Работы в районе электростанции на р. Нарын в Фергане. Известия ГАИМК, вып. 110, Л., 1935, стр. 132—134 и рис. 109, 110, 113—115.

Керамика Исфаринских курганов указывает на некоторые связи и с Чирчик-Ангренским оазисом, о чем свидетельствует найденный в кургане № 2 сосуд с ручкой, напоминающей схематическую фигурку животного. Фигурки эти характерны, как известно, для этапа II каунчинской культуры, синхронного периоду Ф II Ферганы¹⁵. Деревянные «столики» из курганов № 1 и № 2 аналогичны «столику» из Кенкольского могильника. С. С. Сорокин на основе анализа железных черешковых стрел (подобных стреле, найденной и в тепе у Кугая) отнес могильник ко II—IV вв. н. э.¹⁶

Вопрос о курганных могильниках предгорий и горных долин Ферганы существенно важен для изучения экономики и истории ее ранних периодов. Эти памятники несомненно близки и родственны по своему типу некоторым курганам того же, примерно, времени, оставленным в степях племенами кочевников.

Как уже говорилось выше, керамика Исфаринских и других подобных курганов свидетельствует о постоянных связях оставившего их населения с оседло-земледельческим населением Ферганы периода около рубежа н. э. Однако, при всей близости типологических признаков, можно проследить и известную разницу в этих двух группах керамики. Она, пожалуй, яснее всего сказывается в отборе форм сосудов, встречаемых в курганах. Но если отсутствие в них обычных для оседлых поселений Ферганы больших и средних размеров хумов (сосудов для хранения запасов) могло быть обусловлено их размерами и особым назначением, то отсутствие (или чрезвычайная редкость) в курганных погребениях красноангобированных чаш и сосудов некоторых других форм, очевидно, определялось иными причинами. Тем более, что сосуды этих форм встречаются в большом количестве не только в развалинах одновременных поселений, но и в бескурганных могильниках оседлого населения (Коштепинском на Большом Ферганском канале, Ширинсайском и др.). Такой отбор населением, оставившим курганные могильники, из общего с жителями оседлоземледельческих поселений комплекса керамики лишь некоторых сосудов определенных (закрытых) форм не случаен. Его, вероятно, следует рассматривать как отражение особенностей хозяйственного и бытового укладов.

При постановке вопроса о курганных могильниках Ферганы нельзя не обратить внимания и на то, что их объединяют не только общность обряда погребения и инвентаря, но и природные условия их расположения — могильники эти находятся или в предгорьях, у выхода узких горных долин сбегających на равнину речек, т. е. в зоне современных зимовок скота при отгонном его содержании, или в самих долинах, служащих естественными путями к летним высокогорным пастбищам. Известны они и в зоне этих горных пастбищ, например на Алае.

Все эти черты, столь характерные для ферганских курганных могильников, отражают несомненно доминирующее значение определенных форм скотоводства в хозяйстве оставившего их населения и близость этого населения с племенами кочевников. Эти памятники дают основания предполагать существование в древней Фергане, наряду с оседлым поливным земледелием, определявшим основной профиль хозяйства, развитого скотоводства. И притом скотоводства не только придомного, с посевами люцерны для стойлового содержания домашних животных (как об этом свидетель-

¹⁵ Из могилы в катакомбе близ Ташкента известна кружка позднекаунчинского типа с подобной же (но с двойным, а не тройным кольцом) ручкой. Сборы И. А. Анбоева на могильнике «Никифоровские земли». Хранится в Археологическом кабинете САГУ.

¹⁶ С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника (КСИИМК, вып. 64). Для несколько более раннего времени их, видимо, можно сопоставить со столиками-подставками из курганов ранних кочевников Алтая, найденными в Пазырыке и Бошадаре и, возможно, с каменными «столиками» сарматских погребений.

ствуют китайские источники), но и в отгонных его формах, с летним выпасом стад на горных пастбищах (яйлоу) и зимовками в предгорьях¹⁷.

Сосуществуя, два уклада хозяйства — оседлое поливное земледелие в долине и отгонное на горные пастбища скотоводство, — очевидно, были тесно связаны и дополняли друг друга.

Если аналогии эйлатанской и актамовской керамики с керамическими материалами из некоторых алайских курганных погребений и селищ (могильник Шарт I и II и селище у Дараут-Кургана) точны¹⁸, то такое отгонное скотоводство существовало в Фергане по крайней мере уже с середины I тысячелетия до н. э. (период Ф I/2). Близость (тождество) керамики земледельческих поселений Ферганской долины периода Ф II и сосудов из таких курганных могильников, как Исфаринский, Боркорбаз и др., свидетельствует о том, что оба уклада хозяйства продолжали сосуществовать (и, вероятно, были связаны еще тесней) и в эпоху последних веков до н. э. — первых веков н. э., так же как оба они удерживались и дополняли один другой в Фергане и в позднейшее время¹⁹.

Интересные материалы по сочетанию оседлого поливного земледелия в Ферганской долине с отгонным скотоводством, позволяющие яснее представить вероятные формы такого сосуществования их и в древности, дает этнография. Как в дехканских и в особенности в крупных байских хозяйствах дореволюционного времени, так и в колхозах современной Ферганы на стойловом содержании находится лишь небольшое число домашних животных, используемых главным образом как тягловая сила. Остальной скот — большие табуны лошадей, стада коров и овец — летом перегоняется на горные пастбища, а осенью возвращается на зимовку в предгорья и на неорошаемые участки предгорной степи. Пути для перегона служат долины горных речек, сбегających в Фергану с окружающих ее гор. Сопровождают стада на яйлоу и во время зимовок в предгорьях не владельцы стад — оседлые жители долины, а особые пастухи из ближних предгорных и расположенных в горных долинах не земледельческих кишлаков (обычно киргизских). Стада колхоза, такого, например, большого, исконно земледельческого таджикского кишлака, как Кыстакоз (Чкаловск) Ленинадской обл., сопровождают нанимаемые ранее для этого жители соседних предгорных киргизских и узбекских селений Лайлак, Маргум и др., с укрупнением колхоза вошедшие в него как особая животноводческая бригада²⁰.

Как бы не решался вопрос об этнической принадлежности групп эйлажных скотоводов древней Ферганы, оставивших в ее предгорьях и окружающих горах курганы с подбойными (обычно) погребениями, и осед-

¹⁷ Для коневодства, впрочем, указания на это есть, видимо, в тех же китайских хрониках, когда в них дается рациональное объяснение происхождению знаменитых «потокровных» ферганских лошадей от пригоняемых в горы кобылиц и чудесных «небесных» коней-производителей. Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 149, прим. 6.

¹⁸ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 200 и рис. 83, стр. 193, след. и рис. 79. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 8.

¹⁹ В некоторых случаях в курганных погребениях Ферганы была встречена и более поздняя, изготовленная на ножном гончарном круге керамика (характерная для оседло-земледельческих поселений периода Ф III), датируемая V—VIII вв. н. э. См., например, Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Указ. соч., рис. 12, сосуд из Чорку. Станковые красноангобированные сосуды периода Ф III, иногда с типичной для этого времени волнистой орнаментальной полосой у основания горла, обнаружены в некоторых курганных погребениях у Таш-Кургана при раскопках, проводившихся сотрудниками Ферганского и Андижанского краеведческих музеев Н. Г. Горбуновой, В. И. Козенковой и Б. З. Гамбургом в 1956 г.

²⁰ Сб. «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства». См. Н. Н. Ершов, гл. II, разд. «Животноводство». Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XXIV, М.—Л., 1954, стр. 90—101.

лого земледельческого населения долины²¹, их культурные и, вероятно, общественно-политические связи, так же как и тесная связь двух дополнявших друг друга укладов хозяйства, представляются несомненными.

Такое соотношение их делает, видимо, необходимым несколько изменить существовавшие представления о том, что история Средней Азии на протяжении веков сводилась, в основном, к борьбе оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов. На примере анализа конкретных археологических материалов древней Ферганы можно проследить иное. Они подтверждают, что в развитии производительных сил общества одной из ведущих особенностей для Средней Азии являлась не борьба, а сосуществование взаимосвязанных и дополнявших друг друга укладов: оседлоземледельческого в орошаемых оазисах и скотоводческого, кочевого в прилегающих к ним степях, или отгонного (на яйлоу) в предгорных районах²².

Сосуществование и тесные экономические связи этих, в отдельности неизбежно узко специализированных, типов хозяйства приводили к тому, что они дополняли друг друга, образуя не два антагонистических полюса, а две взаимозависимые части единого целого. Необходимость установления и поддержания взаимных экономических связей в значительной мере обуславливалась в предгорных районах и самими природными условиями расположения сезонных пастбищ: летних — на высокогорных лугах, зимних — в долинах и предгорьях, т. е. в зоне, благоприятной и для орошаемого земледелия. При мирном сосуществовании этих двух укладов хозяйства создавались благоприятные возможности наиболее целесообразного и продуктивного использования и тех и других пастбищ в общих интересах.

При отсутствии или нарушении этого экономического равновесия неизбежно возникали трудности, губельно сказывавшиеся как на оседло-земледельческом, так и на кочевом скотоводческом (в тех или иных его формах) хозяйствах. Возникали столкновения из-за пастбищ и та борьба и войны, которые иногда приводили к разорению земледельческих оазисов кочевниками, обращавшими их в зимние выпасы для своих стад. Но, тем самым лишив себя необходимых продуктов и изделий, которые могло дать только оседлое земледельческое население оазисов и сосредоточенных в них городов, кочевники были вынуждены вскоре сами же заботиться о восстановлении ирригационных сооружений, охране полей от потравы скотом, о возобновлении ремесел и торговли и т. п.

Такие столкновения и войны в истории Средней Азии повторялись неоднократно и неизменно вели к периодам временного упадка экономической и культурной жизни. Но возникали они не потому, что борьба кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев была чем-то неизбежным и являлась естественным для них состоянием. Не потому наступали и последующие периоды упадка, что политическое господство захватывали менее культурные племена кочевников. Основной причиной этих явлений было нарушение экономического единства и взаимно необходимых связей той двухчастной системы, которая только и могла создавать благоприятные условия для развития и земледельческого и скотоводческого укладов хозяйства.

²¹ Очень интересное и смелое решение его предлагается сейчас С. С. Сорокиным. См. автореферат его кандидатской диссертации «Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы». Л., 1958.

²² Мнение о двусторонности хозяйственного процесса у древних народов Средней Азии высказывалось и С. П. Толстовым (см. его доклад «Варварские племена на периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным», на совещании по археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана в 1956 г. в Сталинабаде). О взаимозависимости и сосуществовании этих двух укладов в другой связи говорил А. Н. Бернштам. (Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 111). Более определенно эту мысль выразил М. М. Дьяконов (там же, стр. 500).

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. КРЫЛОВА

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ
В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Отрядом Восточно-Казахстанской Археологической экспедиции под руководством автора в 1955 г. произведена разведка в Восточно-Казахстанской области в пределах Больше-Нарымского района (рис. 10). В результате работ открыто два палеолитических местонахождения, на которых в общей сложности найдено более 500 кремневых изделий.

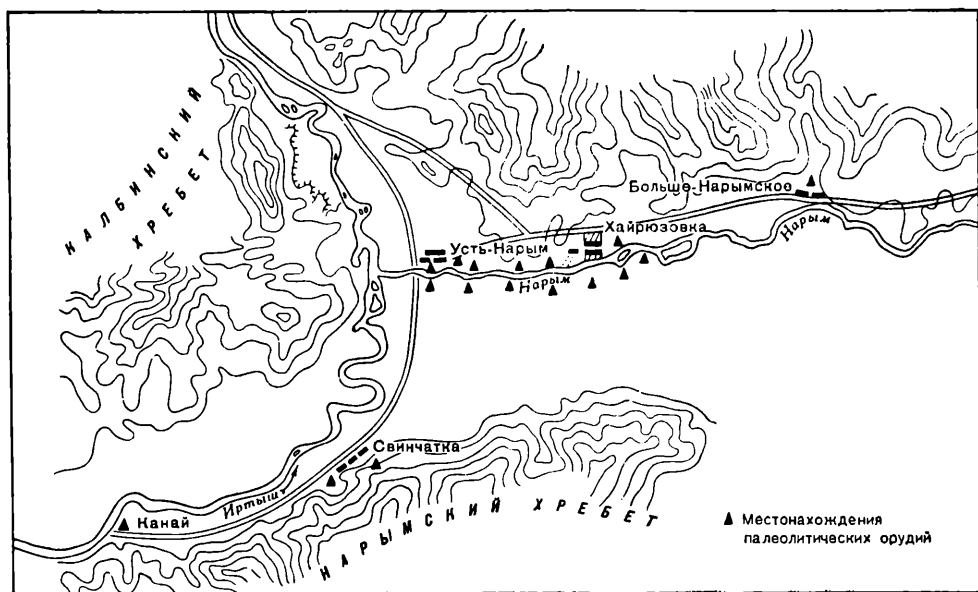

Рис. 10. Палеолитические местонахождения в районе устья р. Нарым.

Первое местонахождение располагается на р. Нарым, в ее нижнем течении в широкой (до 12 км) древней речной долине, ограниченной с юга Нарымским хребтом и с севера невысокими отрогами Зырянских гор. Берега современной реки низкие, пологие, лишь изредка встречаются останцы террас, состоящих из плотного суглинки, под которым залегают

мощный слой галечника. Нижняя его граница расположена ниже современного уровня реки и она размывает этот слой, в результате чего образовались отмели из крупной и мелкой гальки разной окатанности, гравия и мелкого песка. Отмели по левому и правому берегам реки занимают на всем протяжении довольно обширную площадь. Некоторые из них тянутся на 100—200 м.

Галечниковые отмели по обоим берегам содержат остатки палеолитических орудий, залегающих некомпактно, и кости плейстоценовых животных¹. Но костей собрано немного — обломок трубчатой кости мамонта и два обломка трубчатых костей крупных копытных.

В кремневом материале преобладают удлинённые пластины. Они сильно варьируют в размерах: от довольно крупных — длиной 14—12 см, и шириной 4—5 см, до миниатюрных — 3 см длины и 1,0—0,5 см ширины. Для них характерна выпуклая спинка с двумя, а иногда и тремя продольными гранями. Большая часть их правильных очертаний с тщательной ретушью по одному или обоим краям, но встречаются пластины и без ретуши. Выделяется одна, более широкая и массивная пластина с хорошо выраженной ретушью вдоль краев, заходящей на нижнюю поверхность (рис. 11—4).

Другой большой группой представлены нуклеусы — куски кремня, на поверхности которых заметны следы сколов неправильных очертаний.

К единичным находкам можно отнести два скребка (рис. 11—2), приготовленные на концах правильных пластин около 5 см длиной с ретушью по обоим краям. Лезвие их полукруглое, оформлено тщательной ретушью. Найдены также два остроконечника (рис. 11—1). Один из них довольно больших размеров, изготовлен из широкой пластины. Обе стороны и заостренный конец тщательно отретушированы крупной ретушью, заходящей на нижнюю поверхность орудия. Упомянем также скребло (рис. 11—7) овальной формы на массивном отщепе, обработанное по всему краю грубой ретушью, и плоское дисковидное орудие (рис. 11—6), обработанное с обеих поверхностей крупными сколами, а по краям, кроме того, ретушью.

Помимо ясно выраженных орудий, собрано большое количество отщепов, частью также с ретушью. Весь материал лишен патины и окатан сравнительно слабо, за исключением нескольких экземпляров. Характер окатанности показывает, что орудия не претерпели большого перемещения. Вероятно, место первоначального их залегания размывало рекой, они были переотложены на сравнительно короткое расстояние и только после того, как река размывала аллювиальные отложения, оказались на поверхности.

Орудия по форме и технике обработки можно отнести к верхнему палеолиту. В пользу такой датировки свидетельствует и характер нуклеусов — неопределенной неустойчивой формы, со следами широких неправильных сколов.

Обращает внимание отличие этих изделий от типичных орудий сибирского верхнего палеолита, которому не свойственно обилие широких пластин; но находка грубо обработанного массивного скребла позволяет говорить о некотором сходстве с типичными формами верхнего палеолита Сибири.

Второе местонахождение обнаружено в районе пос. Свинчатка, на втором делювиально-пролювиальном террасовидном уступе Нарымского хребта, который постепенно понижается к северу и переходит в первый террасовидный уступ, оканчивающийся широкой поймой Иртыша и Нарыма. Эти уступы перекрываются внизу аллювиальными отложениями обеих рек.

Уступы находятся на 18—35 м выше современного уровня реки.

Нами обследована территория к западу и востоку от поселка.

¹ Определение Н. К. Верещагина. В галечниках находились и другие кости животных, но значительно более поздние.

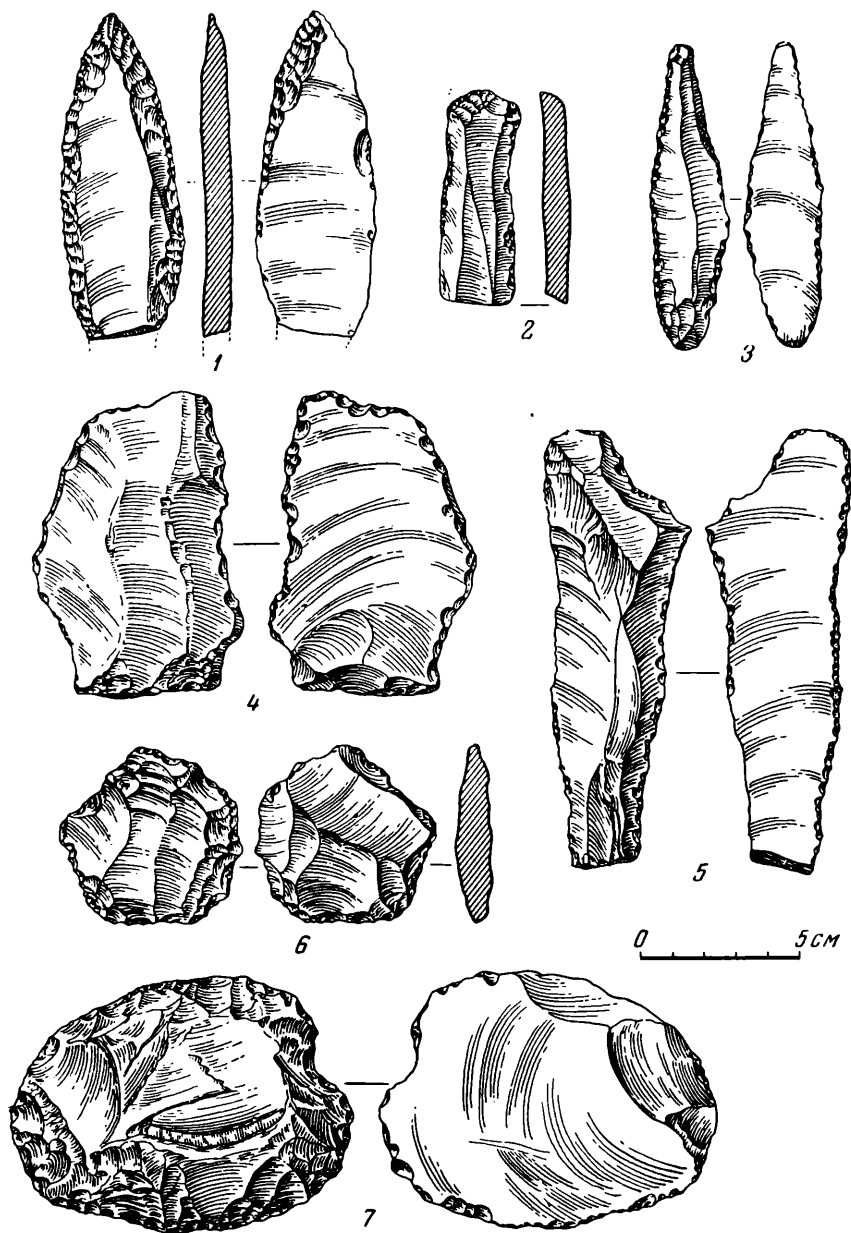

Рис. 11. Палеолитические находки на р. Нарва.

1—7 — кремневые орудия.

Восточнее поселка находки приурочены к первому террасовидному уступу, на котором сохранилось несколько обширных геологических разрезов. По дну одного из разрезов течет небольшой ручеек; в его русле обнаружены очень грубые массивные изделия из порфирита. Ручеек приводит к небольшой поляне второго террасовидного уступа; эта терраса как бы вклинивается в горы, окаймляющие ее полукругом.

При осмотре поляны найдено большое количество отщепов из порфирита и кремневой гальки со следами слабой окатанности. Однако в заложенных шурфах палеолитического культурного слоя не обнаружено. Воз-

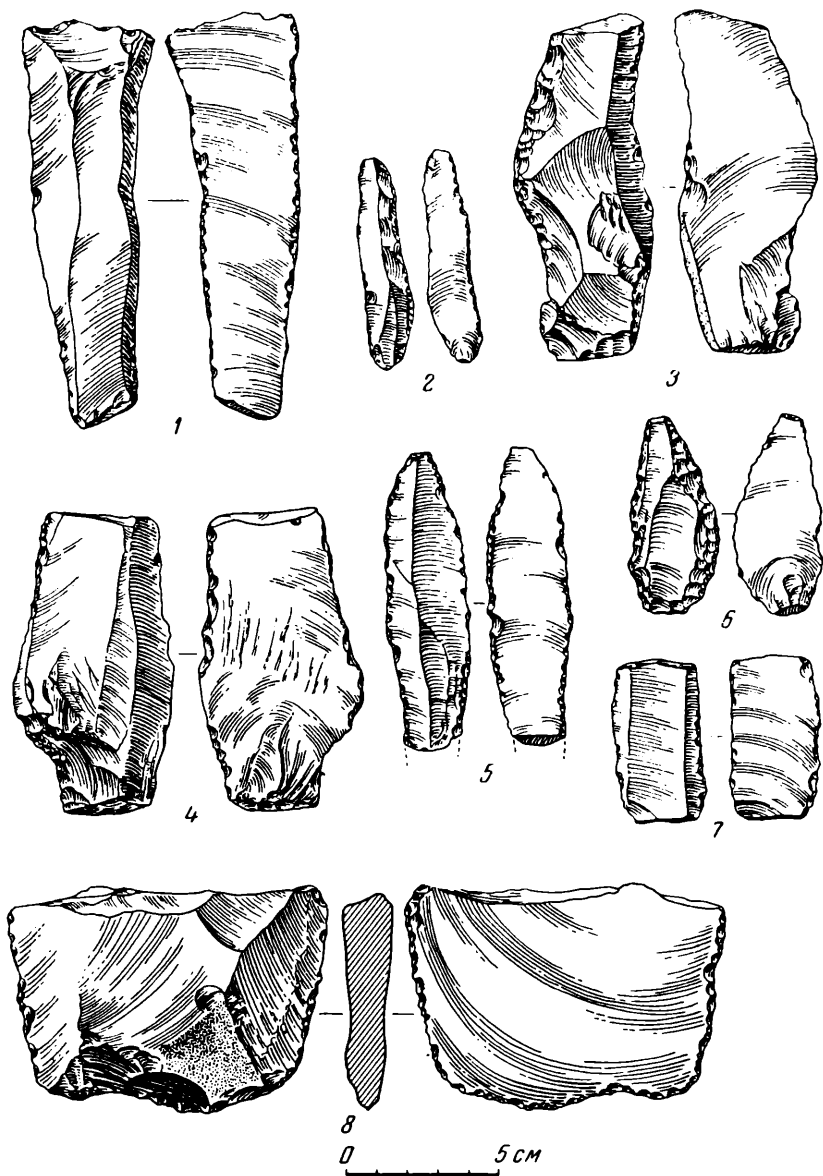

Рис. 12. Палеолитические находки у пос. Свинчатка.

1—8 — кремневые орудия.

можно, что стоянка находилась где-то выше, на самом хребте, и культурный слой ее постепенно сносится водой.

К западу от поселка на том же террасовидном уступе собраны орудия палеолитического облика. Материалом для изготовления служила черная и зеленая кремнистая порода, встречающаяся в галечниках Иртыша и Нарыма.

Характерной особенностью этой серии можно считать орудия из зеленоватого порфирита, выходы которого рядом, в Нарымском хребте. Эта порода значительно хуже поддается обработке, чем кремний, и орудия из нее грубее и бесформеннее. Найдены, главным образом, массивные отщепы

и пластины с очень грубой ретушью. Удлиненные пластины сильно варьируют в размерах от довольно крупных (12—10 см длиной) до миниатюрных (2—1 см длиной). Многие из них имеют хорошо выраженную ретушь по краям.

Небольшой группой представлены концевые скребки на удлиненных, довольно правильных пластинах в среднем 5—6 см длины и нуклеусы — крупные куски кремня со следами слабой окатанности. Следы отделения от них широких пластин немногочисленны, сколы идут в разном направлении. Подготовленная ударная площадка отсутствует.

К единичным находкам относится остроконечник, сделанный на небольшом отщепе удлиненно-треугольной формы (рис. 12—6) и скребло (рис. 12—8) из массивного отщепа; рабочий край оформлен грубой ретушью.

Таким образом, в материалах из местонахождений Нарым и Свинчатка преобладают пластины разных размеров, с ретушью и без нее, и орудия на пластинках. Материалом для изготовления орудий служил порфирит и зеленовато-серая кремнистая порода.

Нельзя не отметить сходство наших находок с орудиями из палеолитического местонахождения у аула Канай в Казахстане², а также с палеолитическими орудиями из северного Таджикистана³.

В обоих этих пунктах, как и у нас, найдены различные пластины, отщепы, остроконечники, как и в наших, отсутствуют резцы и мелкие геометризованные формы, совсем нет керамики.

Все сказанное позволяет отнести находки на р. Нарым и у пос. Свинчатка к эпохе верхнего палеолита, вероятно, к ее концу, не уточняя более подробно этой датировки.

² С. С. Черников. О работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 44—47.

³ А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарья осенью 1955 г. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956.

Э. А. АБРАМОВА, А. П. ОКЛАДНИКОВ, Е. Ф. СЕДЯКИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ АНГАРЫ В 1956 г.

В 1956 г. Ангарская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР продолжала, под руководством А. П. Окладникова, исследования в районе строительства Братской ГЭС. В этой части Ангарской долины, от устья р. Белой и до Братска, в течение ряда лет, с 1932 по 1939 г. уже велись систематические обследования и раскопки Ангарской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Иркутского музея (под рук. А. П. Окладникова). В результате этих работ в долине Ангары открыто большое количество древних захоронений, поселений и несколько пунктов с наскальными изображениями.

Итоги работ 1932—1939 гг. нашли отражение в печати, в том числе в монографических исследованиях А. П. Окладникова по неолиту и бронзовому веку Прибайкалья¹.

Однако некоторые наиболее крупные поселения и могильники оставались неисследованными до конца. Таковы, например, в низовьях Ангары могильник Братский Камень и неолитическое поселение у Монастырского Камня, а выше по Ангаре Пономаревский, Середкинский, Серовский, Усть-Удинский и другие могильники, в которых ранее были обнаружены богатые и важные для понимания неолита и бронзы Прибайкалья погребения. Следовало ожидать, что во всех этих могильниках будут открыты новые захоронения, позволяющие еще полнее охарактеризовать культуру неолита и бронзового века Прибайкалья. Но для этого нужно было произвести сплошные раскопки, охватывающие по возможности всю площадь древних могильников и, отчасти, соседнее с ними пространство. Необходимо было продолжить и широкое исследование древних поселений, которые должны быть затоплены водами будущего Братского моря. С этой целью из состава экспедиции выделены два отряда. Первый верхнеангарский² — работал в районе между устьем р. Белой и Усть-Удой, второй — нижнеангарский³ — в районе Братска.

* * *

Верхнеангарский отряд провел раскопки Пономаревского могильника, одного из опорных памятников для относительной хронологии эпохи

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18, 1950; е го же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. МИА, № 43, 1955.

² Руководитель Э. А. Абрамова. В отряде работали Н. А. Мамонова (ИЭ АН СССР), Е. А. Хамзина (Бурят-Монгольский Краеведческий музей), А. Д. Фатьянов (Иркутский худож. музей), чертежник-фотограф В. И. Сенчуков, студенты и школьники г. Иркутска.

³ Под руководством Е. Ф. Седякиной. В нем участвовали студенты Ленинградского, Московского и Иркутского университетов.

неолита и ранней бронзы в долине р. Ангары и могильника у с. Усть-Уда. Ранее на Пономаревском могильнике А. П. Окладников исследовал 18 погребений ранних этапов неолита — исаковского и серовского, а в Усть-Удинском — 2 погребения серовского и 9 — глазковского времени. Для вскрытия оставшихся погребений, не имевших никаких признаков на поверхности, применен метод раскопок широкими площадями, при котором даже отрицательные результаты были важны: теперь можно быть уверенным, что на раскопанной площади вскрыты все погребения.

Пономаревский могильник находится на правом берегу р. Ангары, в 100 км ниже г. Иркутска. Он расположен на склоне коренного берега, довольно круто спускающегося к Ангаре, но образующего пологие уступы к устью пересохшей речки, когда-то впадавшей в Ангару. На этом пологом склоне, сохранившем следы старых раскопок, в общей сложности вскрыта площадь около 750 кв. м: широкие раскопы на верхнем и нижнем уступах и соединяющая их траншея по склону. Погребения обнаружены только на уступах, в ближайшем соседстве со старыми раскопами, траншея дала лишь разрозненные находки. Всего вскрыто девять погребений; из них три разрушенных (1, 2, 6), два относятся к исаковскому времени (4 и 9), два — к серовскому (3 и 7), одно к — глазковскому (№ 8) и одно трупосожжение с сильно поврежденным инвентарем (№ 5).

Для этих погребений Пономаревского могильника характерно отсутствие четко выраженных каменных кладок над могилами. Сразу под дерном, а иногда на глубине 30—40 см находились единичные камни. Исключение составляет лишь кладка над трупосожжением, которая имела вид неглубокой впадины, выложенной плоскими плитами известняка, высоко поднимающимися в одном конце.

Над остальными погребениями находились единичные или расположенные без определенного порядка плитки известняка и изредка округлые валунчики. Иногда плитки лежали довольно высоко над костяком и лишь в глазковском несколько плиток прикрывало непосредственно кости скелета. Два погребения ориентированы параллельно реке, головою вниз по течению, на северо-запад: это — одно из серовских (№ 3) и глазковское (№ 8). Второе серовское (№ 7) ориентировано почти строго на север, с небольшим отклонением к западу. Оба погребения исаковского времени ориентированы параллельно реке, но головою вверх по течению, на восток.

Могильная яма прослеживается, чаще всего, по более темному заполнению. Следов краски в могиле почти не наблюдалось, за исключением комков охры в погребениях исаковского времени. Костяки залежали на глубине 0,3—0,7 м от поверхности. Все они лежали на спине, в вытянутом положении, руки вдоль тела, иногда согнуты в локтях, так что кисти находились на тазе. Все погребения принадлежали взрослым, исключая № 9 — детское (7—9 лет).

Инвентарь погребений достаточно характерен, чтобы их можно было датировать. В одной из могил исаковского времени находился глиняный сосуд типичной яйцевидной формы; на втором, детском, погребении, с очень богатым инвентарем, мы остановимся подробнее. Скелет был частично прикрыт кладкой, рядом с ее нижними камнями обнаружен череп. Рядом с черепом, на шейных позвонках, лежал кабаньей клык, с просверленными отверстиями на конце; на расстоянии 15 см от правого плеча находилось сланцевое тесло; на костях правого предплечья — длинный кремневый кинжал, поперек него — сланцевый ножичек; поперек туловища, на месте таза, лежали костяное тесло, пластинка резца бобра и крупный кремневый нож; вдоль левого бедра — костяное орудие; вдоль правого — два костяных острия; у костей левой голени — 22 и у правой — 26 кремневых наколечников, обращенных вниз, и выше их 2 костяных стержня. Ближе

к правому колену лежали два кремневых отщепы и глиняный раздавленный и рассыпающийся сосудик.

Погребения серовского времени также содержали характерный инвентарь: нефритовые тесла, кремневые наконечники стрел и т. д. В одном из них вдоль всего костяка лежала костяная обкладка лука. Кроме того, интересно отметить плохо сохранившиеся волокна смолистого дерева, по-видимому лиственницы (?), когда-то прикрывавшей весь костяк и не выходящей за пределы могильной ямы.

В погребении глазковского времени обнаружен типичный нефритовый кружок с просверлиной.

Труднее датировать трупосожжение, но, судя по сохранившимся кремневым вкладышам, наконечникам стрел и типичным бусам, оно может быть отнесено к серовскому времени.

Могильник у с. Усть-Уда находится в 318 км ниже г. Иркутска, на правом берегу р. Ангары, при впадении в нее р. Уды, на третьей террасе Ангары, в нижнем конце с. Усть-Уда. Рядом со следами старых раскопов заложен новый, вскрывший широкую площадь от края террасы до распаханного поля. С двух других сторон раскоп ограничен узкими, но глубокими промоями.

В могильнике вскрыто 13 погребений (четыре из них разрушены); все они относятся, по-видимому, к глазковскому времени, но небольшая часть их с металлическими вещами среди инвентаря, возможно, шиверского времени. Захоронения не все одинаковы, они различаются по обряду погребения и по составу инвентаря.

В большинстве случаев кладки над могилами очень хорошо выражены. Они округлой или продолговато-овальной формы и тщательно выложены известняковыми плитками разной толщины и небольшими округлыми валунчиками. В тех случаях, когда погребение разрушено, кладки очень характерны: они значительно больших размеров, с расплывшимися краями и ямой в центре, лишенной камней.

Могильные ямы в большинстве случаев хорошо заметны и вырисовывались более темным пятном вскоре после снятия кладки.

Все погребения ориентированы параллельно реке, головою вниз по течению, с небольшими отклонениями на С, ССЗ и СЗ.

В семи погребениях (включая два разрушенных) костяки лежали вытянуто на спине, руки параллельно телу, иногда незначительно согнуты в локтях. Три костяка лежали на правом боку, в сильно скорченном положении, и лишь один — детский — на левом боку. Интересно отметить, что скорченные костяки ориентированы на СЗ.

Инвентарь четырех погребений содержал изделия из металла: в детском погребении (№ 1) — небольшой бронзовый ножичек и два обломка какого-то украшения из бронзовой проволоки; в разрушенном (№ 9), инвентарь которого в значительной части уцелел, находился медный рыболовный крючок (рис. 13 — 1), в другом совершенно разрушенном погребении № 11 на уцелевших фалангах ног было проволочное украшение и, наконец, в погребении № 12 среди различных колец и кружков из нефрита и мрамора обнаружено крупное кованое из меди украшение в виде кольца с неровным внешним краем (рис. 13 — 2).

В погребениях собраны многочисленные и разнообразные орудия, оружие и украшения: ножи, гарпуны, наконечники стрел, нефритовые кольца, подвески из зубов марала и т. д. Особенно выделяются предметы искусства, вырезанные из кости и рога: человеческие изображения (рис. 14), плоскостные, с тщательно моделированными лицами; подвеска с изображением человеческого лица, скульптурная головка лося, и, наконец, не имеющее аналогий в первобытном искусстве Сибири скульптурное изображение лягушки.

Помимо раскопок могильников, отряд провел небольшую разведку в ближайших окрестностях сс. Пономарево и Усть-Уды. В Пономарево на всем мысу, где находится могильник, обнаружены отщепы из темно-серого непрозрачного кремня с черными прожилками, очень напоминающего кремь из Мальты. В средней части траншеи, соединяющей оба уступа, сразу под дерном находилось скопление маловыразительных отщепов и осколков.

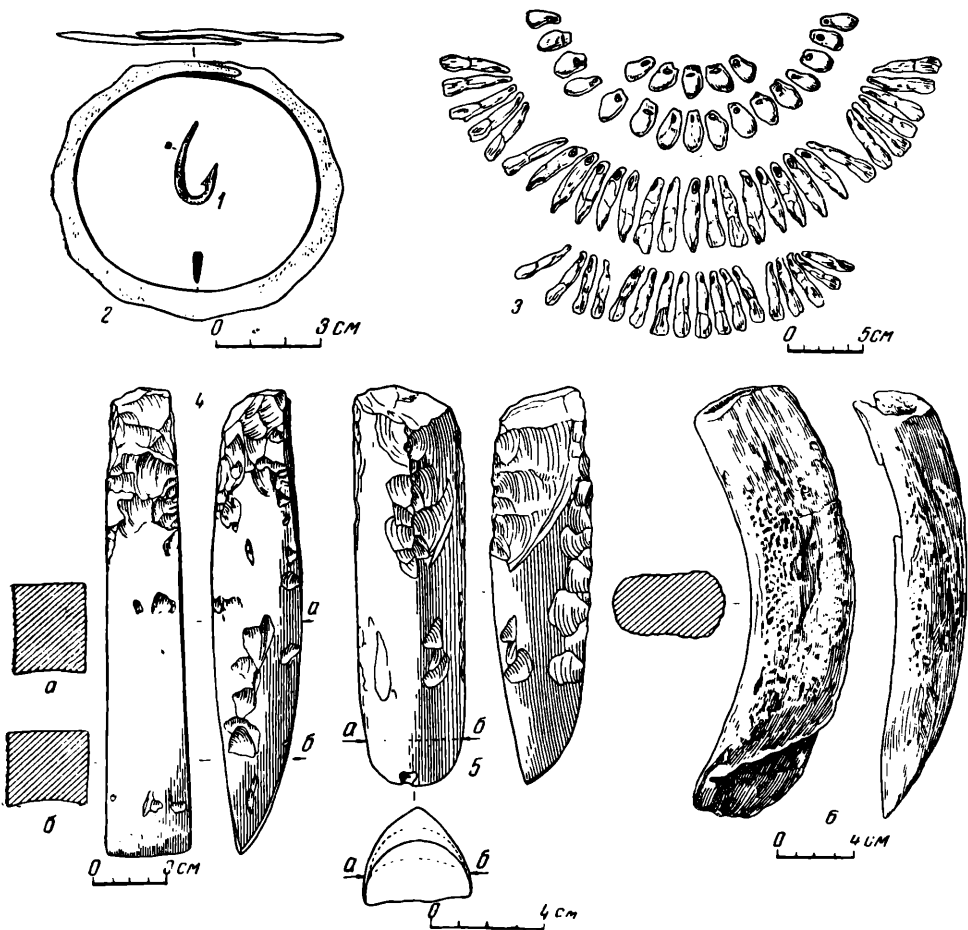

Рис. 13. Археологические находки в долине р. Ангары

1 — медный рыболовный крючок (Усть-Уда, погребение 9); 2 — кольцо из меди (Усть-Уда, погребение 12); 3 — бусы из клыков марала и резцов лося; 4 — тесло из серого кремнистого сланца; 5 — тесловидное орудие; 6 — мотыга из рога лося (3—5 — Братск, погребение 3; 6 — погребение 12).

В Усть-Уде по склону 3-ей террасы, которая тянется вдоль реки ниже деревни, встречаются многочисленные кремневые отщепы. Местами можно было проследить залегание кремней *in situ* в слое, переходном от дерна к подстилающей супеси. Иногда в этом слое встречаются обломки костей животных. Среди находок следует отметить два кремневых наконечника стрел (один с черешком, второй с шипом), два кремневых скребка, три нуклеуса-скребка и большое количество миниатюрных призматических ножевидных пластинок. Интересно, что находки встречаются на всем протяжении склона террасы как бы отдельными скоплениями, причем неоднократно встречались сосредоточенные вместе изделия из одной породы. Кремь — цветной, преимущественно серого цвета.

На нижнем участке склона, близ глубокой промоины, пересекающей террасу, в слое бурой супеси, залегающей прямо под дерном, обнаружены изделия иного характера, чем на остальной поверхности террасы. На расстоянии 2 м к северу от погребения № 9 была вскрыта площадь в 6 кв. м. В бурой супеси, на глубине 0,3—0,4 м от поверхности, обнаружены кости животных, кремневые отщепы и пластинки, нуклеусы-скребки примитивных форм и единичные нуклеидные осколки из серовато-синего кремнистого сланца. Условия залегания и характер материала очень сходны с палеолитической стоянкой у с. Шишкино на р. Лене.

* * *

Работы второго, нижеангарского, отряда экспедиции велись в среднем течении р. Ангары и по ее левому притоку — Оке, впадающему в 7 км выше г. Братска. Это третий после Иркутка и Белой крупный приток Ангары. Длина Оки 985 км, бассейн ее занимает около 80 тыс. кв. км. Высокие береговые террасы Оки прерываются выходами траппов, образующих крутые возвышенности. На отроге одной из таких возвышенностей, известной под названием «Братский камень», в 10 км от г. Братска, на левом берегу р. Оки, на высоте 83 м от ее уровня, расположен неолитический могильник. Погребения разбросаны по склону оврага, обращенному к юго-востоку, на площади около 2 тыс. кв. м, в глинистых наслоениях, перекрывающих траппы отрога. Вся площадь отрога покрыта лесом и колючим кустарником. Отрядом исследована сплошная площадь в 1768 кв. м, причем обнаружено 15 погребений; каждое из них было отмечено каменной кладкой, когда-то лежавшей на уровне древней дневной поверхности и обозначающей могилу.

Для захоронений серовского, китойского и глазковского времени характерна незначительная глубина; погребения же исаковского залежали на глубине до 1 м. Ориентация костяков различна: на юго-восток (погребение 1); на северо-восток (погребение 2); на восток (погребения 3 и 7); на юго-запад (погребения 4, 5, 9, 12, 13); на север (погребения 6, 8, 14); на запад (погребения 10, 15, 11).

Все костяки, за исключением погребения № 6 (глазковского), лежали на спине; ноги обычно вытянуты; положение рук различное: иногда они вытянуты, иногда положены на живот или таз. Все костяки сопровождаются инвентарем.

Обнаружены глиняные горшки, тесла из кремнистого сланца или зеленого нефрита, нефритовые подвески, наконечники стрел и т. д.

Материал в целом дает основание датировать четыре погребения (5, 9, 12, 13) — исаковским этапом — IV тысячелетия до н. э.; девять (1, 2, 3, 4, 8, 10, 11, 14, 15) — серовским этапом — III тысячелетия до н. э.; одно (7) китойским этапом — вторая половина III тысячелетия до н. э. и одно (6) — глазковским этапом — 1700—1300 гг. до н. э.

Ниже приводим описание захоронений.

Рис. 14. Человеческие изображения из кости (Усть-Уда, погребение 6).

Погребение 1. В поддерновом слое на глубине 7 см от современной поверхности обнаружена каменная кладка из 46 плит траппа. Кладка ориентирована с юга на север; длина ее — 3,6 м, ширина — 1,6 м в южной части и 1,3 м в северной. В восточной части кладки плиты располагались полукругом. Непосредственно под плитами, в центре, найдены 12 черепков от сосуда серовского времени, обломок маленького ножа из зеленого нефрита и обломок костяного наконечника стрелы. В северном углу кладки под плитами обрисовалось овальное могильное пятно, простирающееся с юга на север.

В южном направлении кладки под плитами лежал сильно деформированный человеческий череп, ориентированный на юго-восток; на лобных и височных костях найдены тонкие кусочки бересты; с правой стороны — мелкие древесные угольки. В 10 см от черепа лежала костяная проколка из полой птичьей косточки длиной 8 см. При расчистке могильной ямы на глубине 6 см встречено 8 обломков ребер, трубчатая кость руки.

Погребение 2. Под каменной кладкой, вытянутой с востока на запад, длиной 1,8 м, шириной в 0,5 м, на желтом фоне обнажений глинистых толщ обнаружен костяк, ориентированный головой на северо-восток. Хорошо сохранившийся костяк лежал на спине. Череп несколько смещен на юг и повернут лицевой частью к юго-западу. Кости рук согнуты в локтях так, что кисти их покоились в области таза.

На левой височной кости найдены 68 бусин из морских раковин; у левой ключицы — нож из пластины серого кремнистого сланца; вдоль позвоночника лежал костяной кинжал с вкладышевыми кремневыми пластинами; между фалангами пальцев левой руки — костяная проколка; у левого предплечья — игольник из трубчатой кости, полой внутри. У бедренных костей обнаружено по костяной проколке. Одна из них покрыта рисунком в виде перекрещивающихся линий. У тазовых и плечевых костей были разбросаны грушевидные с прорезными отверстиями бусины из клыков марала.

Погребение 3. В 6 м от второго погребения, почти параллельно ему, выявилась каменная кладка, аккуратно сложенная из плит траппа, поставленных на ребро на глинистой прослойке (толщиной 7 см), под которой лежал костяк — на спине, руки вытянуты, голова обращена на восток. Череп и кости скелета хорошей сохранности. В левой части тазовой кости торчал кремневый наконечник стрелы. Рядом с правой берцовой костью лежал кусок сгнившей деревянной плахи длиной 55 см, шириной 7 см.

Около костей найдено тесло из серого кремнистого сланца, прекрасной шлифовки (рис. 13 — 4), рядом с ним костяная проколка и игольник из трубчатой птичьей косточки. Под тазовой костью обнаружено тесло-видное орудие с острым закругленным лезвием (рис. 13 — 5) и тут же — второй игольник из трубчатой кости, в котором была костяная игла. У правой голени находился раздавленный горшок с отпечатками сетки-плетенки. По обе стороны головы и около ключиц были разбросаны грушевидные бусины из клыков марала. Под тазовыми костями и позвоночником — бусы из резцов лося. Резцы — с уплощенными боковыми корневыми срезами, с продолговатыми прорезными отверстиями в них (рис. 13 — 3).

Погребение 4. Под дерновым слоем обнаружена беспорядочная кладка из каменных плит. На глубине 1 м от поверхности, в слое суглинка, лежал на спине костяк с вытянутыми руками. Кисть правой руки лежала на локтевой части. Погребенный ориентирован головой на юго-запад. Череп — выше скелета на 3 см и лицевой частью обращен к северу.

У правой руки находился односторонний костяной гарпун, с четырьмя зубцами, у левой — костяной гарпун, у бедренных костей — шесть кремневых наконечников стрел.

Погребение 5. Под каменной кладкой в виде большого овала длиной 3,25 м, шириною 3,2 м, на глубине 0,9 м от основания кладки обнаружены два скелета в вытянутом положении. Оба ориентированы головами на юго-запад.

В правой руке одного из захороненных лежали костяные проколка и игольник с костяной иглой, в левой была проколка, у локтя — игольник из трубчатой кости и в нем костяная игла, у черепа — тесло из голубовато-серого сланца, под тазовой костью слева — обломок ножа из сланца.

В правой руке второго погребенного была костяная проколка, в левой — костяной плоский гарпун. На бедренной кости лежал ножичек прямоугольной формы из кремнистого сланца, на левой грудной части — тесло из кремнистого сланца, под позвоночником — игольник из полой трубчатой птичьей косточки. Здесь же найдены наконечники стрел из кремнистого сланца.

Погребение 6. Каменная кладка, круглая в плане, диаметром 2,95 м, была выложена из небольших округлых камней. Сразу под ней обнаружен кремневый наконечник стрелы.

Костяк лежал скорчено, на правом боку, головою на север. При нем найдены: ножичек из зеленого нефрита с вогнутой заостренной стороной и круглая подвеска из пластины белого нефрита.

Погребение 7. Кости скелета лежали в беспорядке. При них найдено двадцать три грушевидных подвески из зубов марала, бусины из раковин и резцы лося; ложило (из песчаника) для древков стрел.

Погребение 8. Скелет, ориентированный на север, лежал на спине, заложённый плитами траппа и крупными камнями.

Инвентарь составляли: костяной отжимник (в правой руке) и нож полулунной формы из серого кремнистого сланца.

Погребение 9. Костяк в вытянутом положении. Он сполз по склону от каменной кладки на 0,5 м и как бы вдавлен в грунт, череп сильно сплюснен.

Из вещей при нем оказались: нож полулунной формы из голубовато-серого сланца; костяные проколка, отжимник и три гарпуна; кусочек кремнистого сланца, три наконечника стрел из кремнистого сланца, причем один из них с черешком.

Погребение 10. Под разбросанной каменной кладкой, на глубине 0,35 м, обнаружено разрушенное погребение. Сохранилось два раздавленных черепа, обломки костей предплечья, несколько позвонков.

Инвентарь: гарпун из рога лося, два игольника из трубчатой кости, костяные поделки, проколка и игольник с иглой, наконечник стрелы из желтого кремнистого сланца и нож прямоугольной формы из пластины того же сланца.

Погребение 11. Под камнями кладки обнаружены три ориентированных на запад костяка, лежащих в общей могиле и прикрытых одним могильным сооружением из камня длиной 2 м, шириною 1 м.

При первом захороненном найдены: прямоугольный нож из желтого кремнистого сланца, костяные проколка, отжимники, игольник, подвеска из пластинки рога. При втором — костяная проколка, проколка и подвески из рога. При третьем — изделия из кости: две проколки, односторонний гарпун, игольник.

Погребение 12. Под дерновым слоем на глубине 0,2 м от современной поверхности обнаружилась кладка из разбросанных крупных камней. Под ней на глубине 1,14 м лежал костяк в вытянутом положении, ориентированный головою на юго-запад.

Из вещей найдены: овално-прямоугольный нож из желтого кремнистого сланца, кремневый ножичек с ретушированными краями, костяной игольник и в нем костяная игла, проколка и поделка из кости, круглодонный сосуд с отпечатками сетки-плетенки, мотыга из рога лося (рис. 13—6), гарпун костяной, подвески из рога.

Погребение 13. В 1,25 м к востоку от погребения 12, на глубине 0,98 м от поверхности дернового слоя, под каменной кладкой обнаружен костяк, лежащий вытянуто, почти параллельно костяку предыдущего захоронения. Среди инвентаря: тесло из серого кремнистого сланца, сланцевый нож прямоугольной формы, отжимник костяной (у бедренной кости), нож из желтого сланца, с ретушированными краями, игольник из кости, наконечник стрелы с полулунным основанием, кость ископаемого быка бизона (?).

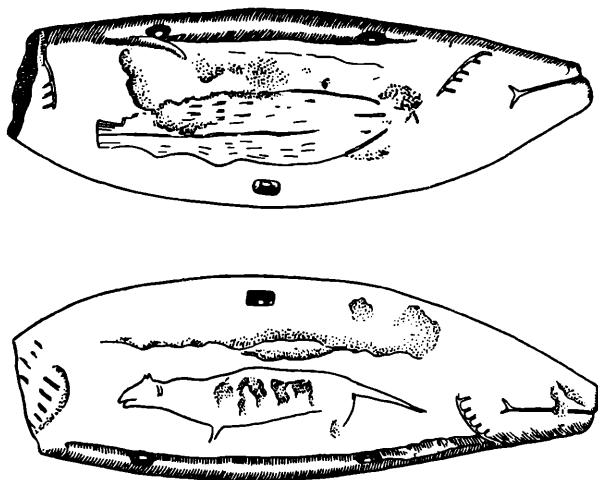

Рис. 15. Каменное изображение рыбы (Братск).

Погребение 14. Костяк, ориентированный на север, лежал непосредственно под каменной кладкой. В головах обнаружен раздавленный остродонный горшок, орнаментированный мелкими насечками.

Погребение 15 — детское. Удлиненно-овальная каменная кладка аккуратно сложена из плит траппа, поставленных на ребро. Длина ее 1,26 м, ширина 39 см. У черепа лежал обломок крупной трубчатой кости животного.

Второй объект, на котором была сосредоточена работа отряда, — неолитическая стоянка у «Монастырского камня».

Стоянка расположена на 16-метровой террасе правого берега р. Ангары, против г. Братска, и занимает значительную площадь, еще окончательно не определенную. Культурный слой вдоль берега по обрыву прослеживается на протяжении почти 4 км и залегает под черным гумусированным слоем на глубине 0,25—0,3 м от поверхности. Мощность его не превышает 0,55 м. Подстилающим слоем служит мелкий светло-желтый песок. Культурный слой насыщен изделиями из кремнистого сланца или кремня, отщепами, черепками разбитых глиняных горшков.

В процессе раскопок расчищены округлые в плане остатки очагов — темно-красная пережженная земля со включением мелких угольков. Диаметр очагов до 1,5 м. Инвентарь, найденный в 1955 и 1956 гг., состоит из многочисленных орудий: топоров, тесел, ножей, скребков, ножевидных

вкладышевых пластин, сверлильных инструментов, пил для распиловки нефрита, наконечников стрел с полулунным основанием, с черенком, с прямым основанием, отбойников, каменных рыб, вкладышей для составных рыболовных крючков, грузил.

Одно из каменных изображений (рис. 15), обнаруженное в осыпи М. Е. Карповым и П. П. Хороших, значительно не только своими размерами, но и тем, что на нем отчетливыми глубокими линиями вырезаны схематические изображения рыбы и животного, по-видимому, выдры или бобра. Такие рисунки на каменных рыбах Прибайкалья встречаются впервые.

Материалом для изготовления каменных орудий служил кремнистый сланец, кремль, кварцит, зеленый нефрит.

Собрано большое количество образцов керамики с орнаментом, сходным с узорами на сосудах, найденных в некоторых других стоянках Прибайкалья. Орнамент (отпечатки сетки-плетенки или гусенично-гребенчатого штампа, штампа-лопаточки) покрывает обычно всю поверхность сосуда. Все сосуды круглодонные. Размеры их различны: были небольшие, диаметром в 14 см, и достигающие в диаметре 30—35 см. Черепки от больших сосудов найдены в ямах, видимо, хозяйственных, где они, возможно, стояли с запасами пищи.

Подобные ямы встречены и на неолитических стоянках выше Иркутска — у пос. Патроны, на островах — Сосновом, Лесном, Кочерге.

Поблизости от очагов найдены остатки производства орудий — отщепы кремнистого сланца, нуклеусы, сколотые с нуклеусов тонкие ножевидные пластинки.

Обилие разнообразного рыболовного инвентаря указывает на важную роль рыболовства. Но существенное значение имела и охота.

Над неолитическим культурным слоем встречены также и более поздние культурные остатки — эпохи бронзы и раннего железного века. Интересно, что керамика эпохи бронзы и раннего железного века, найденная на Монастырском Камне, совершенно такая же, как и керамика поселений на Ангарских островах выше г. Иркутска, исследованных Ангарской экспедицией в 1951—1955 гг. Этот факт свидетельствует о таком же единстве культуры и, очевидно, этнического состава населения Приангарья в эпоху бронзы и в раннем железном веке, какое существовало и в неолитическое время.

При обследовании окрестностей с. Братска А. П. Окладниковым были обнаружены кости ископаемых четвертичных животных, а вместе с ними грубые каменные изделия верхнепалеолитического облика. Эти находки являются первыми следами палеолитического человека в районе Братска.

Были вновь обследованы древние наскальные рисунки на р. Оке около с. Большая Када. Среди рисунков обнаружено изображение водоплавающей птицы, по-видимому, лебедя или гуся, поразительно сходное с неолитическими изображениями птиц на петроглифах Карелии. У подножия писаных скал по Оке найдены расколотые и обработанные человеком гальки кремнистого сланца, а также небольшой превосходно отшлифованный топорик. Этим подтверждается мысль о принадлежности наиболее ранних наскальных изображений у с. Большая Када неолитическому времени.

Исследования на Ангаре в 1956 г. дали, таким образом, новый богатый материал для воссоздания древней истории Восточной Сибири.

И. Н. ХЛОПИН

ВЕРХНИЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ КАРА-ДЕПЕ¹*(По материалам ЮТАКЭ в 1956 г.)*

На юго-восточной части поселения Кара-депе у Артыка² в 1956 г. был заложен раскоп № 3 с целью вскрыть максимальную площадь верхнего строительного комплекса и выявить общий характер планировки древнеземледельческого поселения. Вскрытая часть (700 кв. м)³ состоит не менее чем из 30 помещений разной величины. Многие из них соединены между собой дверными проемами, что позволяет наметить, по предварительным данным, пять жилых комплексов, изолированных, по-видимому, друг от друга (рис. 16)⁴.

Стены построек сложены из сырцовых кирпичей с примесью самана (средние размеры 45 × 24 × 10 см) на глиняном растворе и имеют разную толщину, от 0,25 до 1,2 м. Специального фундамента при постройке не сооружалось, хотя во многих случаях использовались стены нижележащих зданий. Стены покрыты глиняной обмазкой, иногда в несколько слоев. Общее направление стен не совпадает со странами света, но очень точно повторяет направление стен в аналогичных памятниках подгорной полосы Южной Туркмении и смежных областей северного Ирана. Такое направление (ССВ—ЮЮЗ и ЗСЗ—ВЮВ) выдерживается довольно точно на протяжении многовекового периода и можно предположить, что оно установилось под влиянием каких-то определенных причин. Дверные проемы, продельные в стенах толщиной 0,5 м, снабжены порогами высотой 5—10 см. В нескольких случаях обнаружены *in situ* подпечные камни. Сделанные из известняка, они имеют вид высоких, сужающихся книзу цилиндров, в верхней плоскости которых глубокая лунка, а нижняя — плоская. Некоторые проемы, видимо, не имели дверей.

Каждый из пяти смежных жилых комплексов состоит, как правило, из одного-двух больших жилых помещений с углубленными в пол очагами и более мелких пристроек, по-видимому, хозяйственного назначения. Хотя в настоящее время еще ни один из комплексов не вскрыт целиком, все же уже можно дать их предварительную характеристику.

¹ Доклад на Секции Средней Азии; отчетная сессия ИИМК АН СССР 1957 г.

² См. В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, № 1, 1957, стр. 147—160; его же. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связь с Ираном и Индией. ВДИ, 1957, № 1, стр. 34—47.

³ Раскопки велись по квадратам 2 × 2 м; глубина раскопа не превышала одного метра. Отсчет ярусов (ярус = 0,5 м) производился от нулевой точки в северной части холма, и уровень раскопа не выходил за пределы V—VI ярусов.

⁴ План помещен также в статье В. М. Массона (КСИИМК, вып. 73, 1959, рис. 23). Считаю необходимым публикацию плана и в настоящей статье, так как иначе описания автора будут непонятны. — *Ред.*

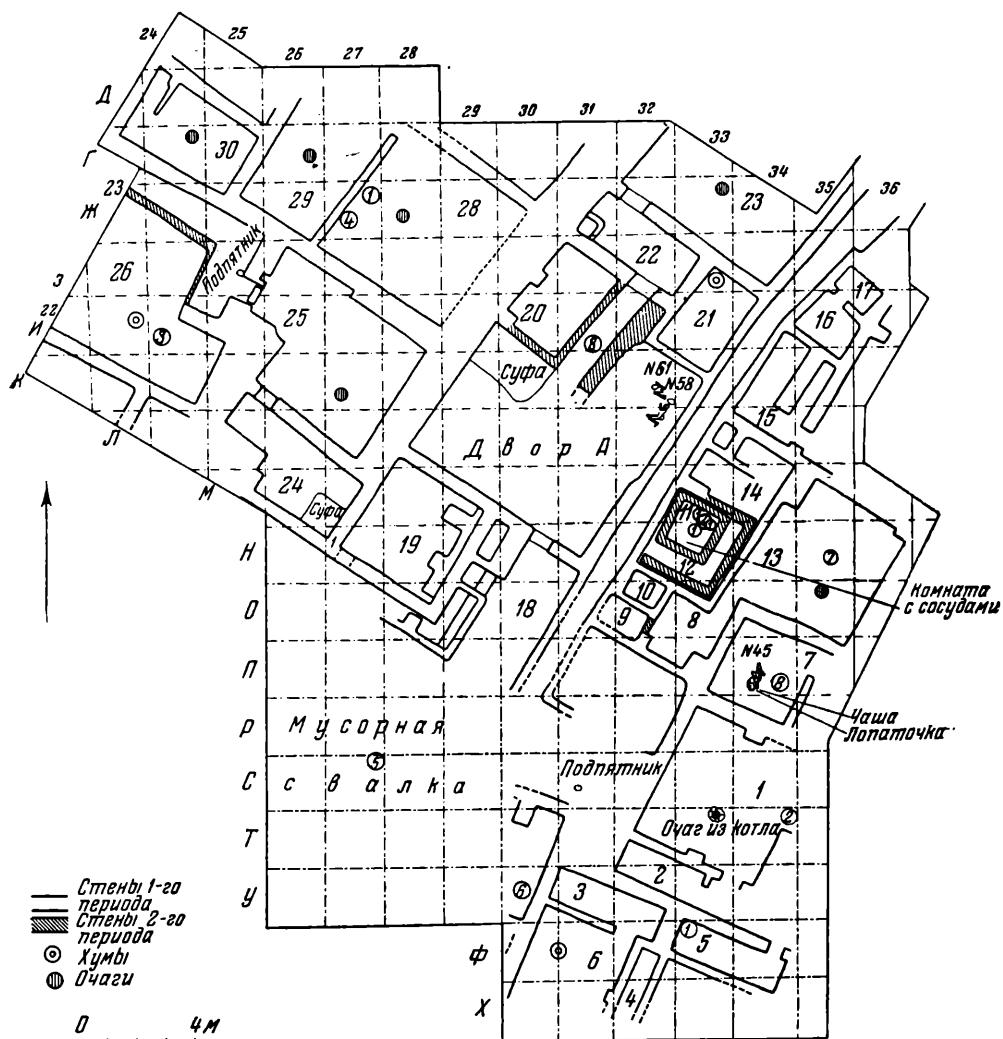

Рис. 16. Кара-депе. План раскопа № 3.

Цифры в кружках — места находок: 1 — глиняная женская статуэтка; 2 — фрагмент сосуда с изображением людей; 3 — головка «воинна»; 4 — головка с росписью; 5 — глиняная мужская статуэтка; 6 — глиняный амулет; 7 — глиняные статуэтки животных; 8 — зернотерки.

Комплекс I включает в себя помещения 1—6. Он состоит из центрального, почти квадратного в плане помещения, две противоположные стены которого имели небольшие пилястры. Почти в центре его расположен углубленный в пол очаг, сделанный из верхней части котла — сосуда из грубого теста черного цвета, с почти шаровидным туловом и валиковым венчиком. К этому помещению примыкают узкие длинные комнаты.

Комплекс II включает помещения 7—17. Центральной можно, по-видимому, считать комнату 13. Здесь углубленный в пол на 16 см очаг — круглая яма около 0,3 м в диаметре, стенки которой обмазаны глиной и обожжены на 1—1,5 см в толщину.

Четко различаются два последовательных периода в существовании комплекса: наблюдается сооружение более мелких комнат (11 и 12) и закладка некоторых дверных проемов. Возможно, что в первый период

центральная комната через помещения 8 и 9 соединялась с улочкой. Помещения 11 и 12 представляют собой кладовые второго периода; в одной из них найдено 14 целых сосудов, 4 женские статуэтки, 3 керамических пряслица и большое количество костей домашних животных.

Комплекс III включает в себя помещения 18—23 и отделен от предыдущего узкой улочкой, длиной в 17,5 м. В центре его находится двор с остатками суфы, соединенный дверными проемами со смежными помещениями. Особо интересна комната 19, размерами 3,5 × 3,6 м; стены ее сохранились в высоту на 4—5 рядов кирпичной кладки. В юго-западном углу прослеживается, но недостаточно четко, дверь (стены сильно попорчены мусорной свалкой). Не исключена возможность, что двери здесь не было и сюда попадали через помещение 18. Между ними расположены маленькие комнатки, как бы сооруженные в толще стены и разделенные двумя ступеньками. Возможно, что эти-то ступеньки и являются остатками входа в помещение 19. Такой вход, отсутствие очага и какое-то сооружение из кирпича внутри помещения возможно указывают на то, что оно не было обычной жилой комнатой. Расположенные через двор помещения 22 и 23 (частично вскрытое) — хозяйственного назначения. Там найдены зернотерки с курантами, целые сосуды. Кроме того, в помещении 23 собрано много кусков печины и комки очень тонко отмученной глины желтого и красного цвета, что позволяет выдвинуть предположение о производственном назначении этой комнаты.

Комплекс IV отделен от комплекса III толстой (1,2 м) стеной и включает в себя помещения 24—27. В помещении 25 в центре — круглый очаг обычного типа; оно соединено с комнатой 24, явно жилой. В южном углу ее — суфа, сложенная из кирпичей. Из помещения 25 через хорошо сохранившийся дверной проем с высоким порогом и подпюточным камнем можно пройти в узкий длинный коридор (помещение 27). Оно отделено от помещения 26 тонкими стенами, явно вторичного характера; это позволяет считать, что в первый период существования здания помещения 26 и 27 составляли одно целое. В последующее время для того, чтобы попасть в помещения 25 и 24, был отгорожен узкий проход.

Комплекс V включает в себя помещения 28—30 и отделен от комплекса III той же толстой стеной. Во всех трех вскрытых комнатах — углубленные в пол круглые очаги, что позволяет считать их жилыми.

Вскрытая часть поселения не была последней в период обитания холма. Это подтверждается несколькими захоронениями на уровне полов верхнего строительного комплекса и наличием более поздней по времени мусорной свалки, с большим количеством угля, костей и керамики, относящейся к периоду Намазга III; свалка совершенно уничтожила архитектурные остатки в юго-западной части раскопа.

При раскопках обнаружено несколько погребений.

Погребение № 45⁵ было впущено в помещение 7 и полностью повторяет обряд погребения, характерный для Кара-депе. Покойник положен на правом боку, на тростниковую подстилку типа циновки, обложен сырцовыми кирпичами; костяк ориентирован головой на ЮЮЗ; ноги скорчены, правая рука вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте и лежит на груди. У левой лопатки находился сосуд, роспись которого характерна для керамики стиля Кара I⁶, на левом плече — медное изделие в виде квадратного в сечении перекрученного стержня длиной в 16 см, один из концов которого представляет лопаточку, а другой оканчивается утолщением сигарообразной формы.

⁵ Нумерация погребений принята общая для всего памятника.

⁶ В. М. Массон. Джейгун и Кара-депе. СА, № 1, 1957, стр. 150—151; его же. Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, вып. 73.

Два других погребения (№ 58 и № 61), открытые на центральном дворе А, ориентированы в противоположную сторону, хотя их положение такое же, как у предыдущего. Изменение ориентации пока не поддается объяснению и является исключением для Кара-депе.

По всей видимости, численность населения ко времени, когда были произведены захоронения, сильно сократилась, и оно жило, вероятно, на западной, более низкой части холма. Это может быть подтверждено тем, что на раскопе № 2 в 1955 г. были вскрыты в верхних ярусах остатки двух последовательных жилищ. От верхнего здания сохранились лишь керамические вымостки на полах, непосредственно под дерновым слоем;

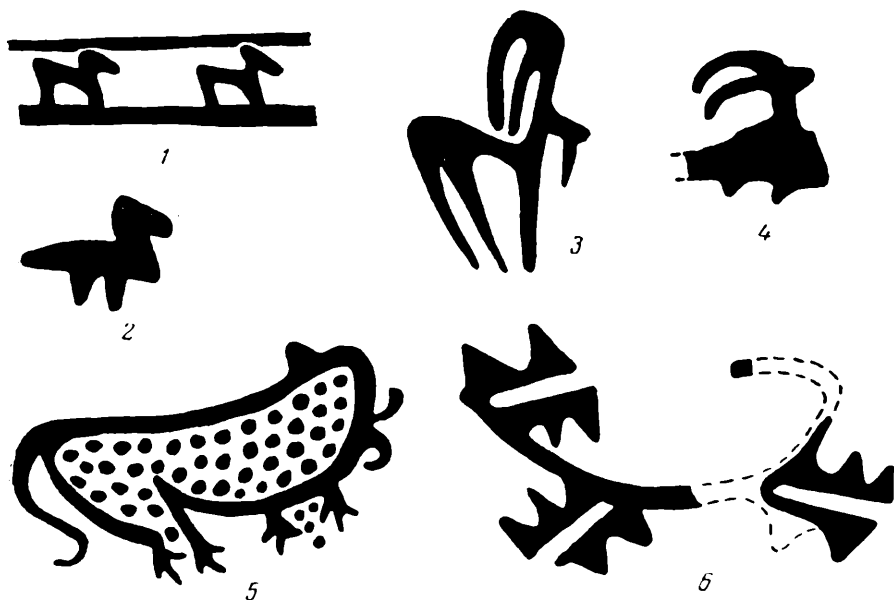

Рис. 17. Изображения животных на сосудах.

под ними находились остатки другого здания с сохранностью стен на 3 ряда кирпичей, с очагом прямоугольной формы и врытыми в пол грубыми сосудами без дна, служившими, по всей видимости, сандалами. Ни тот, ни другой комплекс не были нарушены погребениями и содержали керамику стиля Кара I, что позволяет считать эту часть холма заселенной в последнюю очередь.

Большинство находок на раскопе составляет глиняная посуда, изготовленная без гончарного круга, которую можно подразделить на три группы: расписную, серолощеную и грубую кухонную.

Расписная посуда представлена в основном мисками и чашами разной величины, хотя встречаются и другие формы: тарелки, плоски, «чайник» с носиком и др. Все сосуды покрыты светлым зеленовато-белым или красным ангобом, поверх которого наносилась роспись черной или темно-коричневой краской.

Анализ геометрического орнамента дает возможность определить, что, во-первых, продолжается развитие более древних местных традиций времени Намазга II, во-вторых, многочисленные фрагменты с очень специфической полихромной росписью восточного, геоксюрского типа могут, по-видимому, указывать на определенные постоянные связи с бассейном Теджена в пору позднего Намазга II—раннего Намазга III. Особую группу образуют впервые появляющиеся в этом периоде изображения

животных на посуде: козлов, барсов, птиц и др. (рис. 17—1—6). Пока только изображение козла находит в местной культуре свои прототипы; остальные хорошо связываются с материалами из поселений северо-восточного Ирана, в первую очередь, со слоями IV—IIA Гисара⁷, и слоем III, 2—7 Сялка⁸. Специфика этих изображений позволяет синхронизировать верхний слой Кара-депе с названными слоями Гисара и усматривать в их появлении определенное влияние из этих областей.

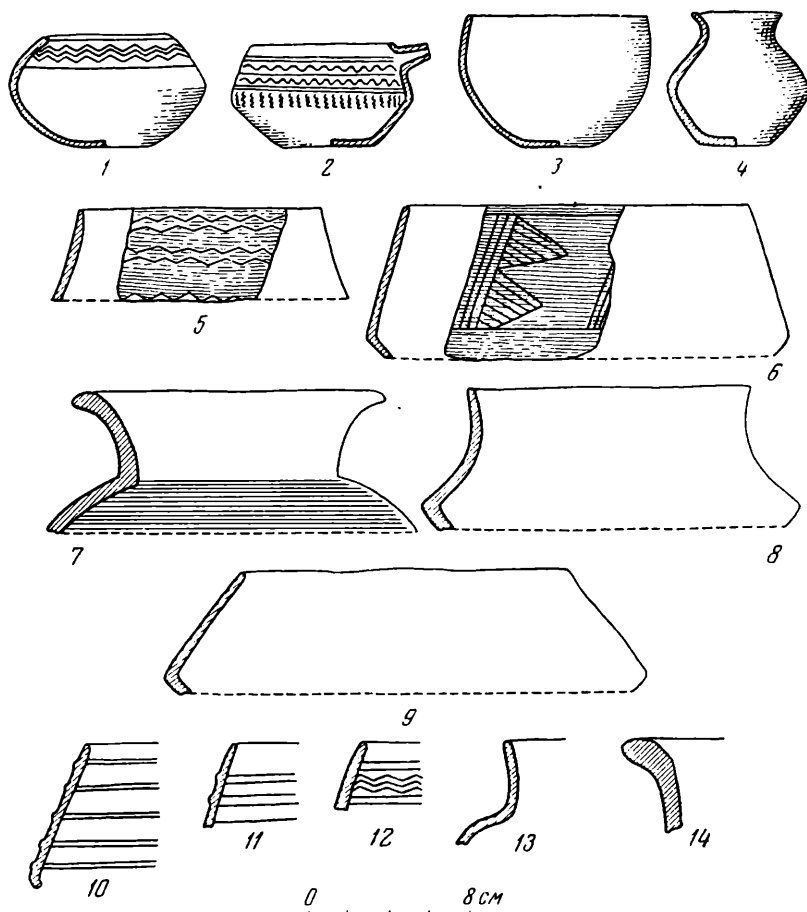

Рис. 18. Кара-депе. Сероглиняная керамика.

Сероглиняная посуда почти вся покрыта лощением и украшена или процарапанным, или «гофрированным» орнаментом (рис. 18). Ее формы более аккуратны, выделка лучше. Из форм характерны биконические сосуды, горшки с высоким горлом, маленькие горшочки, чашки и, в единственном экземпляре, сосуд с носиком (рис. 18—2).

К грубой хозяйственной посуде относятся хумы, покрытые красным ангобом, тазы до 0,6 м в диаметре, сферические котлы со слабо выступающим валиковым венчиком. К этой же группе, вероятно, принадлежат серо-

⁷ E. F. Schmidt. Tepe Hissar. Excavations 1931. The Mus. Journ., v. XXIII, Philadelphia, 1933.

⁸ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan. 1933, 1934, 1937, t. I. Paris, 1938, pl. 1, LXXV—LXXXIII.

глиняные сосуды на нескольких (3 или 4) ножках, найденные пока только во фрагментах.

Посуда изготовлялась не только из глины — в ходе работ найдены фрагменты сосудов из мраморовидного камня белого и розового цвета, покрытых каннелюрами или валиковым и врезанным орнаментом. Из камня же был изготовлен многочисленный хозяйственный инвентарь: зернотерки, куранты, ступки, песты и так называемые «гири» — плоские каменные изделия с ручкой, хорошо известные из верхних слоев Гисара⁹ и холмов Анау¹⁰. Из глины изготовлялись многочисленные пряслица и ядра для пращей.

Металл представлен только медной «лопаточкой» и несколькими бесформенными фрагментами. По-видимому, он был дорог и сломанные вещи или сработанные инструменты шли в переплавку.

Многочисленные кости домашних животных позволили определить примерный состав стада: крупный рогатый скот, лошади(?), свиньи и мелкий рогатый скот, который явно преобладал.

Существенное значение для восстановления картины духовной жизни древнего населения Кара-депе имеют многочисленные и разнообразные статуэтки из обожженной и необожженной глины. Большинство составило женские фигурки (найдено 9 целых или почти целых и одна головка). Они подразделяются на три типа, объединенных общим признаком: все фигурки сидящие; ноги неразъединенные и даны обычно в плавном изгибе.

Статуэтки первого типа (3 экземпляра, из необожженной глины) выполнены в более реалистичной манере¹¹. Изящная талия, широкие плечи, руки в виде конических отростков, доведенные почти до локтя, близко посаженные конические груди. Фигурки изготовлены из зеленой глины и покрыты желтой краской, которая при обжиге дает зеленовато-белый цвет. Поверх нее красной краской нанесена роспись, состоящая из полоски вокруг шеи, а на плечах — парных полосок, концы которых спускаются на спину.

Второй тип — изображение женщины, без рук, груди отсутствуют, ноги как бы разделены бороздкой¹². Лицо сделано зажимом; вдавлениями трактованы глаза; голову украшает довольно сложная прическа. Статуэтки этого типа известны шире в слоях раннего периода Намазга III на Геоксюре.

Третий тип наиболее распространенный. Ноги плавно изогнутые, вылеплены вместе и как бы разделены бороздкой; четко выражены признаки пола в виде прореченного равнобедренного треугольника вершиной вниз; вместо торса — небольшой отросток, оканчивающийся закруглением на уровне талии¹³.

Женские статуэтки первого типа можно определенно считать домашними идольчиками. Эту мысль полностью подтверждает ритуальная сцена, сохранившаяся на одном из фрагментов керамики. Женская статуэтка изображена в обычной передневносточной манере: голова и ноги повернуты в профиль, плечи развернуты в фас. По обе стороны помещены фигуры двух людей, повернутых к ней лицом. Статуэтка, если считать, что более или менее правильно выдержаны пропорции между ней и фигурами людей, должна была изображать крупного идола около 0,6 м высотой.

⁹ E. F. Schmidt. Excavations of Tépé Hissar. Philadelphia, 1937.

¹⁰ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. II. Washington, 1908.

¹¹ См. В. М. Массон. Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, рис. 25—7. Далее в статье ссылки именно на эту работу В. М. Массона.

¹² В. М. Массон. Указ. соч., рис. 25—5.

¹³ Там же, рис. 25—6.

Наличие у «анауских» племен крупных идолов подтверждается найденным Б. А. Куфтиным в 1952 г. на поселении Намазга-депе фрагментом верхней части мраморного торса с узкой талией, широкими плечами и короткими руками¹⁴.

Изображения женского божества, судя по их количеству и дешевизне материала, из которого они изготовлены, подтверждают мысль, выдвинутую Г. Чайлдом при характеристике месопотамских культур обейдского времени; он полагает, что в общине, наряду с публичным поклонением божествам, совершались и более интимные магические обряды¹⁵. Найденные нами статуэтки, очевидно, можно считать источником, который должен пролить свет на еще неизвестные стороны духовной культуры древнеземледельческих общин, связанные с культом плодородия.

К особо интересным находкам относятся две терракотовые головки статуэток, по-видимому, мужских.

Первая — голова «воина»¹⁶. Она слегка удлинённых пропорций; покаты́й лоб, крупный нос и небольшой рот. Глаза и процарапанные брови вразлет выполнены в своеобразной манере — зрачок в виде выпуклой круглой лепешечки заключен в миндалевидный валик, очерчивающий границы глаза. От слабо выступающего подбородка тянется длинная узкая борода, разделенная на две пряди. Голову покрывает шлем, сзади он спускается изогнутой пластиной на затылок и охватывает верхнюю часть шеи. От висков вниз свисают нащечные пластины. Поверх шлема наложен круглый валик, вероятно, имитирующий диадему. От темени назад, на щею, ниспадает длинная коса, вероятно, искусственная, прикрепленная к шлему в качестве султана.

Вторая найденная головка¹⁷ покрыта зеленоватым ангобом и раскрашена коричневой краской. Овал лица широкий, нос крупный, сильно выступающий, и слабо выраженный подбородок. Рот и глаза сделаны широкими вдавлениями, ушные раковины налепные, а ушные отверстия проколоты. Полосками краски даны разлетающиеся брови, глаза и плечо. Краска, покрывающая голову и брови, изображает, по-видимому, волосы.

При сопоставлении этих головок выявляются некоторые признаки, позволяющие говорить об их известном родстве в антропологическом отношении. По-видимому, изображен один и тот же этнический, но, возможно, различные этнографические, а может быть и социальные, типы.

Вторая из найденных головок находит свои прототипы в геоксюрском варианте расписной керамики Южной Туркмении. На Геоксюре в слоях раннего периода Намазга III была собрана коллекция аналогичных головок, по технике изготовления, стилю и общему облику близко напоминающих кара-депинскую¹⁸. Их количество и длительное время существования свидетельствуют о местной художественной традиции в изготовлении антропоморфной терракотовой скульптуры. Возможно, этот вид статуэток отражает основные этнические черты населения подгорной полосы III тысячелетия до н. э.

Головка «воина» находит аналогии среди памятников искусств южной Месопотамии и западного Ирана III тысячелетия до н. э. Шумеры обычно не носили бород и кос, и шлемы их несколько отличны, но ношение бород и, по-видимому, кос было в обычае у некоторых племен, обитавших к во-

¹⁴ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Труды ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, стр. 289, рис. 43.

¹⁵ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 189.

¹⁶ В. М. Массон. Указ. соч., рис. 25 — 1.

¹⁷ В. М. Массон. Указ. соч., рис. 25 — 2.

¹⁸ См. статью В. И. Сарияниди в настоящем выпуске КСИИМК.

стоку от Шумера, с которыми у шумеров происходили постоянные военные столкновения, в результате чего в их среду могли проникать образцы шумерского военного снаряжения, причем здесь оно получало свои специфические особенности. Об этом свидетельствуют изображения эламских воинов на обломке бронзового барельефа, найденного в Сузах в 1898 г., головы воинов покрыты похожими шлемами¹⁹. Так как восточная периферия Шумера подвергалась сильному воздействию месопотамской цивилизации, легко объяснимо наличие косы на шлемах воинов сузского барельефа — переняв многое от шумеров, эламитяне могли перенять также манеру имитировать на шлемах прически; последнее нам хорошо известно по шлемам раннешумерских царей — Мескаламдуга²⁰ и Эаннатума²¹.

В настоящее время еще не установлены восточные границы расселения луллубеев, касситов и других племен²², к которым с востока и северо-востока могли примыкать родственные им племенные группы; мы можем полагать, что головка статуэтки «воина» из верхнего слоя Кара-депе отражает этнический тип и военный наряд представителя одного из этих периферийных племен.

Краткий обзор коллекции антропоморфных статуэток с Кара-депе показывает, что наряду с женскими идоличками ярко выраженного религиозного характера, существовала группа терракотовых фигурок, имевших, кроме культовой символики, еще и «светский» характер, видимо, слабо развитый. Предположение о наличии «светской» скульптуры позволяет поставить вопрос о том, представители каких социальных групп могли быть изображены. Видимо, такого рода статуэтки могут свидетельствовать о значительных сдвигах в сторону усложнения родовой организации, о появлении отдельных людей, облеченных выборной властью по отношению к основной массе населения в поселках общинного типа.

Таким образом, материалы из раскопок верхнего слоя поселения на Кара-депе позволяют предполагать, что население жило большими патриархальными семьями (с тенденцией к увеличению их числа), которые были объединены родовой организацией. Они занимались земледелием, используя воду с Копет-дага, и разводили домашний скот. Развиваясь в качестве замкнутой хозяйственной единицы, они тем не менее не были изолированными и поддерживали связь с близлежащими общинами. Более того, по некоторым находкам можно заключить, что вся область культуры с расписной керамикой Южной Туркмении была тесно связана с областями северного и западного Ирана и, возможно, с культурами Белуджистана.

¹⁹ J. de Morgan. Fouilles à Suse en 1897—1898 et 1898—1899. MDP, t. 1, pl. XIII. Paris, 1912, p. 163—164.

²⁰ L. Woolley. Ur Excavations. V. II, The Royal Cemetery. London, 1934, pl. 150.

²¹ E. de Sarzec. Découvertes en Chaldée, 1912, pl. 3-bis.

²² И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 101—119.

В. И. САРИЯНИ ДИ

РАСКОПКИ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ
НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ГЕОКСЮР¹

(по материалам ЮТАКЭ в 1956 г.)

В соответствии с широким и планомерным изучением «анауских культур», XIV отрядом ЮТАКЭ весной 1956 г. начаты стационарные раскопки энеолитического поселения Геоксюр, верхний слой которого с полихромной керамикой относится ко времени Анау II—Намазга II (IVтысячелетие до н. э.).

Поселение, расположенное в 20 км восточнее г. Теджен, представляет собой холм подтреугольной формы; общая высота его 10 м, площадь около 12 га. Рельеф холма относительно ровный, в юго-восточной и юго-западной частях тянутся две ложины.

Основной раскоп (площадь около 600 кв. м) заложен в западной части поселения. Он разбит на двухметровые квадраты, с по-ярусным (глубиной 0,5 м) отбором обнаруженного материала.

В результате раскопок удалось выяснить, что большие дома — жилые массивы Геоксюра, разделенные улицами шириной до 2 м (рис. 19), были сложены из сырцового с большой примесью самана кирпича (размером 42 × 23 × 10 и 43 × 24 × 12 см). Стены покрывались слоем штукатурки и иногда закрашивались в черный цвет. Дверные проемы комнат в ряде случаев располагались на высоте до 0,4 м от пола и, по-видимому, снабжались порогами. Узкие, очевидно деревянные, двери укреплялись на каменных подпятниках.

Из трех вскрытых жилых массивов наиболее полно раскопан массив «А», планировка которого дает представление о характере жилой архитектуры Геоксюра.

Центральную часть массива «А» составляет двор, позднее застроенный добавочными небольшими помещениями. Первоначальный проем, ведущий с улицы во двор, был заложен, а вместо него пробит другой в южном углу. Вокруг двора группируются помещения жилого или хозяйственного назначения. В юго-западной части вскрыто пристроенное помещение, возможно несколько более позднего времени.

Массивы «Б» и «В», расположенные по другую сторону улицы, раскопаны частично. Они состоят из больших комнат; в углу одной из них найден хум с великолепной полихромной росписью.

Шурф, заложенный в одной из комнат массива «Б», дал возможность обнаружить, что в продолжение долгого времени стены жилых комплексов возводились на остатках более ранних. Так, стены основного верхнего комплекса соответствуют I—III ярусам с находками полихромной керамики;

¹ Доклад на Секции Средней Азии; отчетная сессия ИИМК АН СССР 1957 г.

Рис. 19. Геоксюр. Помещения, относящиеся к IV тысячелетию до н. э.
(Анау II — Намазга II)

IV—V ярусы дали остатки более раннего этапа этого же комплекса, с аналогичной керамикой. Еще ниже, на глубине VI—VIII ярусов, обнаружены стены предшествующих построек с находками, характерными для периода развитого Анау II. В IX—XI ярусах жилые стены не обнаружены, а в керамике встречены фрагменты, относящиеся ко времени раннего Анау II — Намазга I. До конца культурных наслоений шурф не доведен.

Большая часть помещений на высоту 0,4—0,6 м от пола заполнена завалами сырцового кирпича и кусков штукатурки. Выше, вплоть до дневной поверхности, идет мусорная засыпка характерного зеленоватого оттенка, перемежающаяся с небольшими линзами сырца. Мусорный слой содержит кости крупных животных, угли, золу, большое количество фрагментов керамики, а также горизонтальные горелые прослойки. Помещения, видимо, долгое время служили свалкой, в результате чего и образовались мощные мусорные завалы. Это же подтверждает характер захоронения обнаруженных погребений.

Из открытых здесь 11 погребений только три оказались непо потревоженными, так как опущены были на пол помещения. Два из них сопровождалась костями барана, в одном (№ 5) обнаружена полихромная чаша; на шее умершего сохранилась алебастровая пронизка; у согнутых колен — глиняная лунка с золой. Все остальные погребения совершены непосредственно в мусорных завалах и лишь иногда ямы были обложены сырцом (причем нередко могильные ямы разрушали стены помещений). Погребения, по-видимому, вскоре же были разрушены: в двух случаях при скелетах не оказалось черепов, иногда же встречались только черепа, или остатки их; в погребении № 1 уцелел череп и верхняя часть скелета со следами воздействия огня. Однако мусорный слой вокруг этого погребения также имел следы пожара, что отвергает предположение о трупосожжении. Во всех случаях (когда можно было установить положение погребенных) скелеты лежали скорченно; ориентация различная.

Мусорные слои затрудняют расшифровку назначения помещений, однако не вызывает сомнения, что в большей части комнаты были жилыми.

Прямоугольная глухая комната в северной части массива «А», по-видимому, служила зернохранилищем, — на полу ее зачищен слой с зернами. К хозяйственным следует отнести и помещение без входного проема, с тремя отсеками, находящееся в южной части массива. Небольшое глухое прямоугольное помещение в юго-восточной части того же массива, судя по его заполнению, могло быть связано с гончарным производством.

Жители Геоксюра широко использовали в быту нерасписную и расписную керамику. Для хозяйственных нужд употреблялись крупные, грубой формовки сосуды из глиняного теста с примесью шамота и дресвы. Это — кухонные котлы с ручками-петельками, плоские «сковороды» и широкие, глубокие сосуды с характерным перегибом стенок под острым углом в нижней части. Менее распространены были сероглиняные горшочки и глубокие с перегибом в середине стенок миски, часто покрытые лощением и процарапанным орнаментом.

Расписная керамика представлена чашами, горшочками или мисками, с высоким бортиком. Орнамент обычно на $\frac{2}{3}$ покрывает стенки сосудов полосой, от которой к донцу идут красные линии. Как правило, ангоб внутри более темный (от красного до коричневатого), снаружи более светлый, чаще розоватый.

Предварительно можно выделить несколько ведущих мотивов росписи, наиболее характерных, хотя есть целая серия экземпляров с иной орнаментацией, обычно не повторяющейся. Остановимся на некоторых видах орнаментов (рис. 20 — 4 — 13).

Чаши с рисунком в виде центрального ромба и отходящих от него двух треугольников, иногда сплошь залитых черной краской или заштрихованных в косую сетку. В других случаях ромб имеет в центре просвет в виде креста, а треугольники — полукрестов. Фигуры из ромбов с треугольниками разделены широкими полосами красного или коричневатого цвета (рис. 20 — 8).

Мотив из крупных контурных крестов, в центре которых вписан ромб с отходящими треугольниками по углам. Обычно они заштрихованы в сетку. Контурные кресты чередуются с парными треугольниками с фоновым просветом из полукрестов (рис. 20 — 5).

Полосы из вертикальных парных треугольников с вписанными в них добавочными треугольниками или сплошь покрытых сеткой. Они чередуются с остроугольными фигурами с сетчатым заполнением внутри. Между ними расположены широкие ломаные ленты (рис. 20 — 4).

Некоторые миски с прямым бортиком и чаши украшены каймой в виде двух рядов треугольников, вершинами друг к другу, но не парных, а разделенных ломаной лентой; фоновый просвет внутри треугольников образует полукресты.

Миски с прямым бортиком и горшочки иногда украшались орнаментальным фризом из углов, разделенных косой светлой полоской. Фигуры чередуются с широкими лентами красного цвета.

Часто встречаются сосуды с рисунком из крестов, заключенных в ромбы и разделенных ступенчатыми пирамидками. Кресты образуют и особую композицию. Как отдельный мотив встречаются треугольники со ступенчатыми «пирамидальными» контурами сторон (рис. 20 — 12).

Чаши с изображением геометризованных животных, возможно, были культового назначения. Выделяется большая чаша, где схематически нарисованы крупные козлы, попарно с обеих сторон сосуда. На одном экземпляре встречено изображение газели в сочетании с крестом красного цвета (рис. 20 — 3). На двух сосудах на свободном от орнамента поле нанесены фигуры животных (возможно, кошачьей породы), причем одному из них на внутренней поверхности сосуда соответствует маленькое изображение козла (рис. 20 — 1, 2).

О наличии культа плодородия можно судить по находкам женских фигурок (рис. 21). При раскопках найдено около 30 таких фигурок, большей частью из обожженной глины. Они довольно крупных размеров, руки

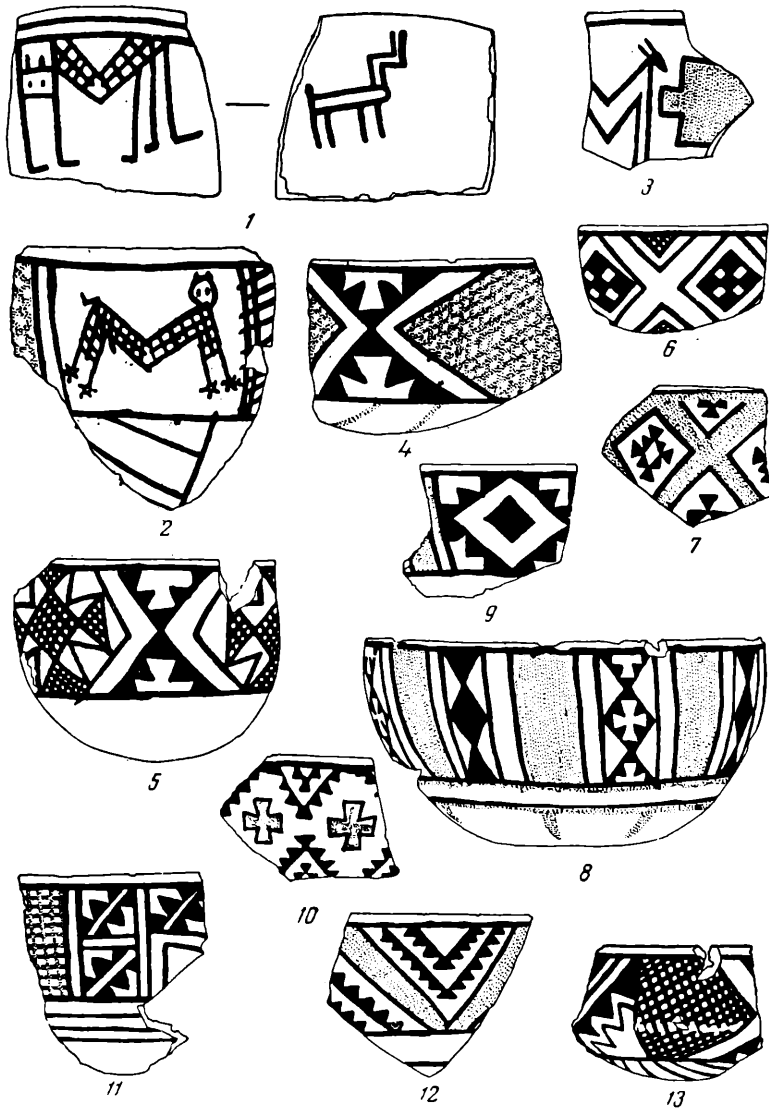

Рис. 20. Геокюр. Орнамент на керамике.

1—3 — изображения животных; 4—13 — полихромная роспись на сосудах периода Намазга II.

обозначены опущенными вниз конусовидными отростками, ноги — процарапанной линией, женское начало обозначено треугольником (реже специальным наклепом черного цвета). Некоторые из фигурок сохранили следы росписи, у двух из них на бедрах нарисованы схематичные животные (рис. 21 — 8, 10)². Найдены головки от фигурок. Для них характерны

² S. Lloyd and F. Safar. Tell Ugair. Journal of Near Eastern Studies, 1943, v. II, N 2, pl. XVIII, 12.

большие носы, миндалевидные глаза и оттянутые затылки (рис. 21—2, 4). Из общей массы находок резко выделяются четыре экземпляра (в подъемном материале они преобладают) малых размеров, с подтреугольной «птичьей» головой с круглыми глазами. Длинная шея переходит в тулово без рук; груди отсутствуют; ноги переданы в виде конуса (рис. 21—3, 6, 9).

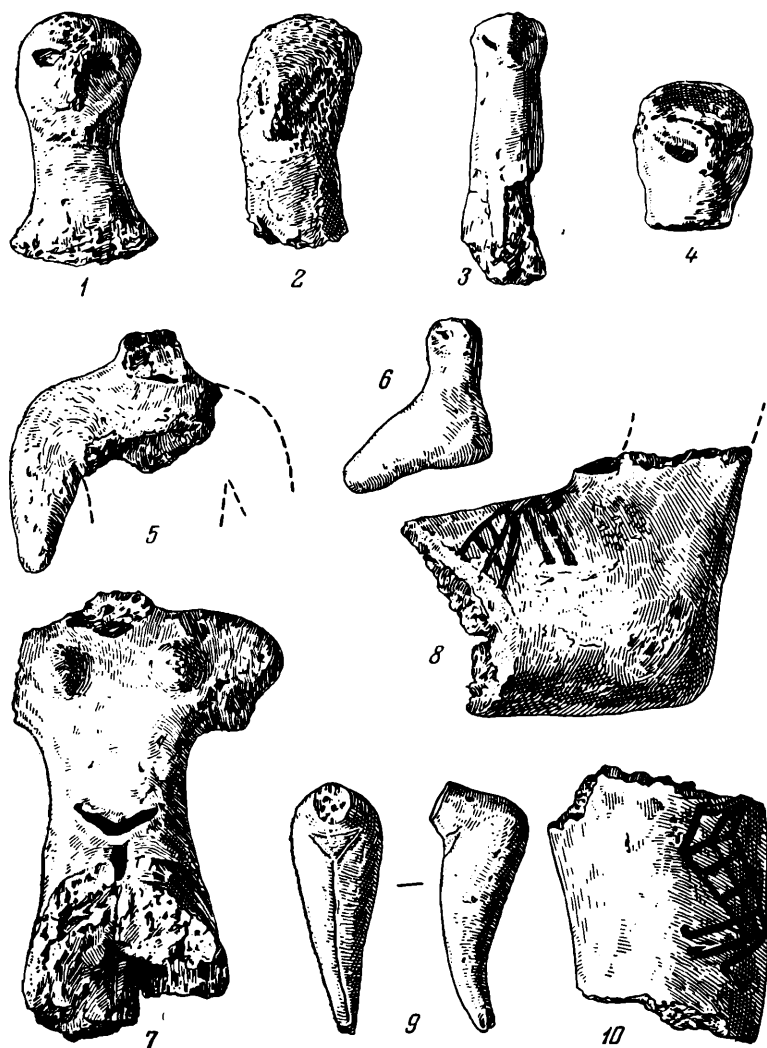

Рис. 21. Геоксюр. Фрагменты статуэток.

Большая часть фигурок изображена в сидячем положении, но, судя по обломкам, были и стоящие с соединенными рельефными ногами с загнутыми вверх носками.

Почти все фигурки найдены в мусорных отвалах или в основании стен вместе с забутовкой из камней и крупных костей животных, что пока трудно поддается объяснению.

О значительной роли скотоводства (наряду с земледелием) свидетельствует большое количество костей домашних животных. В то же время отсутствие в раскопе кремневых наконечников стрел, по-видимому, указы-

ваает на второстепенное место охоты по сравнению со скотоводством. Найдены крупные зернотерки и небольшие пестики для растирания зерен.

Каменные изделия на поселении Геоксюр встречаются реже, чем на поселениях, близко расположенных к горам, однако и здесь употреблялись небольшие сосудики неизвестного назначения, иногда украшенные простым процарапанным орнаментом³. О довольно высокой технике обработки камня можно судить по фрагменту алебастрового сосуда с тщательно каннелированными стенками.

Широкого развития в это время достигает ткачество, судя по большому количеству пряслиц, находимых во всех помещениях, — круглых конических и биконических, часто орнаментированных. Для закрепления пряслиц, надо полагать, употреблялись найденные каменные колесики с отверстием (что подтверждается и этнографическими параллелями).

Медные изделия представлены лишь иглой с загнутым для ушка концом и четырехгранной биконической головкой от булавки⁴.

Крайне бедные находки металлических предметов, особенно орудий труда, на ранних поселениях не только Туркмении, но и ряда сопредельных стран обычно принято связывать с большой ценностью, а, следовательно, и тщательным хранением металла⁵. Но, вместе с тем, металл энеолитических поселений Туркмении пока представлен не бронзой, а медью, которая, по-видимому, реже употреблялась для выделки крупных орудий. Возможно, частично этим следует объяснить редкие находки медных изделий, и то только в виде украшений и мелкого инструментария, труднее обнаруживаемых.

В результате раскопок Геоксюр рисуется нам как крупное древнеземледельческое поселение с развитой планировкой многокомнатных домов — жилых массивов, разделенных улицами.

К югу от него, в радиусе до 15 км выявлено еще шесть энеолитических поселений⁶ — отдельно стоящих бугров небольших размеров: Геоксюр 2 (Акча-депе), Геоксюр 3 (Ялангач-депе), Геоксюр 4 (Муллали-депе) и Геоксюр 5, 6, 7. Верхний слой их представлен полихромной керамикой, исключая Ялангач-депе, который полностью относится ко времени Анау I — Намазга I.

Пока еще трудно судить о взаимосвязях этой группы, центральное место среди которой занимало поселение Геоксюр I. Однако уже предварительный анализ найденного материала, и в первую очередь керамического, свидетельствует об определенном своеобразии и большом отличии его от синхронных слоев с полихромной керамикой западной части прикопетдагских поселений. Цветовая гамма и, особенно, характерные элементы орнамента дали основание определить керамику геоксюрской группы поселений, как локальный восточный или геоксюрский вариант⁷. Представляется, что сложение стиля полихромии было обусловлено проникновением новых племен, принесших свою орнаментацию и свой стиль.

³ G. Childe. *New light on the most ancient East*. London, 1952, p. 118.

⁴ E. Schmidt. *Tepe Hissar. Excavations 1931*. The Museum Journal, Philadelphia, 1933, v. XIII, N 4, pl. XC.

⁵ G. Childe. *Указ. соч.*, стр. 116.

⁶ Два из них были обследованы в 1952 г. Б. А. Куфтиным.

⁷ В. М. Массон. *Джейтун и Кара-депе*. СА, 1957, № 1.

В. И. КОЗЕНКОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В АНДИЖАНСКОЙ ОБЛАСТИ
в 1956 г.¹

Археологическое исследование Андижанской области было начато в 30-х годах. В 1933 г. экспедиция ГАИМК (под руководством Б. А. Латынина) производила раскопки на городище Эйлатан в Избаскентском р-не². В 1939 и 1940 гг., при строительстве Большого Ферганского и Южного Ферганского каналов, трассу их обследовали Т. Г. Оболдуева и В. Д. Жуков³. В 1950 г. отряд Памиро-Ферганской экспедиции (под руководством А. Н. Бернштама) произвел небольшие раскопки городища у с. Мархамат на юге области⁴. В 1952 г. Ю. А. Заднепровский (в составе Памиро-Ферганской экспедиции АН СССР) провел рекогносцировку на территории Андижанской области⁵. Все же Андижанская область остается еще очень мало изученной частью Ферганской долины, многие районы ее совершенно не обследованы.

В 1956 г. Андижанский областной краеведческий музей впервые начал самостоятельные работы по изучению памятников древности. Основной его задачей было выявить, обследовать и нанести на карту все, по мере возможности, археологические памятники области для составления археологической карты Северо-Востока Ферганы, определения ареалов расселения человека во все периоды его жизни на этой территории, с тем чтобы облегчить дальнейшие исследования по выявлению своеобразия черт в экономике и культуре области. Практически же необходимость в составлении археологической карты вызывается и тем, что в современных условиях густой заселенности Ферганы нужды народного хозяйства приводят зачастую к уничтожению памятников.

Музеем в 1956 г. обследовано восемь районов на севере, северо-востоке и юге области. На прилагаемой схематической карте (рис. 22) показаны основные результаты разведки. Пять маршрутов, проведенных по отдель-

¹ Доклад на Секции Средней Азии; пленум ИИМК АН СССР 1957 г.

² Б. А. Латынин. Работы в районе электростанции на р. Нарыне в Фергане. Известия ГАИМК, вып. 110. Л., 1935, стр. 141 сл.

³ В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Ин-та ист. и археолог., т. IV, Ташкент, 1951, стр. 41—84; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Там же, стр. 7—40, см. также В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Известия УзФАН, 1940, № 10.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 223—230.

⁵ Ю. А. Заднепровский. Раскопки селища Дальверзин. Труды АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956.

ным районом, дали возможность выявить свыше 40 памятников, в том числе первые для области семь могильников. Хронологически обследованные памятники охватывают период от эпохи бронзы до позднего средневековья. При разведках в основном производился сбор подъемного материала и из небольших шурфов, а также глазомерная съемка. На трех могильниках (Токуз-булак I, Мархаматский, Нияз-батырский) проведены раскопки 16 курганов.

Наиболее ранние из обследованных памятников — два холма у кишлаков Учтепе и Заргулдак — отмечены во время третьего маршрута, прошедшего по югу области между Шарихан-саем и Южным Ферганским каналом (Булак-Башинский р-н). Холм около кишлака Учтепе, носящий у населения название Шор-тепе, разрушен почти до основания: его высота не более 0,5 м. Многочисленный подъемный материал составляют фрагменты грубой лепной посуды. Поверхность черепков красноватая с характерными темными пятнами от неровного кострового обжига. Среди собранных обломков есть стенки сосудов, донышки, венчики. Вместе с грубой керамикой встречено несколько фрагментов от сравнительно тонкостенных, но также лепных от руки сосудов. Поверхность их была покрыта красным ангобом, с росписью черной краской поверх него (рис. 23). Орнамент состоит из заштрихованных треугольников, а также из треугольников, сплошь заполненных черной краской. Подобная же керамика найдена и на втором холме, находящемся в четырех-пяти км к югу от Шор-тепе, в кишлаке Заргулдак (около здания сельсовета). Холм — округлой формы, с плоской площадкой на вершине, диаметр Заргулдак-тепе 30 м, высота 5 м; северная часть более низкая. Всю толщу культурного слоя составляет рыхлый лёсс с многочисленными зольниками, пережженными костями и фрагментами керамики. Ближайшей аналогией керамике выше описанных памятников могут служить материалы из раскопок В. И. Спришевского селища эпохи бронзы у г. Чуста (Наманганской обл.)⁶, а также из раскопок Ю. А. Заднепровского на поселении Дальверзин (Андижанская обл.)⁷. Полное сходство керамики позволяет датировать Шор-тепе и Заргулдак-тепе также эпохой бронзы.

Следующий по времени из памятников, открытых в 1956 г. — Ниязбатырский могильник, небольшой, но характерный материал которого позволяет отнести его к раннему железному веку Ферганы⁸. Могильник расположен на первом повышении адыров в 4—5 км восточнее сел. Ниязбатыр и состоит из восьми курганов (пять из них нами раскопаны), растянувшихся цепочкой по увалу с севера на юг. Насыпи их из мелкой гальки с землей, удлиненной и овальной формы, высотой 0,25—0,3 м. Насыпи «длинных» курганов вытянуты с севера на юг, от 9 до 14 м, при ширине 4—5 м. После снятия насыпи, под ней, на глубине 0,2—0,25 м обнаружались погребальные грунтовые ямы, в некоторых курганах по одной, в кургане № 2 их было три (рис. 24).

Ямы ориентированы с запада на восток. Размеры их 1,9 × 0,6—0,8 м, глубина от 0,5 до 0,7 м. Как уже отмечалось выше, материал (керамика) немногочислен. В кургане № 3, где была только одна погребальная яма, найдены фрагменты круглодонного лепного сосуда с отогнутым краем; на внутренней стороне дна отпечаток ткани. В кургане № 2 (с тремя погребениями) также встречены фрагменты посуды. В одном из погребений собрано несколько черепков сосудов из грубого глиняного теста и венчик от черной миски с плоским краем. Но наиболее интересным, послужившим

⁶ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3, стр. 69.

⁷ Ю. А. Заднепровский. Указ. соч.

⁸ Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИМК, вып. 69, 1957, стр. 78—90.

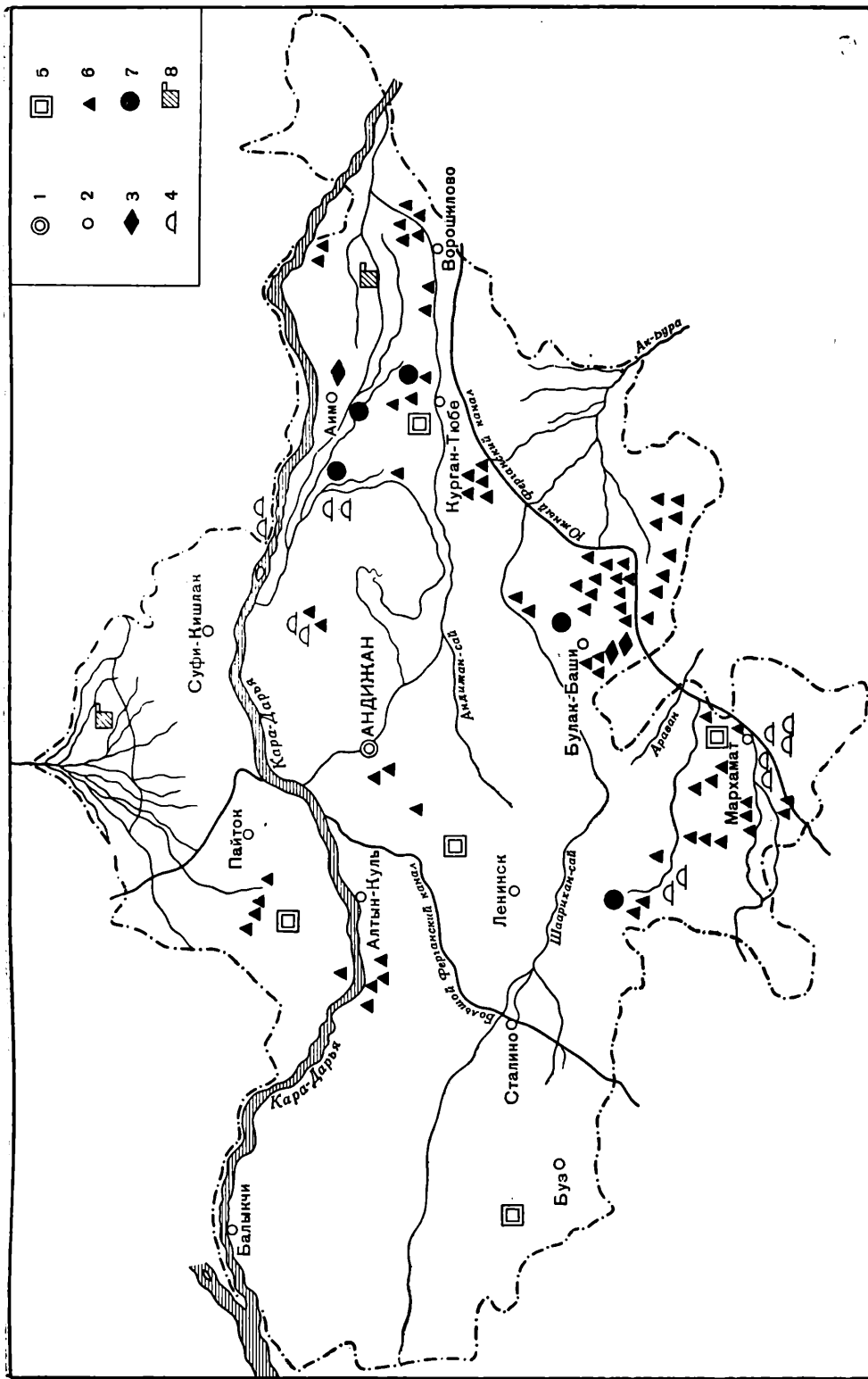

Рис. 22. Схематическая карта расположения археологических памятников в Андижанской области.

1 — областной центр; 2 — районыме центры; 3 — памятники эпохи бронзы; 4 — памятники эпохи железа; 5 — городища со стенами III в. н. э.; 6 — городища со стенами IV в. н. э.; 7 — городища со стенами V в. н. э.; 8 — городища со стенами VI-VIII вв. н. э.

основанием для датировки всего могильника, оказался сосуд из погребальной ямы № 2, кургана № 2 (рис. 25 — 1). Это открытый светлоглиняный горшок ручной лепки. Дно плоское, корпус округлый, край прямой. Вся нижняя часть горшка до середины корпуса была окрашена темно-красной краской, верхнюю часть украшал двойной пояс орнамента в виде равнобедренных заштрихованных треугольников, нанесенных той же красной, легко смывающейся, краской. Высота сосуда 11,5 см, диаметр края 13,5 см, диаметр дна 7 см. Сосуд по форме, глине и росписи аналогичен многочисленным сосудам из Ак-Тамского, Суфанского и Кунгайского могильников (Ферганская обл.), исследованных Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбургом⁹.

Ниязбатырский могильник несомненно относится к этому же типу памятников и может быть датирован как и Ак-там, V—III вв. до н. э. В Ниязбатырском могильнике отсутствуют скелеты. Возможно, это результат деятельности грабителей, но вероятнее, что курганы сооружены в память о погибших на чужой стороне сородичах.

Наиболее многочисленны среди обследованных в 1956 г. памятников остатки тепе, датруемых по керамике последними веками до н. э. — первыми веками н. э.¹⁰ В Андижанской области тепе располагаются своеобразными древними оазисами у водных источников. На северо-востоке области в Аимском районе зафиксирована группа одновременных тепе численностью до 23, на юге, в Булак-Башинском районе, такая группа насчитывает 22 тепе. По внешнему виду эти памятники можно разделить на три типа.

1. «Тепе с площадкой». Это огромные холмы прямоугольной формы. Наиболее возвышенная часть тепе, как бы башня, бывает на одном из углов площадки; высота таких тепе от 10 до 12 м, площадка достигает в длину 100—150 м.

2. Тепе удлиненной формы. В центре хорошо прослеживается провал двора. Длина тепе около 80 м, ширина 50—60 м, высота 6—7 м.

3. Тепе округлой формы. Вершина их может быть крутой или уплощенной. Диаметр холма 40—50 м, высота от 5 до 7 м.

Подъемный материал со всех тепе однороден. Это фрагменты грубых лепных горшков и хумов, обломки тонких чаш и мисок, покрытых красным ангобом, изготовленных на ножном гончарном круге. Попадает также и характерная для Ферганы последних веков до н. э. (так называемый «даваньский период») керамика с черным и коричневатым ангобом, с процарапанным орнаментом.

На западе области, в самом ее отдаленном Бузском р-не находится городище Каламыш, относящееся к первым векам н. э. Основу его составляют три тепе, расположенные на расстоянии 40—50 м друг от друга. Одно из них, самое большое, окружено остатками стен и рва. На этом

⁹ Н. Г. Горбунова, Б. З. Гамбург. Указ. соч.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 218—220; его же. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 9—11.

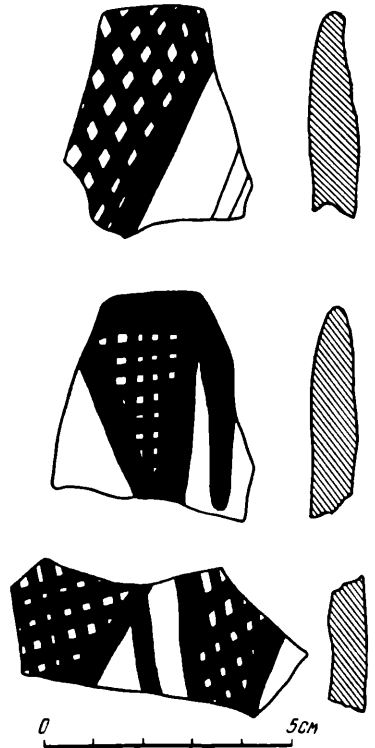

Рис. 23. Черепки сосудов эпохи бронзы из Булак-Башинского района.

городище случайно найдены пять сосудов прекрасной сохранности (рис. 25—4—8): изготовленная из тонкоотмученной глины мисочка с наклепными ручками для подвешивания и четыре кувшина. Два из них формованы на кругу, два других — лепные. По форме, глиняному тесту и технике это типичная посуда «позднекушанского» времени (III—IV вв. н. э.). Ближайшей аналогией им могут служить сосуды из могильника, раскопанного В. Д. Жуковым у селения Талмазар¹¹.

К упомянутому времени, видимо, следует отнести и Мархаматский могильник, самый большой из отмеченных в 1956 г. Он расположен к югу от с. Мархамат, в 4 км от известного Мархаматского городища IV в. до

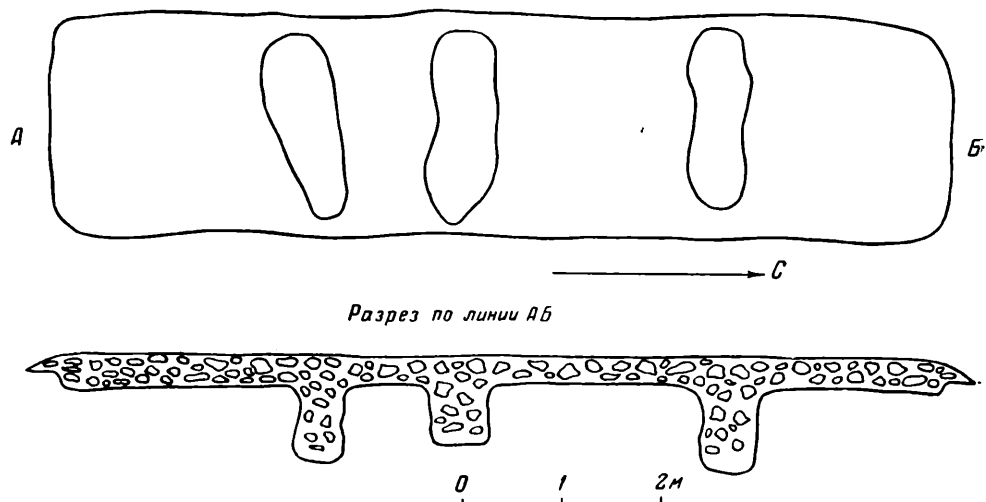

Рис. 24. План и разрез кургана № 2 Ниязбатырского могильника.

н. э.—IV в. н. э., исследованного А. Н. Бернштамом¹². Могильник раскинулся примерно на полтора—два километра до самых предгорных адыров и насчитывает свыше 50 курганов с каменной насыпью высотой от 0,2 до 1,5 м. Курганы располагаются своеобразными «семейными» группами: вокруг большого, диаметром 10—12 м, кургана, — по четыре—пять небольших, диаметром 3,5—4,0 м. Раскопки семи курганов показали, что захоронения производились в грунтовых ямах, глубиной 0,6—0,8 м, ориентированных с запада на восток. Скелеты лежали вытянуто на спине, головой на запад. В двух случаях под головой лежала каменная плоская плитка. Интересно устройство центрального кургана. Под каменной насыпью, состоявшей из больших камней-валунов весом до 50 кг, вместо погребальной ямы была обнаружена прямоугольная площадка 1 × 2 м, на которой лежал разбросанный в беспорядке скелет; площадку окружала вымостка из плотно пригнанных камней. Аналогии подобному обряду захоронения нам найти не удалось.

Погребальный инвентарь в курганах незначительный. В одном из курганов около скелета обнаружено каменное пряслице из серого песчаника (рис. 25—2), несколько бисерных бусин из белой и голубой пасты, фрагмент стенки грубого сосуда серого теста. В другом найдено глиняное пряслице (рис. 25—3) и фрагменты красноангобированной керамики. Кур-

¹¹ В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Известия УзФАН, 1940, № 10, стр. 23—24.

¹² А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, стр. 11; его же. Историко-археологические очерки..., стр. 228, 229.

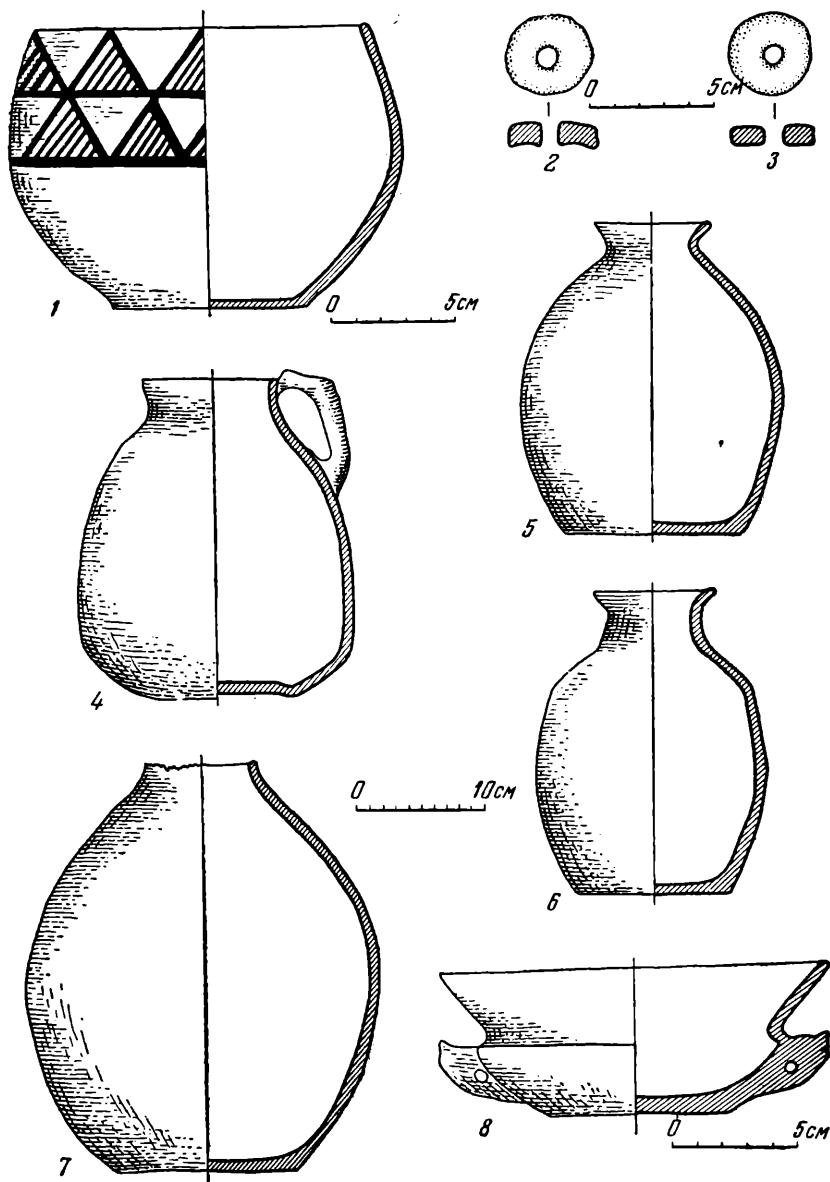

Рис. 25. Находки при археологических разведках 1956 г. в Андижанской области.

1 — расписной сосуд из кургана № 2 Ниязбатырского могильника; 2, 3 — каменное и глянцное пряслица из курганов Мархаматского могильника; 4—8 — кувшины и красноощеная миска с городища Каламыш-тепе (случайная находка).

ганы оказались ограбленными и не могут быть точно датированы, но все же находка в кургане № 7 красноангобированных черепков позволяет предположительно отнести могильник к первым векам нашей эры.

К несколько более позднему периоду относится гончарная печь для обжига посуды, раскопанная в 1956 г. на севере области, в Пахтаабадском р-не, у кишлака Хилля. Этому интересному памятнику нами посвящена специальная работа¹³, здесь же остановимся на нем лишь кратко. Топка

¹³ В. И. Козенкова. Гончарная печь из Хилля, СА, № 3, 1958, стр. 219—222.

печи находилась на глубине 3 м от современной поверхности. Верхняя часть печи — обжигательная камера — не сохранилась, остался лишь развал обожженной глины и обгоревших кирпичей. Топка печи — круглая яма, стенки которой были покрыты толстым слоем (5—7 см) зеленоватого шлака, — хорошо сохранилась; диаметр ее 2,25 м, глубина 2,0 м, диаметр дна ямы — 1,74 м. Перед топочным отверстием с арочным сводом, находилась яма, заполненная пережженной травой. По краю пода обжигательной камеры сохранились 12 жаропроводных отверстий, диаметром 11—14 см. В нижних слоях мусора, заполнявшего топку, и в топочном устье найдены фрагменты керамики, позволяющие датировать печь V—VII вв. н. э. Это черепки краснолощеных и без лощения сосудов. Некоторые из них несомненно представляют производственный брак. В топочном отверстии найден целый, также бракованный сосуд — грушевидная кружка с узким поддоном и прямым венчиком, со следами ручки на корпусе. Сосуд из хорошей глины, изготовлен на ножном кругу, сверху покрыт красным матовым ангобом. Раскопки гончарной печи у Хилля представляют несомненный интерес, т. к. насколько нам известно, это первая находка подобного рода памятника в Фергане.

Разведка 1956 г. показала, что меньше всего в Андижанской области сохранилось памятников, относящихся к средневековью. Из обследованных лишь четыре тепе и почти совершенно распаханное поселение у кишлака Хилля (верхний слой) дали материал, относящийся к IX—XIII вв. Поселение богато находками. Отсюда происходит клад золотых монет XIII в.¹⁴, многочисленны (около 60-ти) находки медных монет, еще не определенных. При раскопках гончарной печи в Хилле собраны фрагменты стекла, неполивной и поливной керамики тюркского и саманидско-караханидского времени. Значительная площадь поселения (2 кв. км), толщина позднего культурного слоя, доходящая до 3 м, большое количество находок, особенно поливной посуды, многочисленные монеты свидетельствуют о большом развитии здесь торговли и ремесла в период IX—XIII вв. (а возможно и раньше).

Андижанским краеведческим музеем в 1956 г. собраны новые данные по древней истории Ферганы и положено начало накоплению материала для составления археологической карты.

¹⁴ Г. Алимов. Клад золотых монет из Узбекистана. Труды АН Тадж. ССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 122.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ в 1956 г.

Южно-Киргизский отряд Киргизской археологической экспедиции Института истории АН КиргССР и ИИМК АН СССР в 1956 г. продолжал изучение городища Шурабашат в Узгенском оазисе. Памятник впервые обследован в 1954 г. Он состоит из трех частей общей площадью в 70 га и окружен с севера и запада единым валом длиной около 3 км¹. На среднем городище (II) тогда же был заложен шурф в 24 кв. м (раскоп I), в котором обнаружен своеобразный комплекс расписной и крашеной керамики вместе с посудой, покрытой красным ангобом, так называемой кушанской. Подобный комплекс керамики ранее не был известен в Ферганской долине. Расписной керамики, сходной с шурабашатской, пока не обнаружено и в других областях Средней Азии. Керамика и городище Шурабашат предварительно были датированы IV—I вв. до н. э.

Работы продолжены в 1955 г. На городище II в северной части плоского холма, на котором находится раскоп I, заложен новый раскоп — II (12 × 8 м). В нем раскрыта часть жилого комплекса и выявлено два периода в истории поселения. На цитадели, являющейся частью городища III, производились разведывательные работы на площади около 50 кв. м (раскоп III). При этом получен материал более позднего — третьего периода. Культура этого периода генетически связана с предшествующими этапами жизни поселения. В 1955 г. были открыты погребения в земляном валу городища и синхронные второму периоду истории Шурабашата.

Иной комплекс находок оказался в шурфе на основной площадке городища III. Здесь в верхних слоях найдены культурные остатки средневекового периода.

За два года за пределами стен городища обследовано несколько пунктов находок древней керамики. Особо отметим случайную находку в районе городища бронзового ножа катакомбного типа (хранится в Ошском краеведческом музее). Это первый сигнал о заселении оазиса и в более раннее время.

В результате работ 1954—1955 гг. удалось наметить периодизацию истории поселения и уточнить датировку. В 1956 г. (третий сезон работ) Южно-Киргизский отряд сосредоточил основное внимание на изучении городища Шурабашат. Работы проводились на всех трех частях городища в 2-х раскопах и 7-ми шурфах.

На городище II к раскопу II (1955 г.) прирезан участок в 48 кв. м (квадраты 7—10; рис. 26—1). Основной задачей работы на этом раскопе

¹ План городища и характеристику работ 1954 г. см. в КСИЭ, XXVI, 1957; о работах 1955 г. — в нашей статье «Городище Шурабашат», КСИИМК, вып. 71, 1958.

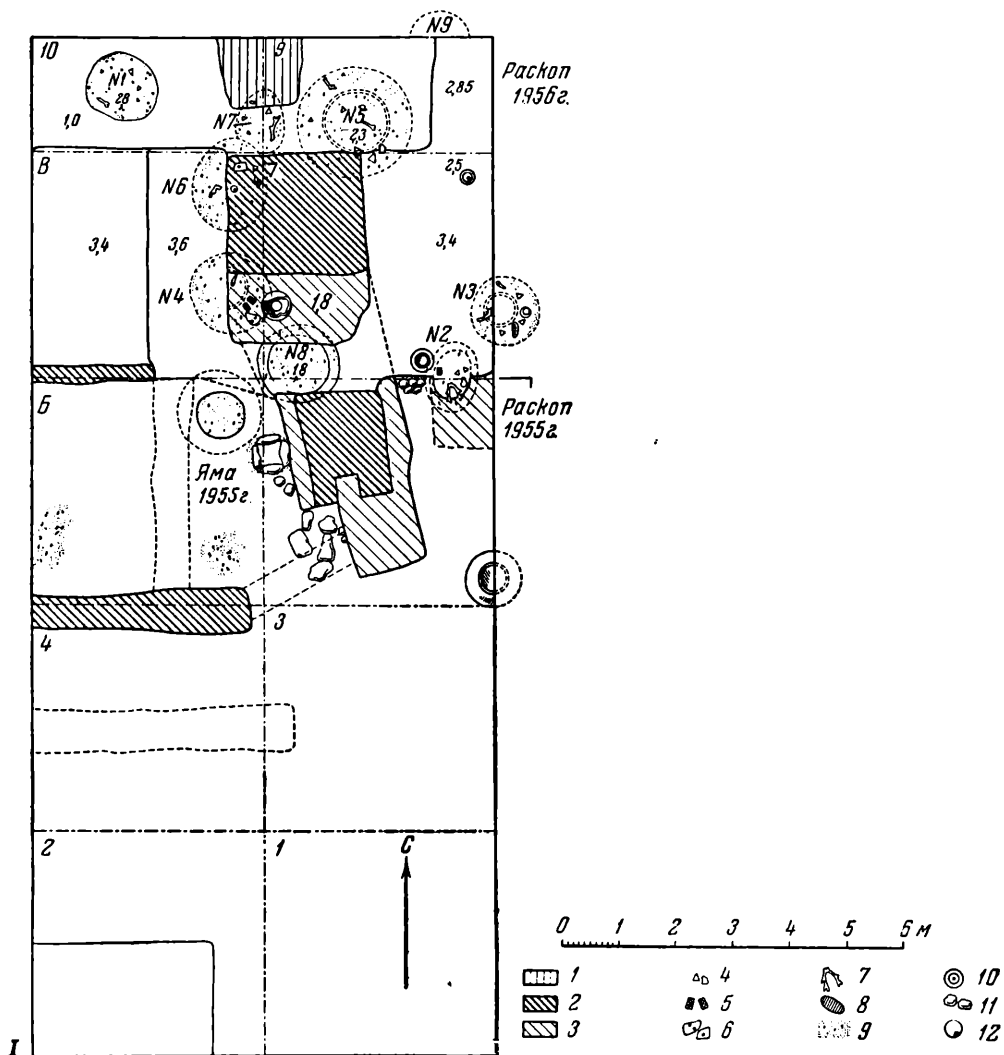

Рис. 26. Шурабашат II. План и разрез раскопа II.

I — План раскопа II (1955—1956 гг.), нижний горизонт; II — раскоп II, разрез С—Ю. 1 — твердый грунт; 2 — стена; 3 — пол; 4 — керамика; 5 — костяные заготовки; 6 — очажные подставки; 7 — рог; 8 — зернотерка; 9 — золыные пятна; 10 — бронзовый предмет; 11 — скопление гальки; 12 — пряслице.

было уточнение и проверка наблюдений по стратиграфии поселения древнего периода. Четко прослежено два строительных горизонта. В верхнем (главным образом на квадрате 7) обнаружено несколько прослоек пола на глубине 1,5—1,8 м от поверхности, на уровне пола, открытого в север-

Рис. 27. Сосуды и очажные подставки из Шурабашата II.

1 — сосуд с росписью (случайная находка); 2 — чаша с карминно-фиолетовой окраской
3 — красноангобированная чаша; 4, 5 — очажные подставки.

ной части раскопа II в 1955 г. На этом полу расширен очаг с большим количеством древесного угля. В очаге лежала глиняная очажная подставка оригинальной формы (рис. 27 — 4). Рядом с очагом находилась горловина ямы № 3, севернее, на этом же уровне, — большое зольное пятно и корчага, сходная по форме и размерам с расширенной в северной стене раскопа 1955 г.

Через весь раскоп проходит в направлении с севера на юг сильно разрушенная стена, часть которой была замечена в 1955 г. У стены с восточной

стороны, на полу верхнего горизонта, лежал раздавленный горшок с горизонтальной налепной ручкой. На этом участке (квадрат 7) обнаружена, следовательно, часть жилого комплекса.

К этому же горизонту относится яма № 1 в северо-западном углу; горловина ее — на глубине 1 м от поверхности. Яма расширяется книзу и достигает глубины 1,8 м. В засыпи среди золы, костей животных, кусков обожженного лёсса и большого количества керамики найдено пряслице и половина реберчатой бусы из египетской пасты, сходной с бусами, обнаруженными в погребении на валу.

Верхнему горизонту принадлежит также и грушевидная яма № 5 в северо-восточном углу. Это самая большая яма на раскопе II; наибольший диаметр ее — 2 м, глубина — 2,2 м. В западной половине раскопа пол верхнего горизонта выявлен менее отчетливо, чем в восточной.

Культурный слой нижнего горизонта вскрыт на небольшом участке площадью около 20 кв. м. Здесь сохранились часть пола и ямы № 4 и 8, горловины которых лежали ниже основания «меридиональной» стены (рис. 26 — II).

Яма № 4, глубиной 1,4 м, обнаружена в западном обрезе стены. В ней найдены целая зернотерка и обломки их, две костяные прямоугольной формы заготовки для изготовления пряжки (?), олений рог со следами обработки и много керамики. В отличие от ям верхнего горизонта, здесь не встречено расписной керамики; преобладают находки монохромно-крашеной посуды, единичными образцами представлена красноангобированная. На самом дне ямы оказалась очажная подставка своеобразной формы, схематически передающая голову животного, судя по характерному выпуклому лбу — барана (?) (рис. 27 — 5).

Наиболее важные для стратиграфии поселения наблюдения сделаны при разрезе и выемке части «меридиональной» стены (юго-западная часть квадрата 7 и юго-восточная квадрата 8). Выяснено, что снаружи стена сильно разрушена и точно оконтурить ее невозможно. Толщина ее в разрезе была немногим более 1 м. Основание стены находилось на глубине 1,4 м. Сложена она из пахсовых блоков. Под стеной, на полу (показан на плане штриховкой) нижнего горизонта, на глубине 2,4 м обнаружена раздавленная корчага с сосковидными выступами. Рядом с нею расчищена горловина ямы № 8. Яма — конусовидной формы, расширяется книзу до 1,4 м. Высота — 1,85 м. Горловина ее находится на одном уровне с горловиной ямы № 4, тоже расположенной ниже основания стены, на глубине 2,5 м. Верхний край ям № 4 и 8 и участок пола нижнего горизонта, открытый под стеной, располагаются ниже уровня пола верхнего горизонта, отчетливо видно в обрезе восточной стены раскопа.

Совершенно очевидно, что «меридиональная» стена и постройка верхнего горизонта, перекрывающие пол с ямами № 4 и 8, сооружены позднее их.

В 1956 г. подтвердились стратиграфические предположения, сделанные в прошлом году на основании незначительных фактов. Они позволяют определенно говорить о одновременности верхнего горизонта с остатками пола на глубине 1,5 м, «меридиональной» стеной и ямами № 1 и 5, с одной стороны, и, с другой стороны — нижнего горизонта с участком пола и ямами № 4 и 8, перекрытыми этой стеной. Совпадает и положение ям нижнего горизонта и, что особо важно, состав керамики. В их засыпи также преобладала крашенная керамика, а расписная попадалась в единичных экземплярах. Следов построек нижнего горизонта не обнаружено, так же как и в 1955 г. Очевидно, они разрушены при возведении здания верхнего горизонта. Работы 1956 г. позволяют утверждать, что сооружение стены относится ко второму периоду жизни поселения.

Находки в раскопе 1956 г. расширяют наши представления о материальной культуре Шурабашата. Особо интересны три очажные подставки.

Две из них прямоугольной формы. Они найдены в верхнем и в нижнем горизонтах. В последнем найдена также подставка с зооморфным изображением. Назначение их выясняется при сопоставлении с очажными подставками из Каунчи-тепе. Однако они отличаются по форме и пока не находят аналогий в материалах Средней Азии.

Впервые встречены костяные заготовки (рис. 28) для пряжек (?). Они несколько напоминают костяные пряжки из Ак-Тамского могильника в Фергане и Кую-Мазарского в Бухарском оазисе. В нескольких местах, в том числе и ямах, обнаружены обломки рогов благородного оленя, некоторые из них со следами обработки. Так же как в прошлом году, найдены костяные накладки для лука.

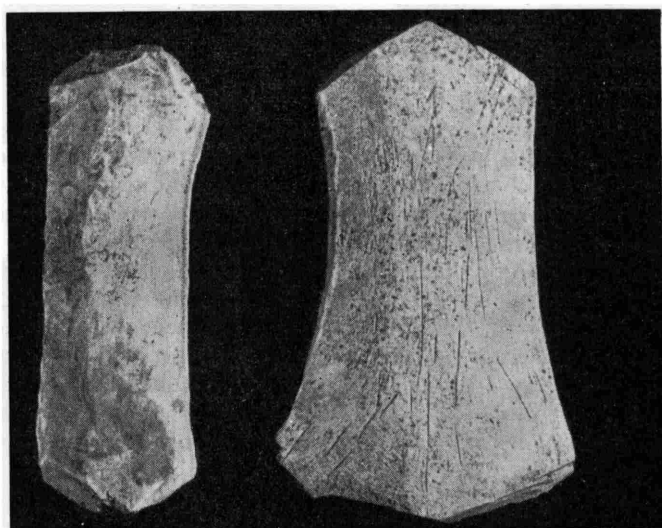

Рис. 28. Шурабашат II. Костяные заготовки.

Небольшие бронзовые поделки, каменное острие (сурьматаш) и бусина из египетской пасты впервые найдены в культурном слое поселения.

Разделение на два периода, зафиксированное стратиграфией слоев, находит подтверждение в различии находок в обоих горизонтах раскопа II. Это наглядно видно при сопоставлении керамики, количество которой примерно одинаково из ямы № 1 (верхний горизонт) и № 4 (нижний горизонт).

В первой яме найдено значительное количество расписной посуды, в том числе чаши с перехватом стенок, обломки плоских крышек и др. В ней оказалось много черепков с прекрасной карминно-фиолетовой окраской, небольшое число без облицовки и так называемой «кухонной» посуды, а также несколько образцов красноангобириванной керамики. В яме № 4 найдено всего только два фрагмента с росписью, в ней не оказалось сосудов такой типичной формы, как чаша с перехватом стенок. Крашенная керамика значительно более худшего качества; красноангобириванной найдено лишь два обломка. Преобладала грубая керамика без облицовки. Различие в составе находок из ям не случайно и подтверждается статистическими подсчетами керамики из культурного слоя.

Новые материалы по средневековому периоду получены в раскопе IV на городище III (восточном). Здесь предполагалось существование остатков средневековых построек. Однако надежды не оправдались, так как культурный слой оказался беден и строительные остатки почти начисто уничтожены. Площадь раскопа IV равна 20×8 м. Позднее проведена траншея длиной в 12 м, так что поперечный и продольный разрезы равнялись 20 м. Толщина культурного слоя достигала 3 м. Нетронутый грунт появился на глубине 4 м. В раскопе выделено три слоя. Верхний — с остатками полов и небольшими вымостками из жженого кирпича, сходного по размерам с узгенским.

В этом слое вскрыты два погребения в восточной части раскопа. Костяки сильно разрушены, контур могильной ямы не удалось определить; вещей не оказалось. Поблизости от одного костяка найдена средневековая монета. В этом же слое обнаружена вторая монета — три копейки с датой 1916 г. Оснований для датировки этих погребений нет. Очевидно, они относятся к позднему времени, после монгольского нашествия.

В верхнем слое обнаружена неполивная и поливная средневековая посуда X—XII вв. Интересны находки средневековой расписной посуды, в том числе целого горшка, кувшина и крышки. Роспись по сюжету и по составным элементам четко отличается от расписной керамики древнего периода. В небольшом количестве представлена стеклянная посуда.

Следующие два слоя относятся к древнему периоду в истории Шурабашата. Во втором слое, однако, встречены вместе материалы древнего и средневекового времени. Средневековый слой непосредственно лежит на древнем; никаких следов промежуточного раннесредневекового слоя не обнаружено. Строительных остатков и стен в нижнем горизонте не найдено. Культурный слой беден находками. В расположении отдельных сосудов, скоплений керамики и костей животных, разбросанных по всей площади, никакой закономерности не прослежено.

В траншее, которая прорезала склон площадки по направлению к водоему, также не вскрыты строительные остатки.

Керамика из нижнего слоя раскопа IV сходна с находками в раскопах I и II на городище II и из раскопа III на цитадели. Это служит доказательством, что поселение древнего периода занимало обширную территорию. Очень интересны находки керамики эйлатанского и актамского типов (рис. 29 и 30). Найдены, относящиеся к средневековью, которые составляют теперь обширный комплекс, собраны исключительно на восточном городище III. В результате трехлетних работ с уверенностью можно утверждать, что в средние века была обжита только небольшая часть древнего поселения — городище III.

Работы на раскопе IV подтверждают стратиграфические наблюдения 1955 г. и доказывают, что средневековое поселение возникло на месте развалин древнего и было рядовым селением сельской округи средневекового города Узген.

На городище I (западном) производились поиски культурного слоя, начатые шурфом в 1954 г. Здесь в юго-западном углу городища в шурфе (10 кв. м), углубленном до 2 м, в однородном глессовом грунте не было никаких следов культурного слоя. Обнаружено только сильно разрушенное погребение человека без вещей. Костяк лежал на левом боку, головой на северо-запад. Вблизи найден один малохарактерный черепок.

Подобная картина наблюдалась и в шурфе 1954 г. в северо-восточном углу этого городища. На всей поверхности городища I, в отличие от остальных двух, керамика встречается очень редко. Учитывая все это, можно предположить, что огромная площадь городища I не была заселена или, во всяком случае, была мало обжита и, вероятно, служила убежищем для окрестного населения и для его скота в случае опасности.

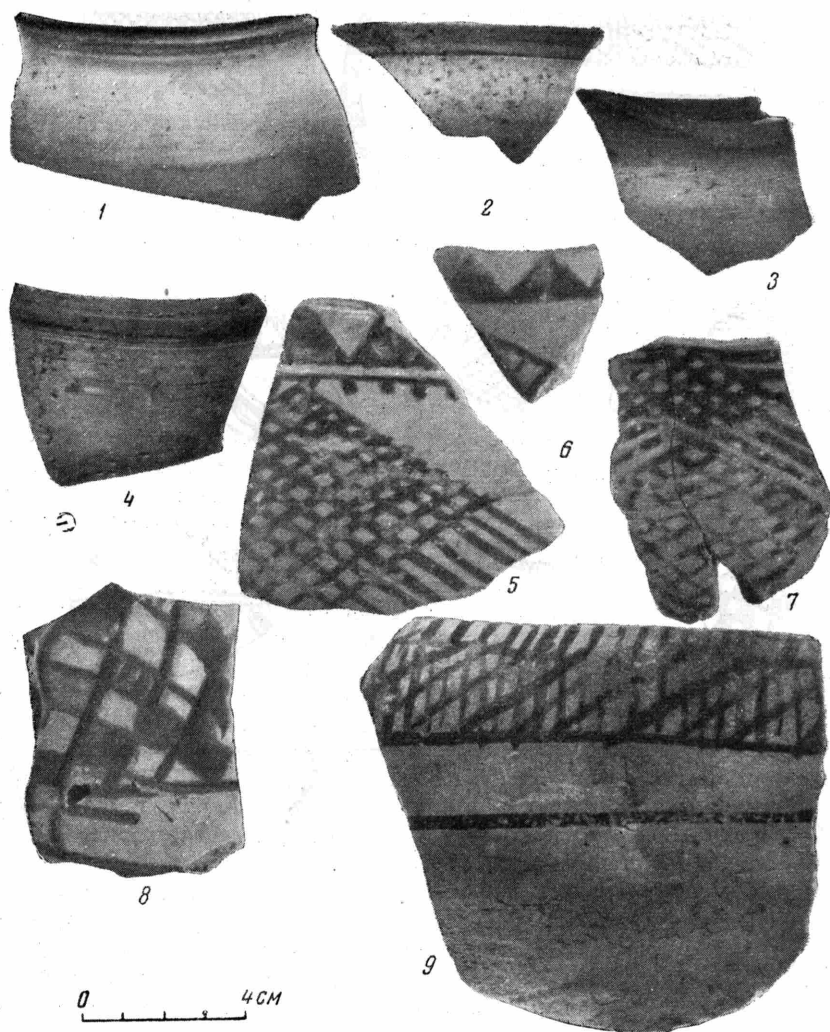

Рис. 29. Шурабашат III. Керамика из нижнего слоя раскопа IV.

1—4 — керамика эйлатанского типа; 5—9 — керамика актамского типа.

Траншея 1955 г. на северном валу была углублена, но культурный слой под валом не найден. На северном склоне вала, восточнее траншеи 1955 г., снят грунт на участке около 360 кв. м до уровня погребений, обнаруженных в валу. Работы велись с целью выяснить, не было ли здесь городского некрополя. Однако в 1956 г. вскрыто только одно сильно разрушенное погребение без вещей, и вопрос о существовании некрополя остается открытым.

Четыре шурфа разбиты за пределами городища, на юго-запад от него, на месте тепе, разрушенных при землеустроительных работах.

В одном из них почти сразу же появилось погребение человека, возле которого находилась нижняя половина хума. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на юг. У черепа найдены обломки голубой бусины; на костяке и под ним — обломки сосуда, характерного для древнего периода. Погребение относится, по-видимому, к концу этого периода. Положение и ориентация костяка не сходны с погребением, открытым в шурфе на городище I. Эти погребения ориентированы иначе, чем захоронения в валу,

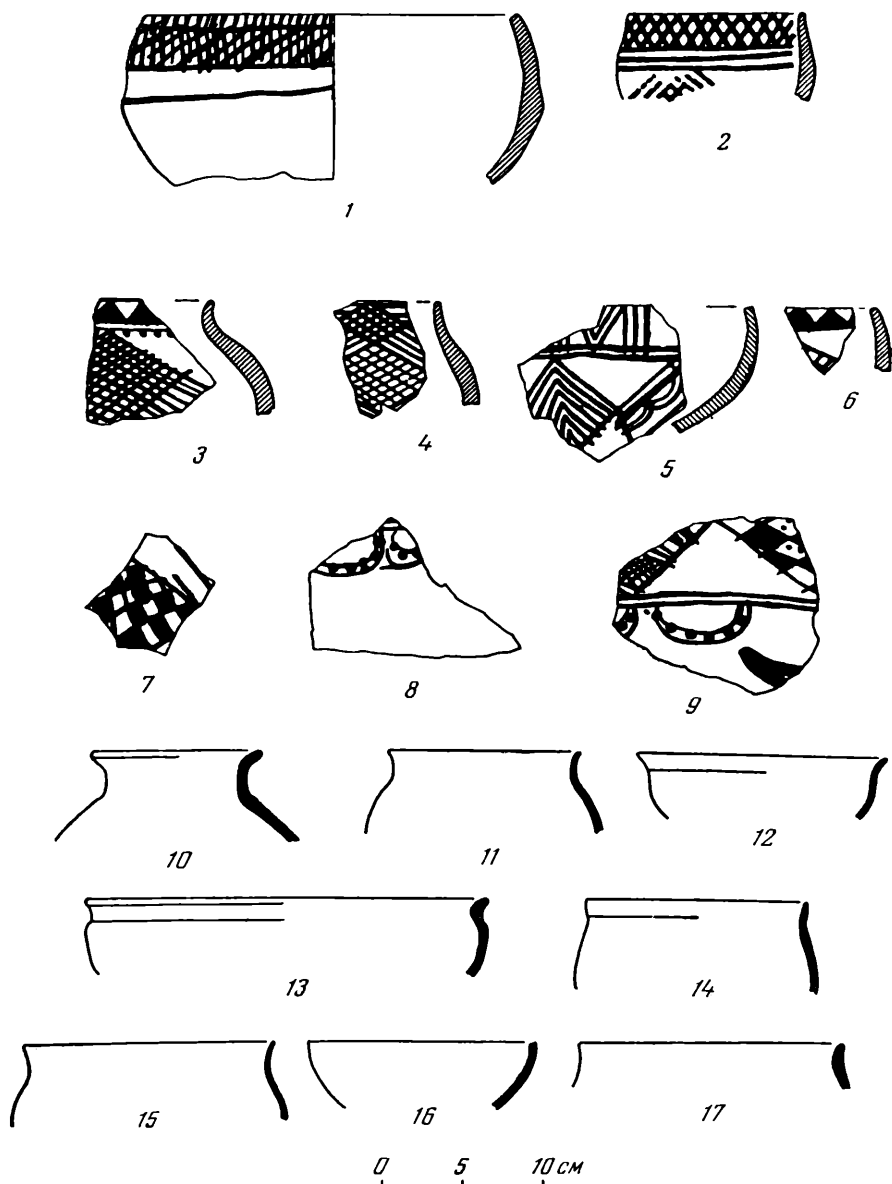

Рис. 30. Шурабашат III. Керамика из нижнего слоя раскопа IV.

1—9 — керамика актамского типа; 10—17 — айлатанского типа.

которые лежат головой на запад. Возможно, что намечаемые группы погребений относятся к разному времени.

В других шурфах обнаружены камни фундаментов, остатки очагов и керамика.

В итоге за три года (1954—1956 гг.) на городище Шурабашат производились работы в четырех раскопах, в траншее на валу (объект V) и в 12 шурфах и зачистках. Несколько почти целых сосудов найдено в юго-западном углу городища (на месте кладбища). На городище I заложено два шурфа, на городище II — раскопы I и II и траншея на валу, и на горо-

дище III — раскопы III и IV и шурф. Большие работы произведены вне городища: к северу от него в шурфе нашли большую миску, западнее и юго-западнее него заложено пять шурфов и проведены в трех пунктах зачистки.

В результате получен материал из 18 пунктов, расположенных в разных частях городища и за его пределами, изучение которого позволяет охарактеризовать, правда еще в общих чертах, основные этапы истории Шурабашатского городища. Появились данные и для решения вопроса о последовательности изменения территории городища.

Находка бронзового ножа, характерного для катакомбной культуры, в окрестностях Шурабашата позволяет предположить, что район был заселен уже в эпоху бронзы (конец II тысячелетия до н. э.). Возникновение поселения относится к началу второй половины I тысячелетия до н. э. Керамика Шурабашата первого периода сходна с эйлатанской, датировка которой серединой I тысячелетия до н. э. ныне подкреплена материалами Ак-Тамского могильника². Так же как в Эйлатане, в Шурабашате преобладает для этого времени крашенная карминно-фиолетовой краской керамика. Роспись встречается в небольшом количестве. Можно отметить сходство в планировке поселения — обширное незастроенное пространство западной части Шурабашата и незастроенная площадка между внешним и внутренним валами в Эйлатане.

В следующий период — последние века до н. э., — основной в истории поселения древнего периода, значительное развитие получает своеобразная расписная керамика. На поселении появляются жилые постройки с пахсовыми стенами. К этому времени относятся погребения в земляном валу городища.

Менее отчетливо намечается третий период, датировать который можно предварительно первыми веками н. э. В это время крашенная и расписная керамика количественно уменьшается и качество ее становится хуже. Находки, относящиеся к третьему периоду, обнаружены пока только в верхнем слое цитадели. В материалах трех периодов не наблюдается резких изменений, что, очевидно, свидетельствует о постепенном и непрерывном развитии одной и той же культуры земледельческого населения оазиса.

Поселение древнего периода занимало обширную территорию II и III городищ. Несомненно, оно включало также и городище I, которое окружено тем же валом, что и второе. Планировка поселения в основном сохранилась до наших дней. Последующие перестройки не изменили его конфигурации.

Резкие изменения наступают при переходе к четвертому — средневековому периоду. Площадь поселения сильно сокращается и занимает только одно городище III (восточное). Между древним поселением и средневековым — разрыв, период запустения древнего поселения. Жизнь здесь возобновляется, по-видимому, в IX—X вв.

Шурабашат, в дополнение к известным комплексам расписной керамики Ферганы, дал новый и своеобразный ее вариант. Эта керамика сосуществует с красноангобирванной. Яркое проявление традиций расписной керамики в такое позднее время составляет своеобразие культуры Ферганы последних веков до н. э.

Шурабашат занимает определенное место в линии развития оседло-земледельческих поселений в Ферганской долине после Чустского, Дальверзинского и Эйлатанского. Сейчас можно говорить о непосредственной преемственности культуры Шурабашата от эйлатанской. В свете работ на Шурабашатском городище получают определение некоторые отдельные

² Б. Э. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 78—90.

находки расписной керамики в Ферганской долине. На основании изучения этих находок выделен ранее неизвестный этап развития культуры древней Ферганы, который можно назвать шурабашатским.

Изучение Шурабашата отряд производил одновременно с обследованием всего Узгенского оазиса и бассейна средней части Кара-Дарьи и ее истоков. Это позволило определить значение Шурабашатского поселения, которое было крупнейшим (по размерам) центром не только Узгенского оазиса, но и всей Ферганской долины периода существования Даваньского царства. Это позволило также пересмотреть вопрос об отождествлении города Ю-чэн Даваньского царства, упоминаемого в китайских источниках, с Узгеном. Отметим, что наибольшие основания для сопоставления с этим городом имеет, пожалуй, Шурабашатское городище.

Южнокиргизский отряд в 1956 г., продолжая выявление новых археологических памятников, обследовал зону строительства Уч-Курганской ГЭС на р. Нарын. Здесь, на левом берегу Нарына, обнаружен могильник. Курганы (их насчитывается 80), сгруппированные тремя параллельными рядами, тянутся с юго-запада на северо-восток на расстояние 450 м.

Повторно обследована Шалтакская группа тепе, расположенная к востоку от г. Ош. Снят план группы и собран подъемный материал древнего и средневекового периодов. Интересны находки нескольких черепков, относящихся к эпохе бронзы, сходных с керамикой Чуста и Дальверзина. Это еще один новый пункт, свидетельствующий о распространении чустской культуры расписной керамики бронзового века на территории Южной Киргизии.

Во время повторного обследования снят план средневекового городища Мады в Ошском оазисе, которое можно сопоставить, как это уже делали академик В. В. Бартольд и А. Н. Бернштам, со средневековым городом Медва, упоминаемым в арабо-персоязычной литературе.

Очень интересно обнаруженное во время разведки по западным районам Ошской области Кара-камарское селище. Оно находится в бассейне р. Ак-су, западнее райцентра Исфана. В узкой долине горной речушки, у подножья горного кряжа, на небольшой площадке найдено несколько фрагментов керамики. Других внешних признаков поселения не было заметно. После обследования всей площадки обнаружены выходы культурного слоя в лошине. Собрано большое количество красноангобированной керамики последних веков до н. э. и первых веков н. э. Найден также черепок красноангобированного сосуда с процарапанным орнаментом, — это наиболее западный в Ферганской долине пункт находки подобной керамики с процарапанным орнаментом, являющимся одной из характерных черт культуры древней Ферганы.

На склоне лошины участник поездки, сотрудник Ошского краеведческого музея А. И. Пошко, нашел детское погребение с двумя красноангобированными кувшинчиками и плоской, а также каменное острие (сурьматаш). Погребение может быть датировано первыми веками н. э.

Полученные в 1956 г. материалы позволяют уточнить периодизацию и дать более полную характеристику этапов истории Шурабашатского городища и вводят в научный оборот некоторые памятники других периодов истории Юга Киргизии.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

МОГИЛЬНИК АРУК-ТАУ В БИШКЕНДСКОЙ ДОЛИНЕ
(ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)¹

Во время систематических археологических исследований в низовьях р. Кафирниган, проведенных в 1950—1952 гг. М. М. Дьяконовым, здесь, наряду с многочисленными тепе и городищами, обнаружено несколько курганных могильников. Расположенные в непосредственной близости от земледельческого оазиса (Кобадиян), на его окраинах, они сразу привлекли к себе особое внимание. Встал вопрос о необходимости выяснения роли кочевников в истории Северной Бактрии². Однако произведенные с этой целью в 1952—1953 гг. раскопки нескольких могильников не дали существенных результатов, так как курганы оказались разграбленными; в долине р. Кафирнигана вообще не оказалось ни одного неразграбленного могильника.

В 1953 г. удалось обнаружить несколько курганных могильников, не подвергшихся полному ограблению, в соседней Бишкендской долине. Наиболее крупный из них, находящийся в северной, ныне пустынной части этой долины, у подножия горного кряжа Арук-тау, был объектом раскопок в 1955 и 1956 гг. Могильник занимает площадь более 2 кв. км и распадается на две части — южную и северную. В обеих частях его курганы расположены группами, в основном цепочками, вытянутыми от кряжа к середине долины, с востока на запад, вдоль узких промоин. Часто наряду с «основной» цепочкой наблюдается и «дополнительная», лежащая несколько в стороне от нее.

Общее число курганов составляет более 300, однако около двух третей их разграблено, по-видимому, в древности. У всех курганов каменная насыпь почти правильной круглой в плане формы; размеры во всех случаях невелики — диаметр не превышает, за единичными исключениями, 4—5 м, а высота обычно менее 0,5 м.

За два сезона раскопано 103 кургана, в том числе некоторое количество разграбленных. Преобладающий тип могил во всех группах — прямоугольная яма, вытянутая примерно с севера на юг (часто с некоторым отклонением на запад или восток), глубиной около 2 м, с подбоем в западной стенке; при восточной стенке во многих случаях имеется небольшая ступенька (рис. 31 — II). Отмечено также небольшое количество простых грунтовых ям различной глубины, с той же ориентировкой. Кроме того, в некоторых группах есть очень небольшое число курганов с погребениями на древнем горизонте, которые, однако, в большинстве оказывались

¹ Доклад на Секции Средней Азии; отчетная сессия ИИМК АН СССР 1957 г.

² М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, 1953, стр. 258 и др.

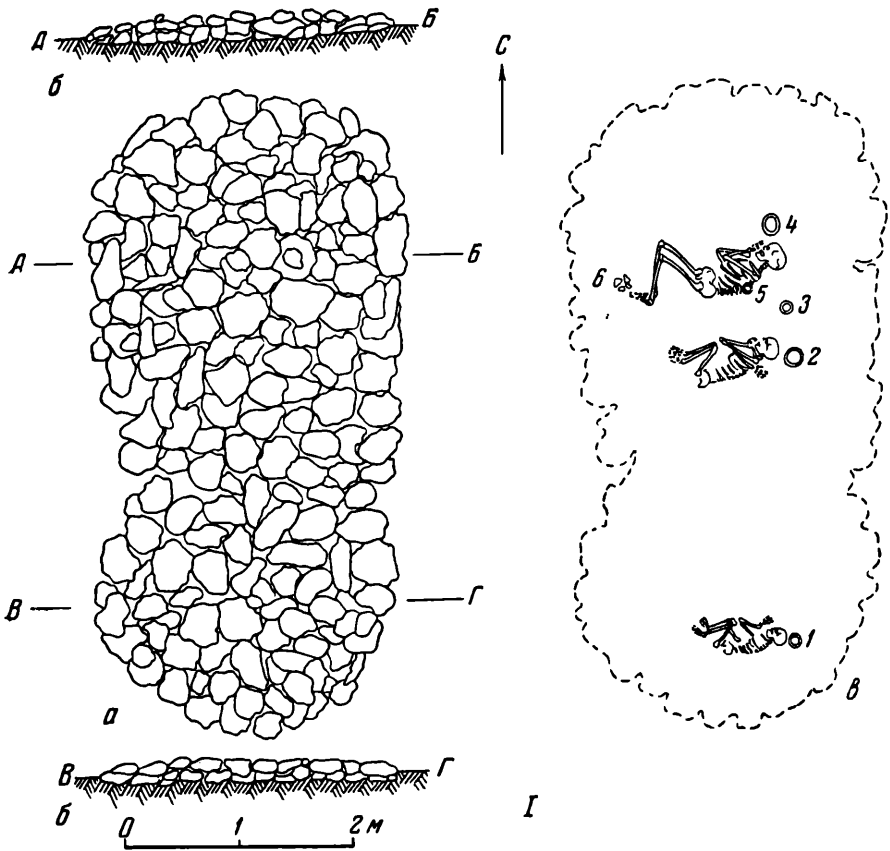

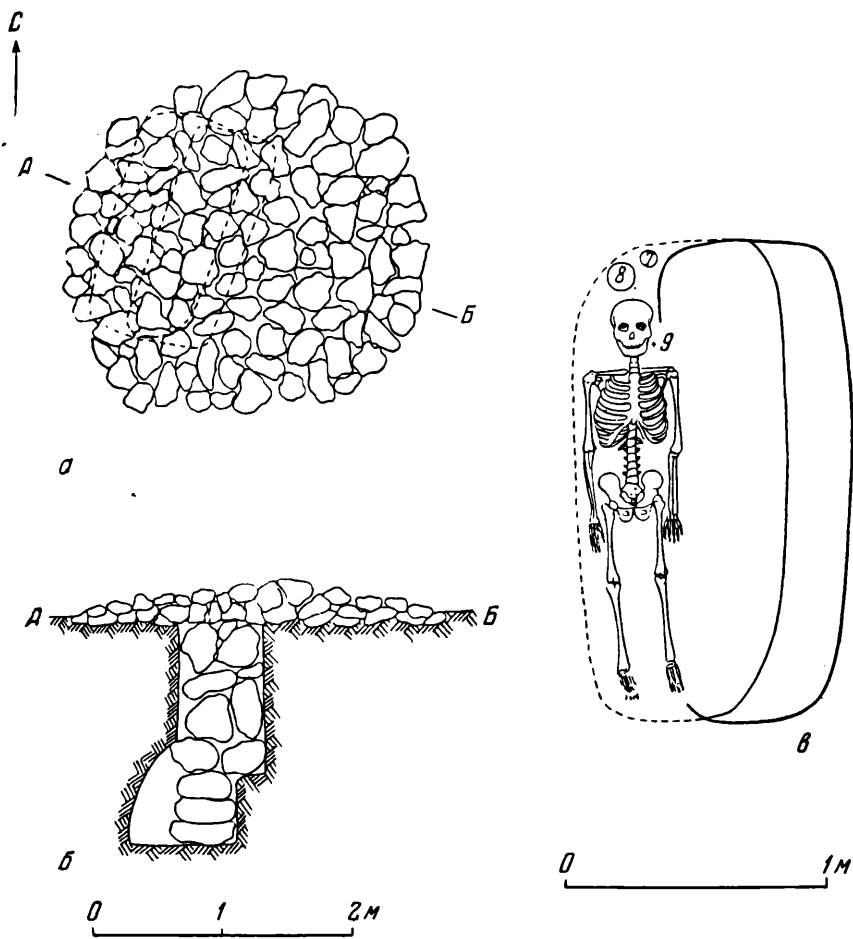
Рис. 31. Погр

I — курган Б 8—9 с погребениями на древнем горизонте (а — план; б — разрезы; в — план погребения на планах погребений обозначены места находок: 1—5 — глиняные

разграбленными в древности. Особо следует выделить два кургана: один с погребением в хуме, а второй с детским погребением в неглубокой яме. Около 20% курганов не содержало погребений и должно быть отнесено к кенотафам.

В подбоях и грунтовых ямах³ обнаружены одиночные погребения; костяки лежали вытянуто, на спине, головой на север, северо-восток или северо-запад — в зависимости от ориентировки ямы. Руки, как правило, вытянуты вдоль тела; однако иногда одна рука согнута в локте, а кисть ее помещается на нижней части таза. Череп в подавляющем большинстве обращен лицевой частью на запад, к стенке подбоя или ямы; но были погребения, где он обращен лицевой частью вверх и на восток. У некоторых погребенных в пальцах руки зажаты различные предметы. Между головой и северной стенкой подбоя (или ямы) стояли глиняные сосуды — обычно два, иногда три или один. В ряде случаев возле головы обнаружены также

³ Ввиду однотипности сопровождающего инвентаря их можно объединить в одну группу.

II

Мальника Арук-тау.

курган № 2 с погребением в подбоях (а — план; б — разрез; в — план погребения). Цифрами обозначены обломки сосуда; 7 — горшок на трех ножках; 8 — ваза; 9 — бронзовая серьга.

кости барана. При женских и детских костяках встречались бусы, серьги, перстни. При мужских и женских костяках найдены железные и бронзовые пряжки различных форм и мелкие бронзовые гвоздики — очевидно, от поясов. Оружие встречено только в одном мужском погребении, это обломки трех железных наконечников стрел.

Погребальный инвентарь в подбоях и грунтовых ямах сравнительно беден и единообразен. Количественно более половины его составляет керамика, сделанная на гончарном круге, но характеризующаяся известной небрежностью изготовления, часто асимметричностью форм и неравномерным покрытием ангобом. Ведущая форма посуды — небольшие кувшины, которые могут быть подразделены на три типа: шаровидные, яйцевидные и приземистые, расширяющиеся книзу (рис. 32 — 6—8). Все они имеют овальную в сечении ручку, идущую от края горловины к верхней части плечиков; часто под ручкой наблюдается выступ овальной или круглой формы.

В большом количестве встречались бокаловидные сосуды с очень широким туловом и низкой, часто непрофилированной ножкой (рис. 32 — 1, 2).

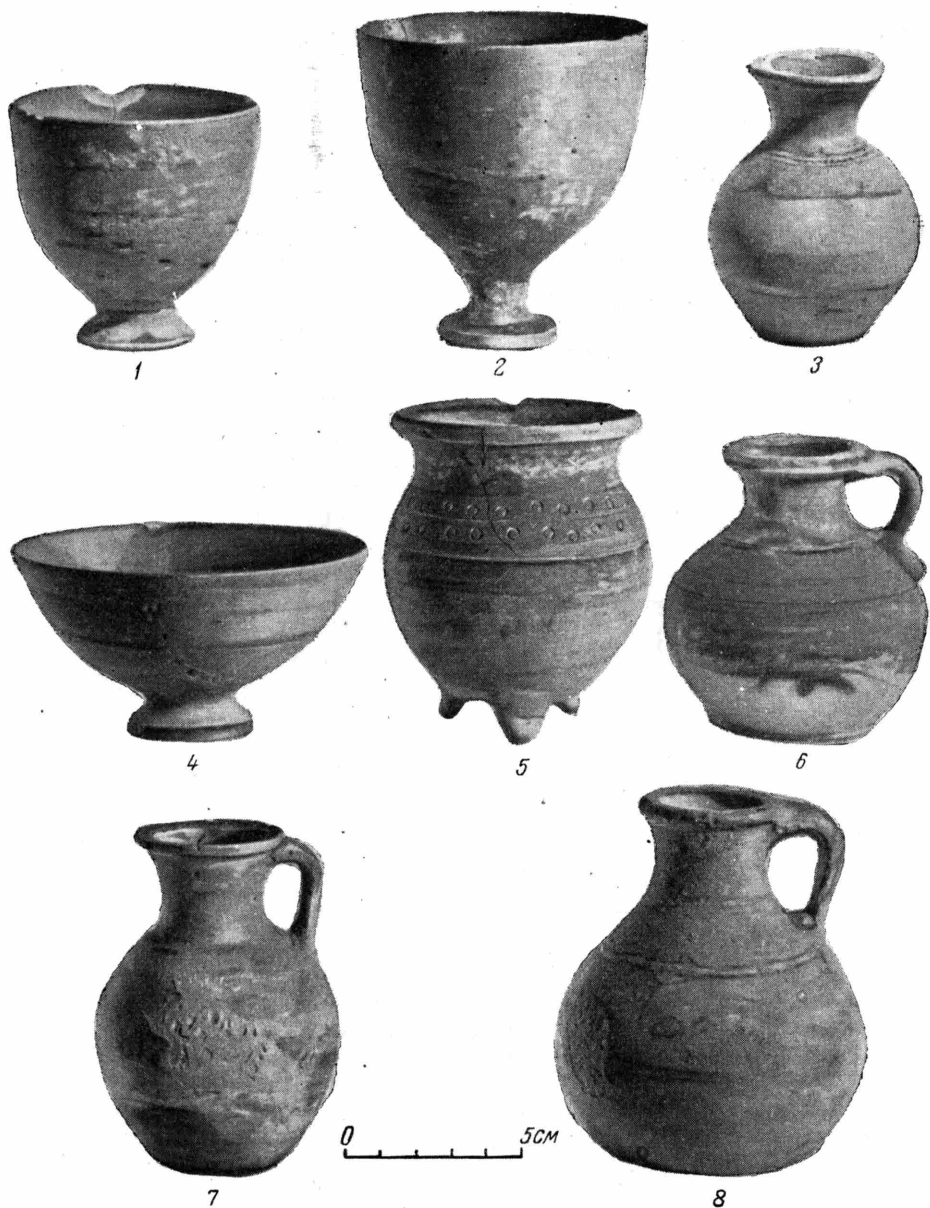

Рис. 32. Арук-тау. Керамика из погребений в подбоях и грунтовых ямах. 1, 2 — бокаловидные сосуды (курганы Ж 3 и Д 3); 3 — кувшин без ручки (курган А 5); 4 — «ваза» (курган В 6); 5 — горшок на трех ножках (курган Д 4); 6—8 — кувшины (курганы М 2, Б 2, Д 3).

Поверхность их покрыта красно-коричневым ангобом. По качеству глины и обжига они занимают первое место среди керамики из могильника, однако уступают в этом отношении бокаловидным сосудам, обнаруженным на городищах Кей-Кобадшах, Калаи-Мир и так называемом «Каменном городище».

Значительный процент составляли миски со слегка отогнутым или прямым краем, на невысокой ножке, покрытые обычно красно-коричневым или коричневым ангобом. Миски эти условно можно именовать вазами (рис. 32—4).

В некотором количестве отмечены сосуды с яйцевидным туловом, близкие по форме соответствующей категории кувшинов. Особо следует выделить миниатюрный кувшин без ручки с сильно расширяющейся кверху горловиной (рис. 32—3). Отдельную группу составляют небольшие горшки с шаровидным туловом и широкой низкой горловиной; отличительная особенность их — три небольшие ножки (рис. 32—5). На плечиках горшков расположено по два пояска орнамента — волнистого или в виде округлых наколов; поверхность покрыта красно-коричневым ангобом. Такого типа сосуды до настоящего времени на территории Средней Азии нам не известны.

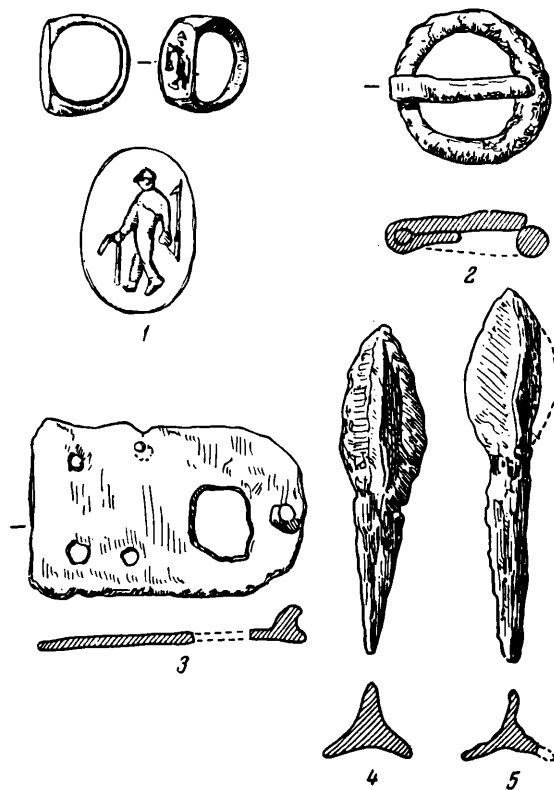

Рис. 33. Арук-тау. Находки в погребениях с подбоями и в грунтовых ямах.

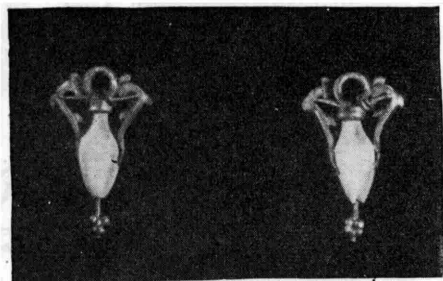
1 — перстень (курган А 2); 2, 3 — железные пряжки (курган);
4, 5 — железные наконечники стрел (курган А 4).

Следует отметить, что основные виды сосудов, указанные выше, встречаются в различных сочетаниях друг с другом, что дает полное основание считать их бытовавшими одновременно.

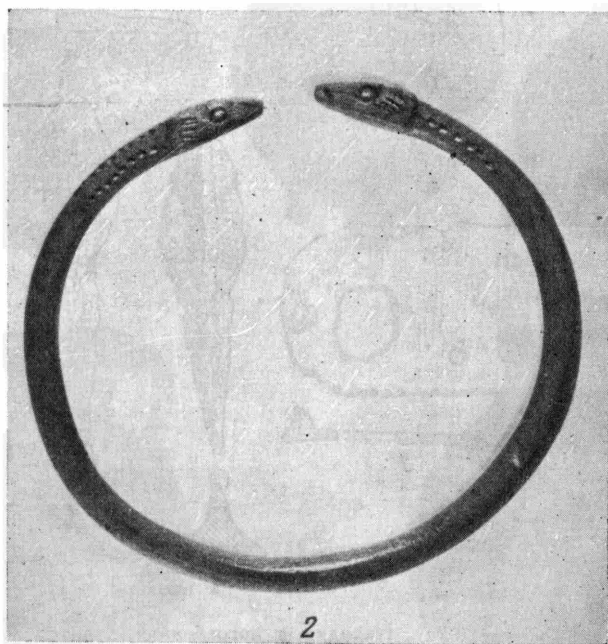
В некоторых погребениях обнаружены остатки деревянных сосудов, форму которых установить не удалось. Сохранились небольшие, распадавшиеся при прикосновении обломки, включавшие бронзовые скобки из двух пластинок, соединенных двумя стерженьками.

Как указывалось, оружие найдено только в одном погребении: это обломки трех железных черешковых трехперых наконечников стрел сравнительно крупного размера (рис. 33—4, 5). В другом погребении найден небольшой железный нож. Основную массу железных предметов составляют поясные пряжки. Одни из них круглые, с подвижным язычком,

другие — в виде прямоугольной пластины с отверстиями для продевания ремня (рис. 33—2, 3). Обнаружены обломки железных перстней с плоским щитком, причем один с бронзовой вставкой. Встречены обломки неопределимых железных предметов, сильно окисленных.

1

2

Рис. 34. Находки из курганов Арук-тау.
1 — золотые серьги; 2 — бронзовый браслет.

Изделия из бронзы представлены в находках из погребений в подбоях и грунтовых ямах несколькими пряжками и различными украшениями. В их числе два браслета: массивный, незамкнутый, круглый в сечении, на концах стилизованные головки животных с обозначенными кружками глазами; шерсть (?) передана рядами небольших круглых впадин (рис. 34—2); второй — также незамкнутый, но с находящимися друг на друга концами, изготовлен из плоско-выпуклой в сечении узкой полосы и украшен несколькими перекрещивающимися бороздками на слегка расширяющихся концах. Кроме того, найдены обломки браслетов из выпукло-вогнутой полосы, очевидно, с находящимися друг на друга концами, и из круглой в сечении проволоки с закреплением концов несколькими витками.

Особого внимания заслуживает перстень с плоским щитком, на котором вырезано изображение мужской фигуры (рис. 33 — 1).

В большом количестве собраны мелкие бронзовые гвоздики, преимущественно с круглой шляпкой (по-видимому, от поясов), и несколько бляшек треугольной формы. Сравнительно многочисленны бронзовые серьги в виде неправильной формы колечек из проволоки, иногда с несомкнутыми, находящими друг на друга концами; в некоторых случаях на проволоку нанизана бусина.

В детском погребении найдены золотые серьги (рис. 34 — 1) с алебастровой вставкой в виде миниатюрной амфоры; вставка закреплена вертикальным стерженьком, заканчивающимся несколькими небольшими перлами, изображающими, вероятно, гроздь винограда.

Во многих женских и детских погребениях обнаружены различные бусы; в большинстве случаев они располагались около шейных позвонков, иногда около запястий рук. Бусы изготовлены из стекловидной пасты или мягких видов камня, но есть из сердолика и лазурита. Вместе с бусами в нескольких погребениях найдены раковины каури, несомненно, также служившие украшением.

Из прочих находок упомянем: костяное прясло, обнаруженное между сжатыми фалангами пальцев правой руки в женском погребении; небольшой точильный брусок с отверстием на конце; маленькую круглую золотую бляшку с отверстиями для нашивки и обломки деревянного сосуда, покрытого лаком, украшенного интересным орнаментом. К сожалению, от сосуда сохранились только мелкие фрагменты, что не позволяет восстановить композицию узора.

Состав сопровождающего инвентаря погребений в подбоях и грунтовых ямах единообразен, что дает возможность относить все эти погребения к одному и тому же периоду, длительность которого, вероятно, не более двух веков, а может быть даже и одно столетие (см. ниже).

Погребения на древнем горизонте в большинстве своем оказались разграбленными; о положении костяков и составе сопровождающего инвентаря можно судить только по трем ненарушенным курганам. У двух из этих курганов вследствие вторичного погребения в один из них насыпи почти слились друг с другом (рис. 31 — I). Костяки лежали на правом боку, головой на восток, с согнутыми и подтянутыми вверх ногами; руки также согнуты и кисти находились у лицевой части черепа.

Сопровождающий инвентарь очень ограничен, но существенно отличен от инвентаря погребений в подбоях и грунтовых ямах: он состоит из небольших мисок и широкогорлых низких горшков, большая часть которых изготовлена вручную. В одном захоронении возле черепа найдены кости барана.

С этой группой погребений, возможно, следует связывать и погребение, обнаруженное под отдельно стоящим курганом в южной части могильника (рис. 35). Здесь вскрыт сильно разрушенный детский костяк в неглубокой (0,9 м) прямоугольной яме, вытянутой с востока на запад. Костяк лежал на левом боку, головой был ориентирован на восток, руки были согнуты, кисти их лежали у лицевой части черепа. От нижней части костяка остались лишь мелкие обломки костей, не позволяющие установить положение ног. В головах стояла миска с вогнутыми краями и небольшой горшочек ручной работы; на костях рук найдены два браслета с находящими друг на друга концами, изготовленные из выпукло-вогнутой бронзовой полосы; у головы — четыре серьги в виде колец.

Особенно интересен один из курганов на западном конце крайней южной цепочки северной половины могильника; под насыпью обнаружено погребение в небольшом хуме, лежавшем на боку в овальной яме, горловиной на север; внутри были кости ребенка, небольшой сосуд с шаровидным

туловом, узкой, частично отбитой горловиной и двумя ручками, покрытый красно-коричневым ангобом, и бронзовое кольцо. Рядом с хумом стоял небольшой сосуд с отбитым сливом-соском, покрытый коричневым ангобом.

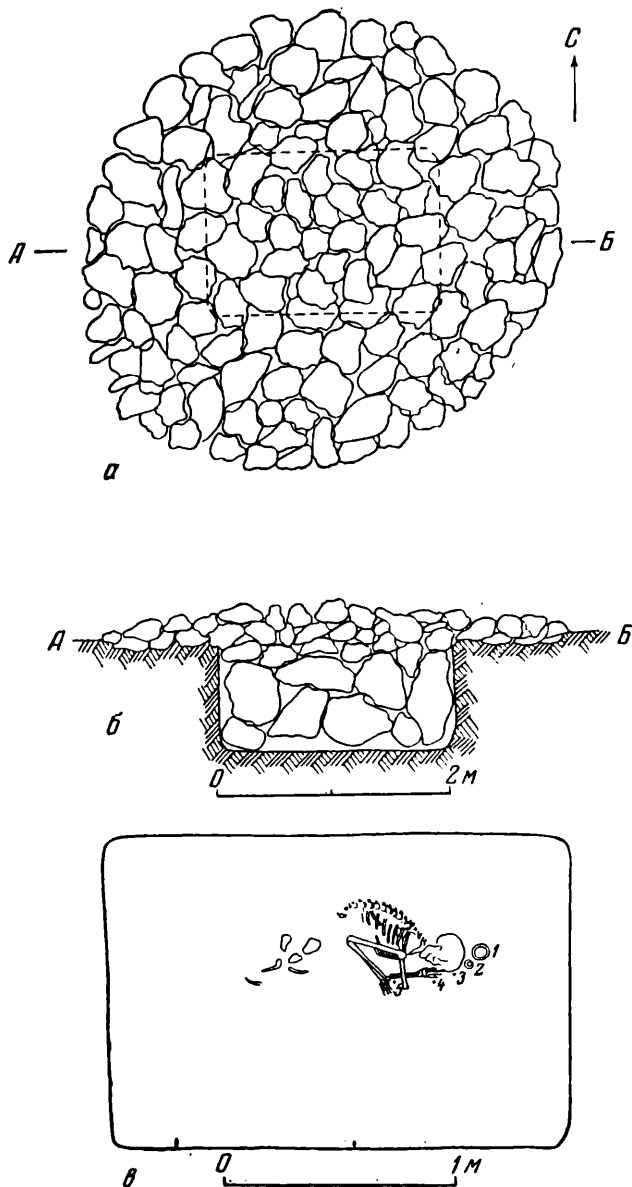

Рис. 35. Курган с погребением в яме.

а — план; *б* — разрез; *в* — план погребения. Цифрами на плане погребения обозначены места находок: 1 — миска, 2 — маленький сосудик; 3 — кольцо и серьга; 4 — два кольца; 5 — бронзовый браслет и обложки браслета.

Исследованные в 1955—1956 гг. курганы могут быть разделены по обряду погребения и типу могил на три группы: первая — погребения в подбоях и грунтовых ямах, вторая — погребения на древнем горизонте и третья, представленная лишь одним случаем, — погребение в хуме, над

которым сооружена обычная курганная насыпь. Состав сопровождающего инвентаря позволяет считать их относительно одновременными, причем наиболее позднее, по-видимому, погребение в хуме. Об этом свидетельствует находка обломков хума с человеческими костями в поле одного из курганов другого могильника в той же Бишкендской долине, основное погребение которого было в подбойной могиле. Что касается относительной датировки первых двух групп погребений, то, по-видимому, вторая относится ко времени более раннему, чем первая.

Абсолютная датировка всех трех групп сильно затруднена отсутствием точно датированных находок за оба сезона исследования. Определяющей для установления времени первой группы служит керамика, поскольку металлические предметы мало выразительны. Однако и тут мы сталкиваемся с трудностями.

Вполне естественно, что аналогии следует искать прежде всего в материалах из сравнительно хорошо изученных городищ Кобаданского оазиса, на основании которых М. М. Дьяконовым была разработана хронологическая классификация, охватывающая промежуток времени с VI в. до н. э. по II—III вв. н. э. Но в них мы не находим прямых аналогий формам керамики, характерным для рассматриваемых погребений могильника Аруктау. Для кушанского времени, по всем известным сейчас данным, была характерна рюмкообразная форма бокаловидных сосудов. Эта форма в могильнике не представлена. И наоборот, в материалах с исследованных городищ нет бокаловидных сосудов, аналогичных обнаруженным в могильнике.

Можно считать установленным в результате исследований на городищах Кей-Кобад шах, Калаи-Мир и на так называемом «Каменном городище», что в керамике Кобаданского оазиса II в. кувшины или отсутствовали вообще, или же были единичны. По данным М. М. Дьяконова, они появляются, и притом в ограниченном количестве, только на этапе Кобадан IV, соответствующем II в. н. э.; характерные формы их до настоящего времени остаются неясными. Что касается Аруктауского могильника, то здесь кувшины составляют почти половину всей найденной керамики. Для этапов Кобадан II, III и IV, охватывающих, по М. М. Дьяконову, период от III в. до н. э. до II в. н. э., весьма характерны миски с вогнутыми и отогнутыми краями: на исследованных городищах это одна из наиболее типичных форм керамики, во всяком случае — для кушанского времени. В Аруктауском могильнике найдена только одна миска и притом несколько иной формы (с высоким туловом и прямыми краями). В то же время встречено несколько ваз, которые в материалах с городища Кей-Кобад шах и Калаи-Мир не представлены. Обращает на себя внимание также отсутствие в составе керамики из могильника амфоровидных сосудов, часто встречающихся на городищах (если иметь в виду упомянутый период по М. М. Дьяконову).

Изложенное выше показывает, что сопоставление керамики из Аруктауского могильника с материалами изученных городищ Кобаданского оазиса не дает нам твердых основ для датировки. Можно сделать лишь один, сравнительно обоснованный вывод: материалы из Аруктауского могильника, очевидно, нельзя относить к первым векам н. э. Выше отмечено, что, по имеющимся данным, кувшины получают заметное распространение в Кобаданском оазисе лишь примерно во II в. н. э. Это можно было бы считать основанием для датировки могильника временем после II в. н. э. Такая датировка нам казалась возможной к моменту завершения раскопок. Однако работы на других памятниках Бишкендской долины, проведенные позднее, показали, что она не может считаться правильной.

На городище Хан-газа, расположенном недалеко от могильника в слоях, относящихся ориентировочно ко II—IV вв., не обнаружено форм керамики, типичных для него. Это обстоятельство заставляет датировать

погребения в подбоях (и ямах) Аруктауского могильника первыми веками до н. э.; возможно, что отдельные погребения его смогут быть отнесены и к рубежу н. э.

В пользу указанной датировки говорит также известное сходство некоторых находок с вещами из могильников Бухарского оазиса и притом из тех курганов, которые могут быть отнесены ко II—I вв. до н. э.

Что касается скорченных погребений Аруктауского могильника, то вопрос об их датировке пока остается открытым; очевидно лишь то, что они должны быть отнесены ко времени более раннему, чем погребения в подбоях (и ямах), и, во всяком случае, не позднее середины I тысячелетия до н. э.

Историческая интерпретация Аруктауского могильника, ввиду неясности его датировки и в силу того, что это пока единственный раскопанный курганный могильник в южном Таджикистане, весьма затруднительна. Но на одном частном вопросе все же следует остановиться: с каким населением — оседлым или кочевым — надо его связывать?

Раскопки М. М. Дьяконова в урочище Туп-хона около Гиссара и некоторые наблюдения в Кобаданском оазисе и долине Вахша показали, что коренное оседлое население Северной Бактрии в древности хоронило мертвых в грунтовых ямах без каких-либо наземных сооружений над ними. Наряду с этим были случаи использования для погребений недостроенных (или заброшенных) жилых построек. С другой стороны, совершенно очевидно, что по ряду черт Аруктауский могильник имеет сходство с некоторыми могильниками северной части Средней Азии, Казахстана и, беря шире, также с сарматскими могильниками южного Приуралья и Поволжья. Сходство это заключается прежде всего в наличии подбоя. Эти два момента заставляют полагать, что могильник надлежит связывать не с оседлым населением, а с кочевниками. Однако в погребальном инвентаре мы наблюдаем господство керамики, изготовленной на гончарном круге, и наличие таких форм, которые непригодны для пользования в условиях кочевого образа жизни (прежде всего, бокалы). Обращает на себя внимание и следующая особенность топографии памятников северной части Бишкендской долины: курганные могильники всегда расположены вблизи от городищ. Эти соображения позволяют предположить, что Аруктауский могильник — памятник, связанный с населением, перешедшим от кочевого образа жизни к оседлому, но, очевидно, сравнительно недавно, почему и сохраняется традиционный обычай погребения в подбоях и сооружение каменных курганных насыпей. Предположение это сможет быть проверено только после завершения работ на упомянутом городище.

Несмотря на существующую пока неясность в вопросе о его датировке, Аруктауский могильник — интересный памятник, относящийся к еще очень плохо изученному времени проникновения на территорию земледельческих оазисов Средней Азии больших групп кочевников, положивших конец существованию Греко-бактрийского царства. Сведения письменных источников об этом времени крайне скудны и противоречивы, что обуславливает особую важность исследования археологических памятников — могильников и городищ.

В. А. КУЗНЕЦОВ

НАЗЕМНЫЕ ГРОБНИЦЫ НА РЕКЕ КРИВОЙ
В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Летом 1952 и 1953 гг. в горной части Зеленчукского района Ставропольского края проводила разведку археологическая экспедиция Пятигорского педагогического института¹. Небольшие раскопочные работы были сосредоточены в нижнем течении р. Кривой.

Горная речка Кривая² впадает в р. Кяфар — приток Б. Зеленчука — в 16—17 км южнее станицы Сторожевой. Крутые берега глубокой балки, по которой течет р. Кривая, покрыты густым лесом. На расстоянии около 1,5 км от места слияния с р. Кяфар балка немного расширяется. Здесь по обеим ее сторонам расположены два древних могильника³ и хорошо укрепленное городище.

Могильник № 1 на левой стороне балки занимает часть плоской вершины невысокого водораздельного кряжа, отделяющего р. Кривую от р. Кяфар. Здесь насчитывается не менее 100—150 наземных могильных сооружений. Могильник № 2 расположен на правой стороне балки на террасовидной площадке и состоит из 45—50 наземных гробниц.

В настоящей статье⁴ рассматриваются 13 наземных гробниц, вскрытых на обоих могильниках.

Стены гробниц были, как правило, толщиной от 0,4 до 0,8 м, сложены из небольших плит битого камня (песчаника) насухо. В передней стене обычно делалось четырехугольное отверстие, начинающееся от земли и доходящее примерно до середины высоты гробницы. Иногда оно находилось в средней части стены. Размеры отверстий от 0,45 до 0,6 м, вверху они обычно перекрыты большой плитой, покрывающей гробницу на всю длину камеры. Эта плита служила потолком камеры; затем на нее клалось еще несколько рядов камней и таким образом получалось довольно прочное сооружение до 2,5—3 м длиной, 1,5—1,85 м и более шириной и 0,8—0,9 м высотой (рис. 36). Установившейся ориентации гробницы не имеют.

На могильнике № 1 разобрано пять гробниц. Гробница № 1 находилась на восточном склоне кряжа, отверстием на восток. Сохранилась плохо.

¹ В 1952 г. под руководством П. Г. Акритас, в 1953 г. под руководством В. А. Кузнецова.

² На карте-лист Г—4, Ростов-Дон, 1926, эта река названа Чехважара.

³ Первые упоминания в литературе см.: Военный сборник, 1860 г., № 1, стр. 289; Н. Каменев. Попытки разведок в Кубанской области. «Куб. войсковые ведомости», 1870, № 47, 48; МАК, IX, М., 1904, табл. XIII.

⁴ Выражаю свою признательность Е. П. Алексеевой за консультацию по материалу и статье.

Рис. 36. Могильник № 2. Внешний вид гробницы.

Размеры покрывающей плиты $2,12 \times 0,9$ м. Камера была забита щебнем и землей, в процессе расчистки найдено несколько разрозненных человеческих костей. Глинистый пол был покрыт тонким слоем древесного угля, в котором обнаружены две стеклянные позолоченные бусы, одна круглая сердоликовая и стеклянная круглая вставка от перстня (рис. 37—1).

Гробница № 2 — на северном склоне кряжа на его седловине, отверстием ориентирована на север. Размеры гробницы: длина 2,57 м, ширина 2,52 м, толщина стен 0,8 м. Размеры камеры: длина 1,77 м, ширина 1,72 м, высота 1,15 м. Передняя стена разрушена, камера забита камнем и землей. После расчистки на дне ее обнаружены: у южной стены череп, берцовая кость, раздавленный глиняный сосуд коричневого цвета, кусок железного шлака.

Всего в гробнице найдено шесть кусков шлака, из них три — серо-зеленого цвета. У восточной стены гробницы лежали: стеклянный браслет желто-коричневого цвета, подтреугольный в сечении (рис. 37—2), маленькая бронзовая ложечка с ручкой, загнутой на конце петелькой, и обломок тонкой бронзовой бляшки с дырочками (рис. 37—3, 4). В северо-восточном углу обнаружен истлевший череп и два сильно закопченных плоских камня, а в северо-западном — большое зольное пятно.

Гробница № 3, ориентированная по линии В—З, была разрушена, покрывающая плита разбита. В результате расчистки найдено несколько мелких человеческих костей и распавшаяся на две части железная секира. Длина секиры 19 см (рис. 37—8).

Гробница № 4 также ориентирована по линии В—З. Длина гробницы 2,4 м, ширина 1,6 м, высота 0,86—0,87 м. В камере найдены: распавшееся железное тесло, фрагменты светло-коричневого высокогорлого кувшина с ручкой (рис. 38—2), остатки разложившегося черепа и мелкие человеческие кости в беспорядке, бараний альчик и несколько черепков с линейным орнаментом.

Гробница № 5, отверстием обращенная на восток, сохранилась плохо. Приблизительные размеры ее: длина 2,7 м, ширина около 2,2 м. В камере

обнаружены остатки трех черепов и мелкие разрозненные человеческие кости; светло-коричневый кувшин с ручкой, имеющей выступ в верхней части (рис. 38—3); бусы: пастовая мозаичная, цветные, посеребренные и позолоченные стеклянные; синий и желтый бисер, железное тесло (рис. 37—7), обломок железного ножа, маленький (детский) темно-синий

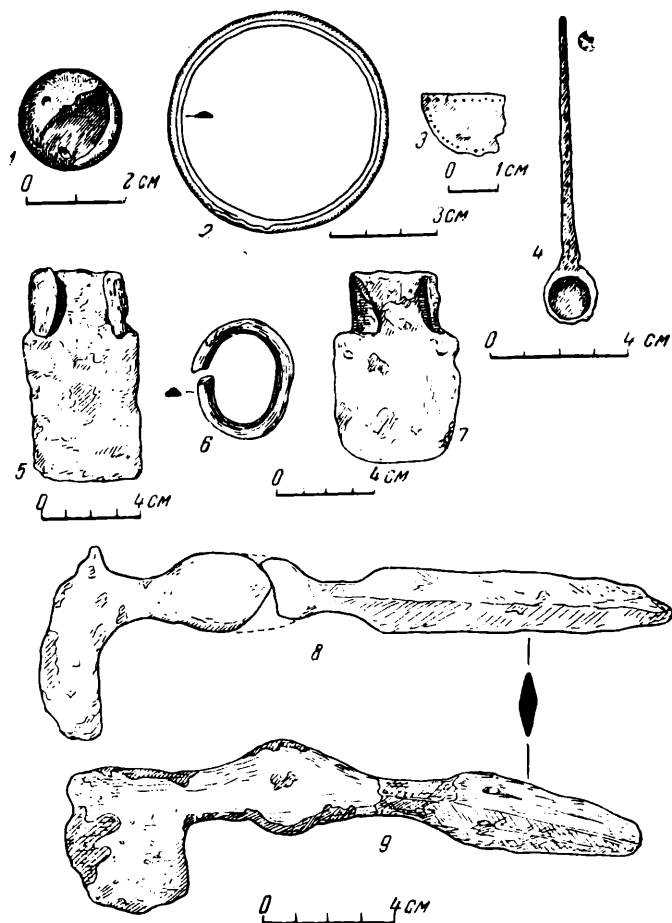

Рис. 37. Находки из гробниц и случайная находка на городище Нижний Архыз.

1 — стеклянная вставка перстня; 2 — стеклянный браслет; 3 — обломок бронзовой бляшки; 4 — бронзовая ложка; 5, 7 — железные тесла; 6 — синий стеклянный браслет; 8, 9 — железные секиры (1 — из гробницы 1; 2—4, 6, 7 — из гробницы 5; 5 — из гробницы 7; 8 — из гробницы 8; 9 — случайная находка на городище Нижний Архыз).

стеклянный браслет (рис. 37—6) и иризованный обломок светло-коричневого стеклянного браслета.

Из 8 обследованных на могильнике № 2 в гробницах № 6, 9 и 10 инвентаря не было. Следует отметить, что гробница № 10 ориентирована по линии С—Ю, в то время как входы всех остальных в этом могильнике направлены на запад. Размеры гробницы № 10: длина 2,5 м, ширина 1,68 м, высота 0,9 м, отверстие 60 × 55 см. В гробнице № 7 (длина 2,46 м, ширина 1,67 м, высота 0,8 м) обнаружены следующие предметы: железное тесло (рис. 37—5), два металлических зеркала, три бронзовых бубенчика, бронзовый перстень с четырехугольным щитком, обломок бронзовой

головной булавки, два серебряных кольца, бусы круглые сердоликовые, круглые стеклянные посеребренные и позолоченные, бусы из цветного стекла. Две сердоликовые крупные бусы — биконической формы (рис. 39 — 8—21). Гробница № 8 разрушена. Приблизительные ее размеры: длина 2,5 м, ширина 1,6 м. Инвентарь: разбитый глиняный кувшин 16,5 см высотой, с высоким горлом, низкими, раздутыми боками и широким плоским дном. На шейке орнамент — волна, окаймленная двумя параллельными линиями (рис. 38 — 4). В восточной и средней частях гробницы собрано

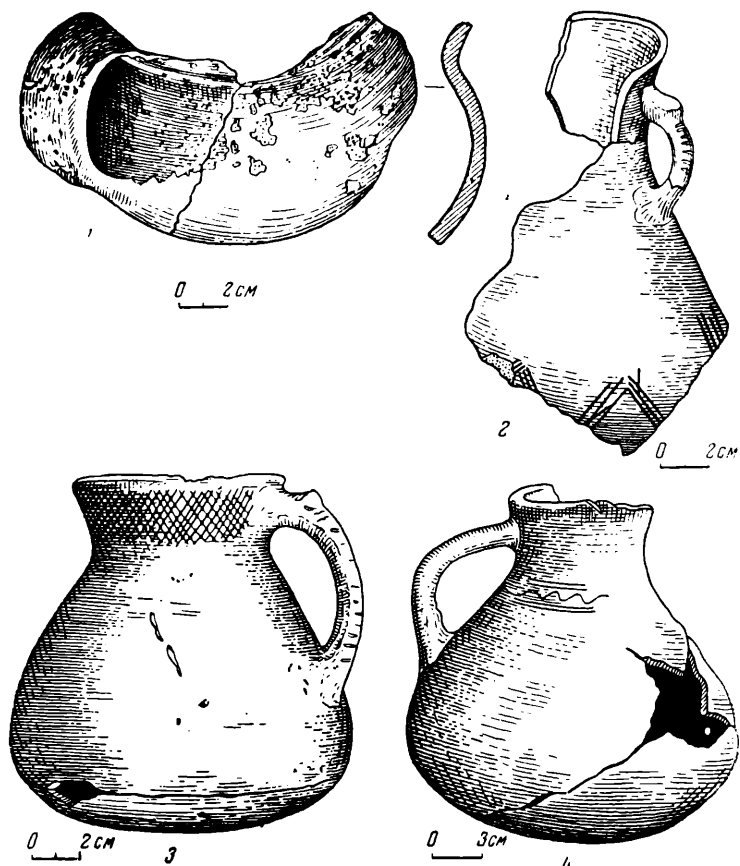

Рис. 38. Керамика из гробниц.

1 — фрагмент сосуда (гробница 2); 2 — фрагмент сосуда с ручкой (гробница 4);
3 — кувшин (гробница 5); 4 — кувшин (гробница 8).

15 бус, из них 5 крупных мозаичных пастовых с рисунком по черному полю. Остальные бусы сделаны из цветной пасты, стекла. Здесь же найдены бронзовые: бубенчик с разрезом, пуговица, браслет со слегка уплощенными концами, две серьги с висячими шариками, перстень с овальным щитком из светло-желтого стекла, на котором изображено животное, перстень с маленьким плоским щитком и два массивных серебряных браслета со слегка расширенными и уплощенными концами, на которых в специальной оправе укреплены вставки из темно-синего стекла (рис. 39 — 1—7). Гробница № 11 также была разрушена. Примерные размеры ее: длина 2,38 м, ширина 1,58 м. В юго-восточном углу камеры найден разложившийся череп, лежащий на разбитом кувшине с высоким горлом и длинным носиком (сохранилось лишь несколько черепков). Кроме того, найдены остатки

еще одного сосуда с ручкой, украшенного линейным волнообразным орнаментом, бронзовая серьга, кольцо, копоушка, обломок бляшки с тисненым орнаментом и следы позолоты и 58 бус, главным образом стеклянных

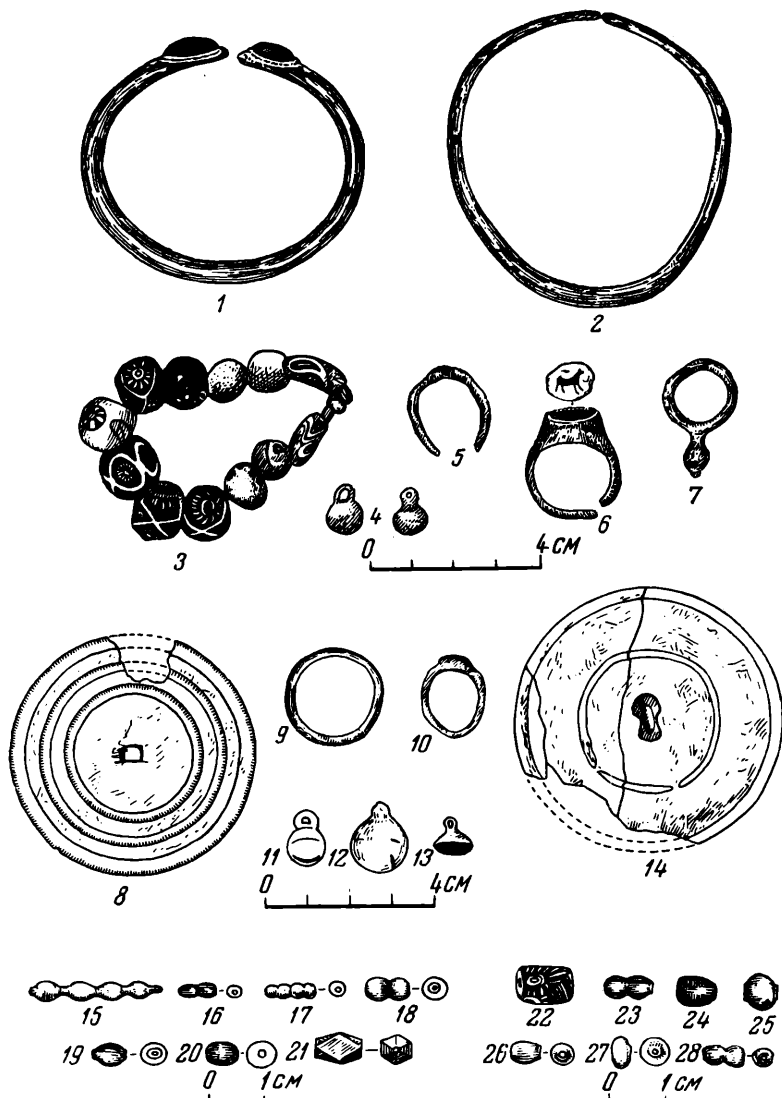

Рис. 39. Находки из гробниц.

1 — серебряный браслет; 2 — бронзовый браслет; 3 — бусы пастовые и стеклянные; 4 — бронзовые бубенчики и пуговица; 5, 6, 10 — бронзовые перстни; 7 — бронзовая серьга; 8, 14 — литые металлические зеркала; 9 — серебряное кольцо; 11—13 — бронзовые бубенчики; 15 — обломок бронзовой булавки; бусы: 16, 23 — синие стеклянные; 17, 18, 25 — стеклянные посеребренные; 19, 26 — стеклянные позолоченные; 20, 21 — сердоликовые; 22 — пастовая; 24 — стеклянная черная; 27 — стеклянная желтая; 28 — стеклянная прозрачная (1—7 — из гробницы 8; 8—21 — из гробницы 7; 22—28 — из гробницы 5).

посеребренных и позолоченных. Есть бусы из цветного стекла — черного, синего, желтого и две сердоликовые. В гробнице № 12 (длина 2,3 м, ширина 1,52 м, высота 0,7 м) найдены: череп, обращенный лицевой частью на юг, два металлических кольца диаметром 3 см, четыре сердоликовых

и 18 стеклянных позолоченных и посеребренных бус и несколько красно-коричневых черепков, покрытых линейным орнаментом. Гробница № 13 была разрушена. Ориентировка и размеры обычны. Кроме разрозненных и разложившихся остатков скелета найдены: бронзовый бубенчик с разрезом, темно-коричневый черепок и бусы, из них 10 крупных цветных пастовых и одна сердоликовая, зеленый и желтый бисер.

Таковы скромные результаты раскопок гробниц. К сожалению, ни одна из них не сохранилась непо потревоженной. Однако, насколько можно судить по находкам и конструкции гробниц, костяки клались обычно по одному, вытянуто на спине. В камерах № 2 и 5 содержались коллективные погребения, что отразилось и на некотором увеличении размеров гробниц.

Собранный инвентарь находит многочисленные аналогии в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа и юго-восточной Европы. В хронологическом отношении его можно отнести суммарно к VIII—XII вв. К числу более ранних — VIII—IX вв. — мы относим гробницы № 1, 3, 4, 7, 11, 12 и 13.

Орудия и оружие представлены двумя железными теслами из гробниц № 4 и 7 и железной секирой из гробницы № 3. Железные тесла известны на Северном Кавказе, начиная с сарматского времени⁵, и широко распространены в аланских памятниках VIII—IX вв.⁶ Эти орудия, являвшиеся, по-видимому, универсальными, обычно употреблялись для рытья катакомб. Более определенное указание на дату дает железная секира из гробницы № 3. Ближайшую аналогию ей можно видеть среди инвентаря Камунты⁷, где формы и размеры подобной секиры совпадают почти точно, а колющая часть такая же ромбическая в сечении. Аналогичные железные секиры недавно опубликованы из могильника Амгаты (ущелье р. Теберда). Они хорошо датируются найденной с ними золотой монетой византийского императора Константина IV Погоната (668—685 гг.)⁸. Наконец, секира одного типа с рассматриваемой найдена в 1951 г. на Нижне-Архызском городище VIII—XIII вв. в ущелье Б. Зеленчука (из раннего слоя — рис. 37—9).

Указанной выше дате не противоречат остальные предметы из группы более ранних гробниц. Аналогии бронзовым бубенчикам, серьгам, кольцам, литым зеркалам с ушком, перстням можно найти во многих северокавказских аланских могильниках — Гоуст, Чми, Кобань и других, датирующихся VIII—IX вв.

Интересен инвентарь гробницы № 8. Особое место в нем занимают два одинаковых серебряных браслета, круглых в сечении, с цветными вставками из синего стекла на уплощенных концах. Эти браслеты явно не кавказского происхождения; в средневековых древностях Северного Кавказа они встречены впервые. Аналогичные браслеты недавно найдены в женском погребении IX—X вв. на Севеском Донце⁹.

Таким образом, серебряные браслеты определяют датировку гробницы № 8. Коричнево-красный кувшин с низким, раздутым туловом очень близок по форме и пропорциям кувшинам Верхне-Салтовского могильника VIII—IX вв.¹⁰, но украшен по плечам волной — орнамент, характерный

⁵ Могила № 12 у с. Пседахи (ОАК за 1898 г., стр. 161 сл.); Северский курган (К. Ф. Смирнов. Северский курган. М., 1953, стр. 13, табл. VII).

⁶ Кобань (МАК, VIII, М., 1900, табл. LXVII, 10); Чми (Д. Я. Самоквасов. Могила русской земли, М., 1908, стр. 176); Дзигвис (МАК, VIII, табл. LXXIV, 1 и 4) и т. д.

⁷ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. III. Paris—Lyon, 1887, tabl. X, 3. Могильник Камунта датируется VI—IX вв.

⁸ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7, Ставрополь, 1955, стр. 278, рис. 8.

⁹ М. Л. Макаревич. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці. «Археологія», т. X, Київ, 1957, стр. 149, табл. I, 1.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Верхнее Салтово. Канд. диссертация. Альбом. Архив ИИМК, ф. 2, д. 884.

для несколько более позднего времени. Хронологическое сопоставление серебряных браслетов и кувшина приводит к мысли о том, что предложенную первоначально датировку можно ограничить X в.

Гробницы № 2 и 5, по-видимому, самые поздние. В отличие от предыдущих, они являются коллективными гробницами-склепами. Обе датируются найденными в них стеклянными браслетами: светло-коричневый в гробнице № 2, фрагмент коричневого и маленький (детский) синий в гробнице № 2. Все браслеты треугольные в сечении.

Последние археологические исследования свидетельствуют о том, что на Северном Кавказе стеклянные браслеты получают широкое распространение с X в.¹¹ Они неоднократно встречались в дореволюционных раскопках В. М. Сысоева в верховьях Кубани¹², но остались неопубликованными. Аналогичные, треугольные в сечении стеклянные браслеты, происходящие из Кабардино-Балкарии, хранятся в ГИМ¹³, но, к сожалению, они не документированы. Такие же цветные стеклянные браслеты довольно часты в средневековых памятниках Закавказья и датируются грузинскими археологами XI—XIII вв.¹⁴ Отметим, наконец, что в древней Руси стеклянные браслеты появляются со второй половины X в., а на городищах XI—XII вв. они относятся к категории массовых находок¹⁵.

Таким образом, дата гробниц № 2 и 5 определяется нами как X—XII вв., а дата наземных гробниц с р. Кривой VIII—XII вв., причем большая часть их, на наш взгляд, датируется временем позже VIII в.

Очень интересна керамика, найденная в гробницах. В музеях Пятигорска, Нальчика, Орджоникидзе и Грозного такой аланской керамики нет. Учитывая крайне западное (применительно к аланской культуре) местоположение гробниц на р. Кривой и близость адыгского этнического массива, мы можем полагать, что своеобразие некоторых сосудов из описанного могильника следует отнести за счет влияния адыгских племен.

В заключение отметим, что наземные гробницы, известные во многих других пунктах верховьев Кубани, являются типом могильных сооружений, характерным именно для этой территории. Известно, что верховья Кубани в раннем средневековье были заняты аланами¹⁶. Концентрация здесь на сравнительно ограниченной территории наземных гробниц, по-видимому, свидетельствует о наличии локального варианта аланской культуры Северного Кавказа.

¹¹ Т. М. Миняева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 300, рис. 22; К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 117; С. С. Кусоева. Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в станице Змейской. Известия Северо-Осетинского н.-иссл. ин-та, т. XVII, Орджоникидзе, 1956, стр. 211; В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 35 сл.

¹² ОАК за 1898 г., стр. 40; МАК, VII, М., 1898, стр. 121.

¹³ Инв. № 38360 и 38370 (из бывш. Чегемского общества).

¹⁴ Доклад Н. Угрелидзе на конференции по археологии Кавказа в Ереване 27 октября 1956 г.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 397.

¹⁶ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. М., 1887, стр. 9—10, 112—116.

А. Л. ЯКОВСОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЕ
(раскопки 1956 г.)

Именно в сельских поселениях в средние века зарождались и развивались феодальные отношения. Если «античные республики [были основаны] на городах, занимавшихся земледелием, Римская империя — на латифундиях, [то] феодализм — на господстве деревни над городом...»¹. Сельское население было источником феодальной ренты, которая определяла весь строй феодального общества. Все это особенно ясно сказывалось в эпоху раннего средневековья, когда города с их ремесленным производством были еще слабо развиты. Только в относительно позднюю пору средневековья с развитием производительных сил начался подъем городов, ставших средоточием ремесла (начало этого процесса в Европе и на Ближнем Востоке относится ко времени не ранее X в.); усилился обмен между городом и деревней; благодаря этому экономическое значение города возрастало.

Сказанное в полной мере относится и к раннесредневековой Таврике, города которой, включая и наиболее крупные — Херсонес и Боспор, — вступили в средние века ослабленными и долгое время находились в упадке. Возрождение городов Таврики, и в первую очередь Херсонеса, как ремесленных центров также относится к концу IX и главным образом к X в.

Если на основании многолетних раскопок мы уже можем составить приблизительное представление о городах Таврики, хотя бы о Херсонесе — столице края в средние века, то в отношении деревни нет никаких данных. Мы только теоретически можем говорить о значении раннесредневековой деревни в процессе феодализации Таврики, ничего не зная о том, как (в его конкретных проявлениях) проходил здесь этот процесс. Мы не знаем о социальной природе поселений — были ли они относительно свободными общинами, противостоящими в правовом отношении закабаленным Византией городам, или это были поселения полузависимых колонов и рабов, связанные с поместьями-латифундиями, которые не успели смести варварские нашествия IV—V вв. Мы ничего не знаем о самих поселениях, их планировке, облике, быте их обитателей — историческая карта средневековой Таврики в значительной степени покрыта белыми пятнами.

Отсутствие исследований средневековой деревни Крыма объясняется тем, что это очень трудная задача, так как мы почти полностью (если не считать одно замечание Прокопия)² лишены письменных источников — актовых и литературных. То ничтожно малое, что известно о раннесредне-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». Госполитиздат, 1953, стр. 334.

² Procopii Caesariensis. De Aedificiis, III, 7. Прокопий. О постройках. Пер. С. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4, стр. 249.

вековых городах Крыма, тоже ни в какой степени не освещает историю деревни того времени — хотя бы районов, непосредственно примыкавших к крупным городам.

При таком положении единственный путь исследования — археологические раскопки, но и они никогда не производились. К этой работе мы и приступили в 1956 г.

Исследования начаты в Байдарской долине, где при разведках Н. И. Репникова и С. Ф. Стржелецкого выявлено несколько средневековых поселений. Первоначально мы ограничились разведочными раскопками с целью определить место поселений и составить план дальнейших исследований.

Раскопки организованы в двух пунктах: в с. Родниковое (бывш. Скеля) и в с. Ново-Бобровое (бывш. Бага)³.

В с. Родниковое работы велись на широкой террасе, расположенной к югу от селения и поднимающейся к подножию гор. Терраса тянется полосой протяженностью около 2 км и кое-где покрыта мелким лесом, но значительная ее площадь очищена для посевов и частично занята табаком.

Еще Н. И. Репников указал здесь остатки средневековых построек⁴; на этой территории ясно выделяются небольшие всхолмления, содержащие сплошной завал камня; во многих местах встречались обломки кровельной черепицы типа IX—X вв. и раннесредневековой керамики.

Мы полностью обнажили одно из скоплений камня и частично два других, расположенных вблизи, и убедились, что каменные навалы, которые правильнее назвать курганами, не скрывают остатков жилых построек, а принадлежат сооружениям иного назначения.

Размеры каменного кургана, ближайшего к южной окраине деревни (раскоп 1), — 6,45 × 6,95 м (границы нечетки, поэтому уточнить размер площади трудно). По краям — преимущественно крупные камни. Как показала траншея, прорезавшая часть кургана с западной стороны, каменная насыпь достигала толщины 0,75 м и состояла из следующих слоев в их последовательности снизу вверх: мелкий прискальный щебень (толщина 0,25 м), затем слой плотной земли (0,15—0,20 м), над ней — камень и крупный щебень, очень плотно слежавшиеся (0,30—0,35 м).

Аналогичную, хотя и менее выразительную картину дали зондажи двух других скоплений камня — курганов.

Отсутствие каких-либо следов стен склоняет к мысли, что это курганные насыпи, скрывающие погребальное сооружение, подобное тем, которые на той же территории исследовал Н. И. Репников⁵. Раскопки каменных насыпей нами не закончены.

При расчистке как этого, так и других каменных курганов собран довольно большой и важный керамический материал, относящийся частично к позднеантичному времени (III—IV вв.), но преимущественно к раннему средневековью, в частности обломки стенок амфор с глубоким и частым рифлением, характерным для керамики VI в. (типа изображенной на рис. 40 — 1, 2), обломки ручек раннесредневековых амфор (рис. 40 — 8) и пифосов с горизонтально канnelированной поверхностью. Кроме того, встречено несколько обломков больших лепных сосудов — чаш. Из более поздней керамики отметим обломки кувшинов с плоскими ручками (рис. 40 — 5, 6), относящихся, как известно, к IX—X вв. Вместе с тем найдено несколько обломков черной таврской керамики (рис. 40 — 7).

³ Раскопки были организованы ЛОИИМК совместно с Херсонесским Историко-археологическим музеем и велись А. Л. Якобсоном при участии И. А. Антоновой (Херсонесский музей).

⁴ Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 116.

⁵ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 119.

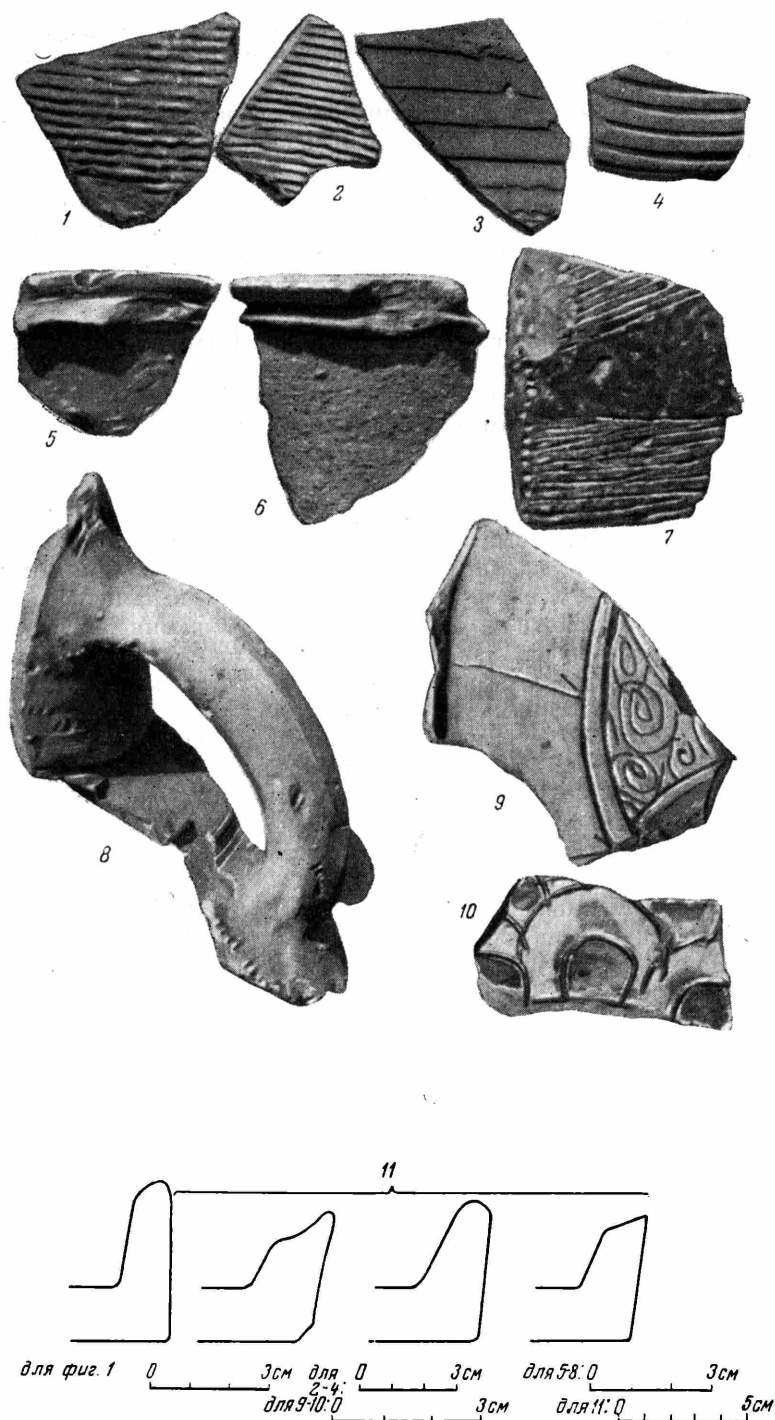

Рис. 40. Керамика из раскопок в сс. Родниковое и Ново-Бобровка.
 1—2 — обломки раннесредневековых амфор с глубоким рифлением; 3—4 — обломки раннесредневековых бороздчатых амфор; 5—6 — фрагменты горловины кувшинов IX—X вв.; 7 — обломок таврского сосуда; 8 — часть горла амфоры V—VI вв.; 9—10 — фрагменты поливных чаш XIV в.; 11 — профили бортиков раннесредневековых черепиц (1—5 — Ново-Бобровка, раскоп 1; 6—8 — Ново-Бобровка, раскоп 2; 9, 10 — Родниковое, раскоп 5; 11 — Родниковое, раскоп 2).

Материал ясно указывает на существование близ с. Родниковое ранне-средневекового поселения (V—VI вв.), возникшего еще в античную эпоху на издавна обжитом месте.

Наличие ранне-средневекового поселения подтверждает и могильник Узеньбаш, расположенный к северу от этой территории, непосредственно рядом с ней, на противоположном крутом берегу р. Узень. Могильник, открытый Н. И. Репниковым, — бескурганый, состоит из земляных склепов и содержит инвентарь, типичный для Суук-су⁶.

Ближе к современной деревне, на северном склоне террасы, где оказалось скопление средневековой керамики, нами заложен раскоп 2, давший очень большое количество кровельной черепицы, по форме и черепку типичной для IX—X вв. Стены стоявшего здесь жилого дома, по-видимому, были впоследствии выбраны; сохранилось только их основание в виде развала камней под довольно толстой (1,0—1,25 м) засыпью, насыщенной битой кровельной черепицей IX—X вв., очень однородной по типу и черепку (метки на черепицах не встречались). Судя по развалу камней, стены были ориентированы с СВ на ЮЗ.

Усадьба существовала в период IX—X вв. Об этом свидетельствует сравнительно многочисленная керамика из нижних частей засыпи: венчики пифоса характерной формы с широким горизонтальным краем, украшенные у основания рядами вдавленных ямочек; ручки и бороздчатые стенки амфор причерноморского типа IX в. (типа амфор из гончарных печей в Чобан-куле)⁷; фрагменты стенок аналогичных амфор с зонами мелкого рифления; днище кувшина с плоскими ручками. Но особенно обращало внимание большое количество фрагментов лепных сосудов, — по-видимому, горшков с плоским толстым (в 2 мм) дном и слабо отогнутым непрофилированным венчиком. Из остальных находок отметим жернов и куски угля от сгоревших балок-стропил перекрытия.

Ничего, что можно было бы отнести ко времени после X в., не встречено. А из более ранней керамики найдено всего несколько обломков кровельной черепицы с высоким прямым бортиком, типичным для раннего средневековья (рис. 40—11).

О существовании рядом с с. Родниковое поселения IX—X вв. свидетельствует и могильник этого времени, открытый на склоне горы (раскоп 5) над нынешней школой (рис. 41).

Раскоп заложен на горизонтальной, хорошо сnivelированной площадке 12 × 12 м. В верхних слоях, состоящих из желтой глины со сравнительно немногочисленной керамикой, встречались обломки кровельных черепиц, типичных для IX—X вв. (одна — с меткой) , бороздчатых амфор и амфор с мелким рифлением, обломков ручек от кувшинов (с плоскими ручками типа IX—X вв.), венчик серовато-красного тонкостенного сосуда (горшка?) с плоской ручкой, несколько обломков лепных сосудов. В слое явно доминирует керамика IX—X вв., но встречалась и ранне-средневековая: обломки днищ остродонных амфор (V—VI вв.) и стенок амфор с глубоким и частым рифлением (VI в.) (типа изображенных на рис. 40—1, 2). Попадались, как и на других раскопах, и более ранний материал — обломки поздне-римских амфор (обломки ручек с продольным валиком). Найдено и несколько обломков поздней поливной посуды — монохромной (желтой, зеленой) и полихромной, без

⁶ Н. И. Репников. Указ. соч., стр. 113—119; Архив ИИМК, ф. 2, д. 1926/146, л. 5. Отмеченные Н. И. Репниковым строительные остатки против могильника Узеньбаш и часовня там же (дело ГАИМК, ф. 2, д. 1926/149, л. 5) ныне заросли и неприметны; поиски нами здесь не производились.

⁷ См. А. Л. Якобсон. Ранне-средневековые печи в Крыму. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 170, рис. 75; его же. Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 106, рис. 47.

орнаментации или с простейшим орнаментом — толстой врезной линией; керамику эту правильнее всего отнести к XIV в. (рис. 40—9, 10).

Вся эта керамика показывает, что здесь, на склоне горы с восточной стороны Байдарской долины, несомненно находилось раннесредневековое

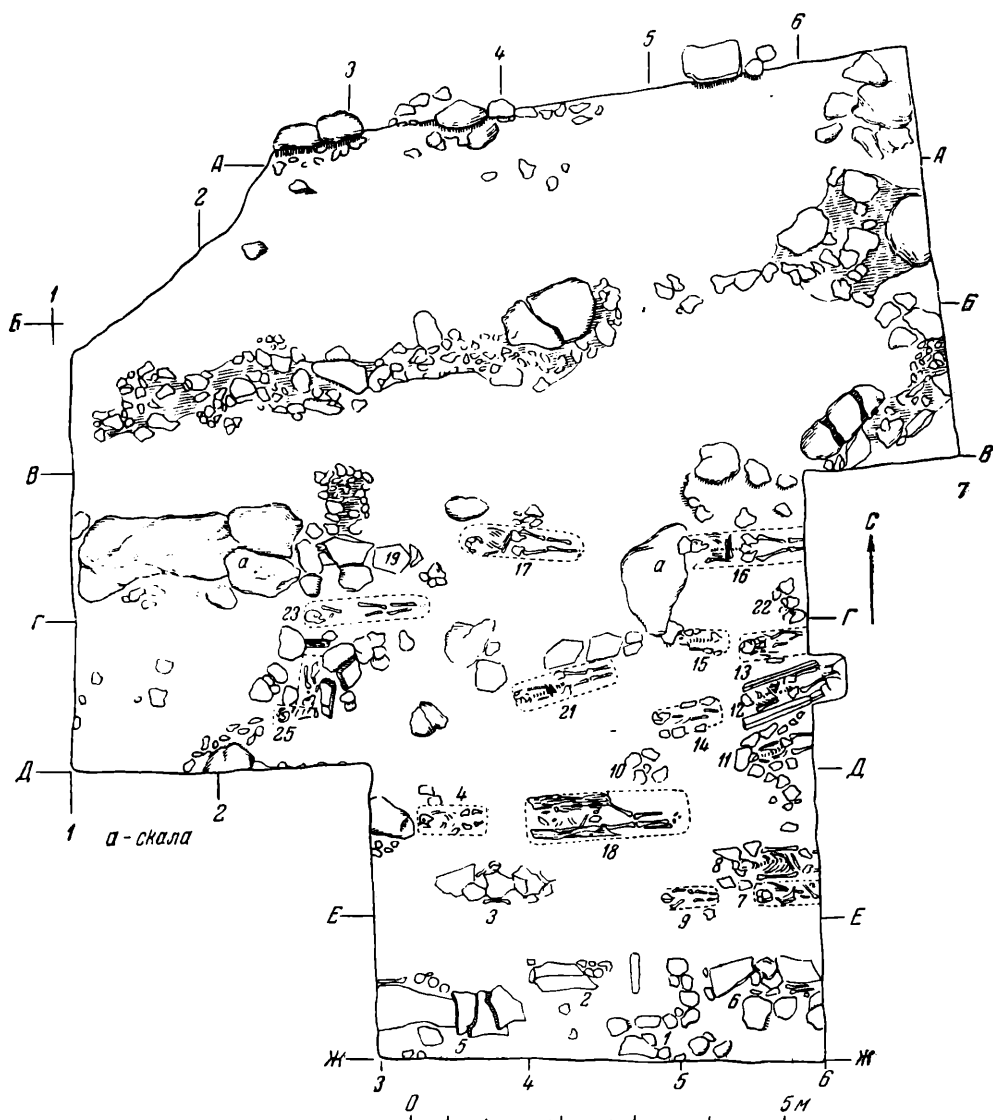

Рис. 41. Родниковое. План могильника IX—X вв. (раскоп 5).
Номерами обозначены могилы.

поселение, продолжавшее существовать и в IX—X вв. Затем жизнь в нем прервалась, т. к. ничего, что можно было бы отнести к XI—XIII вв., здесь нет. Но позднее жизнь в какой-то степени возродилась, хотя и не надолго: на это указывают находки поливной посуды XIV в.

В северной части раскопа (см. рис. 41) в довольно рыхлой засыпи, состоящей из желтой глины, на глубине 0,25—0,50 м с востока на запад шла разбитая кладка стены, включающая довольно крупные блоки длиной 0,40—0,45 м, неправильной формы, с забутовкой из щебня. В восточном

конце раскопа (по диагонали Б 7—В 6) открыт отрезок аналогичного развала другой стены, шедшей под углом к первой. Стена эта также состояла из крупного необработанного камня и забутовки. Здесь было ясно видно, что стена накренилась в северо-западную сторону, и забутовка как бы вывалилась, образовав завал. Стена, прослеженная на расстоянии 1,7 м, прерывается могилой 20. Местами выступает скала.

Большая часть раскопа занята сплошным могильником с тесно расположенными погребениями: на площади в 64 кв. м открыто 25 погребений (рис. 41, 42). Глубина залегания их различна — от 0,16 м (погребение 3) до 0,99 м (погребение 15), но большей частью — от 0,4 до 0,8 м. Такая неравномерность отчасти связана с тем, что уровень площадки понижается в западную сторону, где насыпь над могилами меньше (а в восточной части — больше), отчасти тем, что многие могилы использованы для повторных погребений. Так, погребение 21 залегало под 20; погребение 24 частично перекрыло 23 и 25, которые залегали ниже на 15—20 см; в погребении 6 один скелет лежал на другом.

Скелеты ориентированы головой на запад⁸, они лежали на спине, правая рука согнута в локте⁹. Некоторые захоронения совершены в деревянных гробах (погребение 18, рис. 42—4; рис. 43—3) или, по крайней мере, обложены деревом (№ 16 и 17). Другие могилы обложены с боков большими вертикально поставленными плитами (толщиной 6,5 см), как могилы верхнего слоя могильника Суук-су¹⁰; особенно хорошо сохранилось такое устройство в погребении 12 (рис. 42—3, рис. 43—1); аналогичная обкладка плитами была в погребениях 2, 3 и 5 (рис. 42—2). Чаще могилы обложены бесформенными необработанными камнями (детские — № 1, 2 и погребения 8, 10, 11, 14, 15, 22). Большинство могил покрыто тонкими неправильной формы плитами известняка (погребения 1, 2, 3, 5, 6, 11, 19, 20). Выделяется покрытие погребений 19 и 20: под горизонтально лежащей плитой оказались плиты, положенные двухскатно. Только некоторые могилы лишены каких-либо следов обкладки камнем или плитами и покрытия (например, погребения 9, 21)¹¹.

Скелеты крайне плохой сохранности: почти все черепа раздавлены, кости перемешаны и только немногие лежат в анатомическом порядке. Встречаются погребения (22, 24 и др.), где сохранился только раздавленный череп, а остальных костей почти нет.

Могильник, по-видимому, принадлежал очень бедному населению: инвентарь почти отсутствует. Только в некоторых могилах встретились стеклянные бусы с разноцветными глазками (в погребении 10 — у головы восемь экз.; в погребении 3 — около головы один экз.), простейшие серьги в виде медного проволочного колечка (в погребении 7, у головы — проволока медная тонкая; в погребении 22, у головы, с правой стороны, лежало такое же колечко); железное колечко диаметром 2,9 см найдено в погребении 6, у правого бедра.

Около трех погребений найдены обломки глиняных сосудов, возможно связанных с ними: в погребении 6 — у правого виска лежал кусок гончарного сосуда, чуть ниже — фрагмент лепного сосуда; в погребении 21, судя по фрагментам, находились два тонкостенных гончарных сосуда с широким дном и темно-красным черепком, стоявшие около таза с левой стороны; в погребении 16 (у таза) найдены два обломка лепных сосудов; под локтем

⁸ Только погребение 24 ориентировано на Ю—ЮЗ; погребение 2 ориентировано с С на Ю.

⁹ Только в погребении 23 скелет, будучи потревожен в более позднее время, лежал на боку, головой прислонен к выступу скалы.

¹⁰ См. ИАК, вып. 19, стр. 34.

¹¹ У некоторых погребений (24, 25 и др.) такие следы могли исчезнуть вследствие неоднократных нарушений могил для вторичных захоронений.

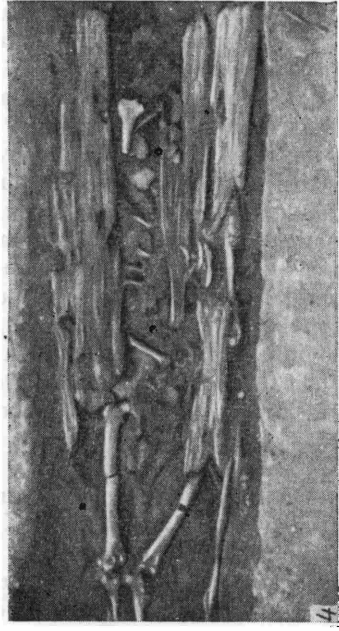
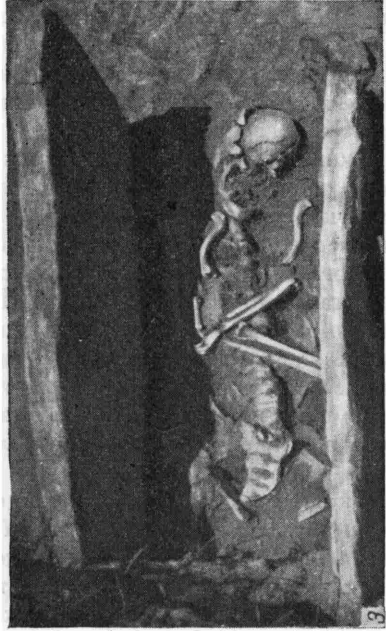
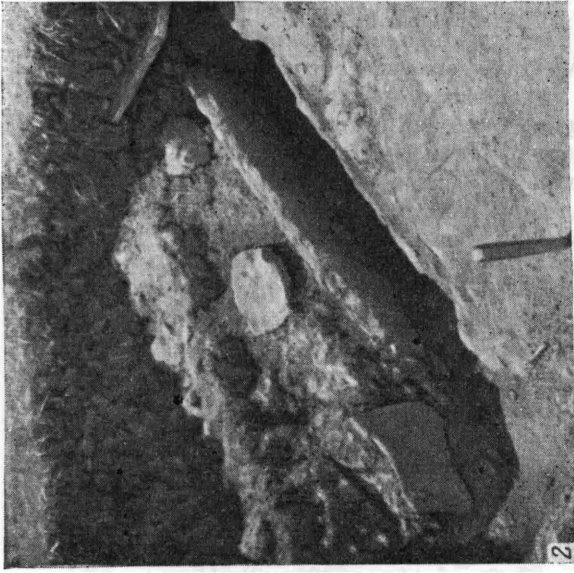
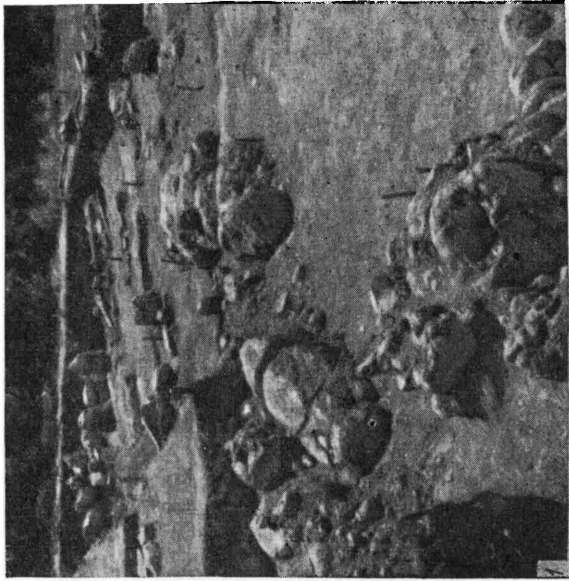

Рис. 42. Родниковос. Могильник IX—X вв.
1 — вид с северо-восточной стороны; 2 — погребение 5; 3 — погребение 12; 4 — погребение 18.

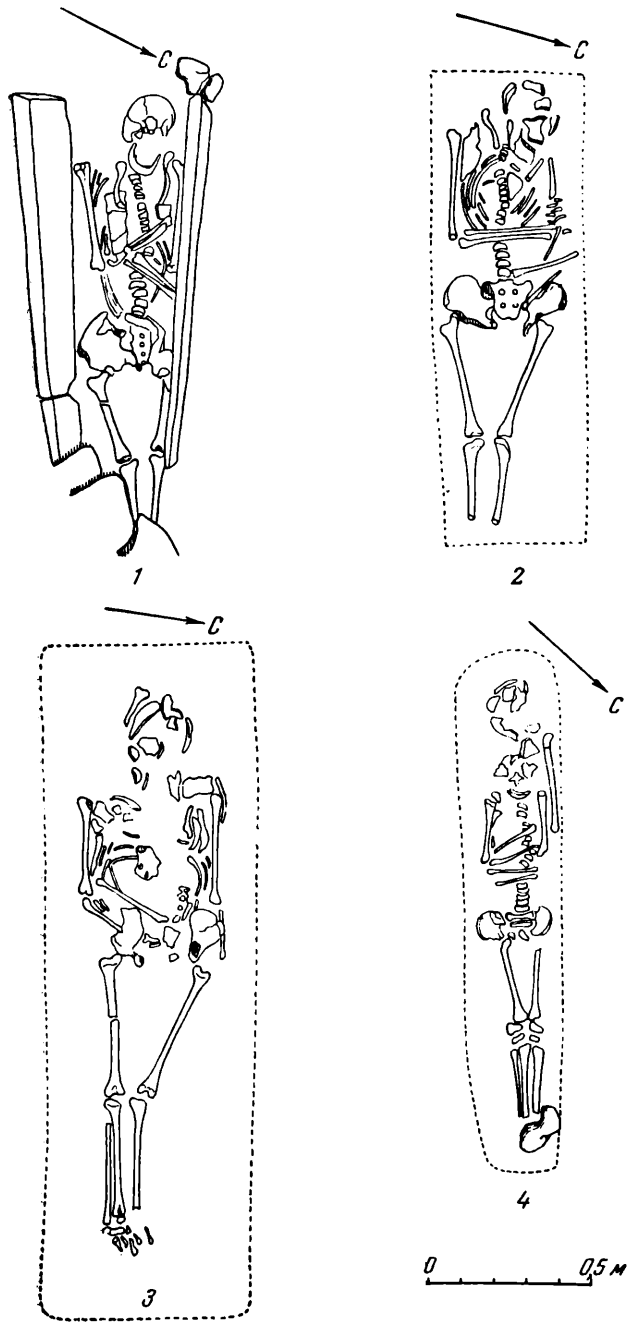

Рис. 43. Родниковое. Могильник IX—X вв. Планы погребений.

1—4 — могилам 12, 16, 18, 21 соответственно.

левой руки лежал кусок камня, сглаженный с одной стороны (орудие труда?), и обломок стенки гончарного сосуда.

О древности могильника свидетельствует не только его многослойность и крайне плохая сохранность скелетов. Надежные указания на дату могильника дает, во-первых, самый тип захоронения (в грунтовых могилах, обложенных и покрытых каменными плитами, вытянутое положение погребенного на спине, согнутые в локте руки, ориентировка на запад), находящий ближайшую аналогию в погребениях верхнего слоя могильника Суук-су, датируемого IX—X вв.¹²; во-вторых, найденные в целом ряде погребений (№ 10, 16, 20, 22, 23) куски черепиц, подложенные под голову захороненных; в погребении 17 часть черепицы оказалась под скелетом, в погребении 13 она лежала на черепе. Черепицы эти очень типичны для того же времени (IX—X вв.): их тесто крупнозернистое, с примесью крупного песка, черепок темно-красный, на некоторых фрагментах — водосливные бортики. Черепицы связаны с погребениями и потому могут датировать их. Найденные стеклянные бусы с глазком не противоречат такой датировке.

Где-то поблизости находилось, вероятно, и поселение того времени: на том же склоне возвышенности, по словам старожилов, найден целиком сохранившийся пифос овальной формы с узким днищем, высотой 1,27 м. Судя по форме¹³ и гребенчатой обработке поверхности, пифос также датируется IX—X вв.

Важные результаты получены при раскопках близ с. Ново-Бобровка (бывш. Бага). К северу от селения, на южном пологом склоне возвышенности, у небольшого уступа приметны большие скопления камня, образующие «языки», сползающие вниз. Чуть выше, на дороге, ведущей вверх, сохранилась нижняя часть пифоса с узким днищем (т. е. той же формы, что в Родниковом).

Здесь заложен шурф в 44 кв. м и выявлены очень плохо сохранившиеся строительные остатки: развал забутовки каменной стены, шедшей в направлении СЗ—ЮЗ. К югу от стенки найдено много керамики: обломки позднеантичных амфор с ручками сложного профиля, раннесредневековых амфор V и VI вв. (фрагменты конусовидных днищ, стенок с глубоким и частым рифлением), фрагменты лепных сосудов и пифоса типа IX—X вв. и множество кусков черепицы с темно-красным черепком, характерных также для IX—X в. Глинобитный пол помещения находился ниже древней дневной поверхности; его северная стена была прислонена к земляному массиву. Помещение, таким образом, частично было углублено в землю и являлось, по-видимому, полуземлянкой.

Более интересные результаты получены при работах на раскопе 2 (рис. 44), расположенном чуть ниже, на месте одного из указанных скоплений камня; еще ниже были видны остатки пифоса, свидетельствовавшие о том, что здесь находился также жилой дом.

Остатки его залегали под мощным завалом крупного и мелкого необработанного камня, служившего строительным материалом.

Выявлена очень толстая (толщина 1,0—1,32 м), но неравномерная и отчасти деформированная стена (а—а), идущая в направлении С—Ю. Вскрыта она на протяжении 10,5 м (рис. 45—3, 4). Стена основана на материковой глине и сложена по принципу раннесредневековой кладки — из двух как бы панцирей крупного камня и промежуточной забутовки мел-

¹² См. Н. И. Репников. Некоторые могильники крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 34—35.

¹³ Аналогичный по форме пифос найден при раскопках в Херсонесе. Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий и А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.). МИА, № 34, 1953, стр. 222—223, рис. 74 и 75.

ким камнем. К стене примыкает помещение неправильной четырехугольной формы, площадью около 10 кв. м, ограниченное стенами (б, в и г).

Южная стена б, толщиной 0,53—0,55 м, сильно спадает в южную сторону (все ее ряды, вплоть до нижнего), возможно, в результате землетрясения. Южная линия стены прослежена на расстоянии 2,9 м и затем пропадает. В наиболее сохранившихся частях ясно прослеживается система кладки «в елку».

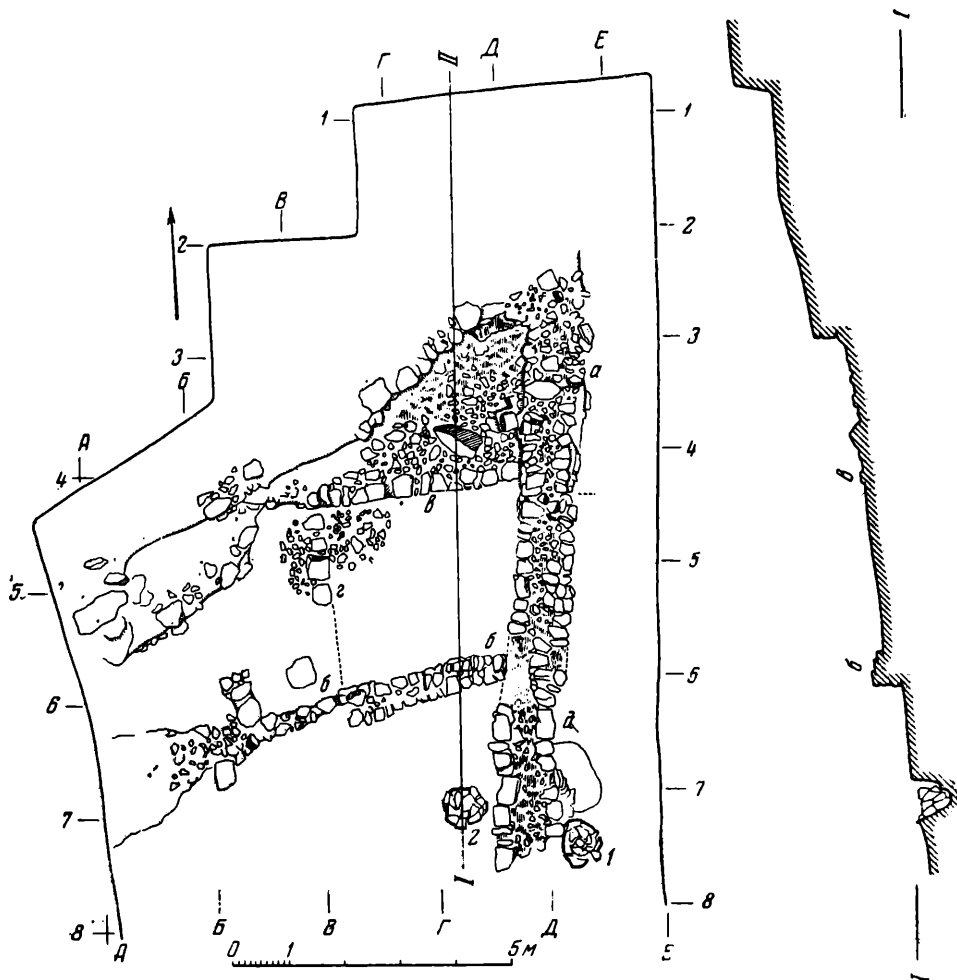

Рис. 44. Ново-Бобровка. План и профиль раскопа 2.

а, б, в, г, — стены помещения; 1, 2 — пифосы; I—II — линия разреза. Мелкой штриховкой обозначена глина в кладке стен и забутовке.

От северной стены в уцелел один ряд камней, положенных, как и остальные стены постройки, на глинобитном основании. При разборе каменного завала в северной части раскопа следов северной границы стены не оказалось: был выявлен сплошной массив крупных и мелких камней, заполнявший треугольник между стеной а—а и южной линией стены (наибольшая ширина его 2,75 м). По-видимому, южная линия стены ограничивала довольно мощную крепиду, шедшую параллельно склону возвышенности и, вероятно, удерживавшую массив материковой глины и скапывавшиеся сверху камни.

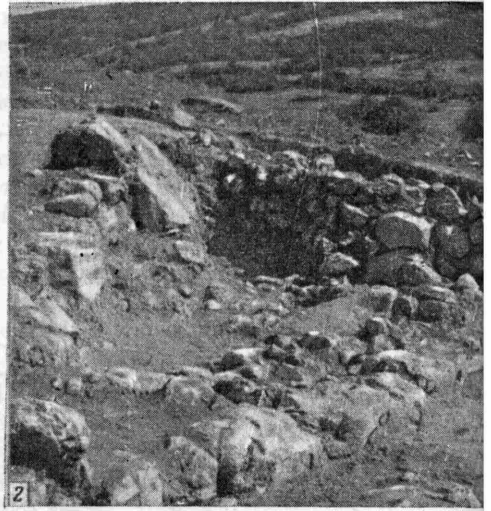
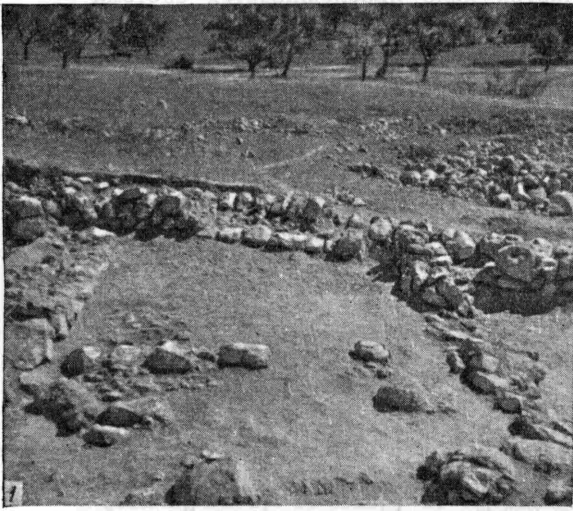

Рис. 45. Ново-Бобровка. Раскоп 2.

1 — общий вид с западной стороны; 2 — северная сторона раскопа; 3 — стена а—а, вид с северной стороны; 4 — стена а—а, деталь кладки.

Подтверждением сказанного может служить то, что более или менее правильная кладка стены *a — a* кончается как раз там, где к ней перпендикулярно примыкает стена *в*. Очевидно, начиная отсюда и далее на север шел сплошной массив камня, наваленный с целью создать крепиду. За пределами ее (к северу) — стерильная желтая глина без находок, как и на раскопе 1.

От западной стенки 2 сохранилось несколько камней и часть забутовки. В самом помещении (рис. 45 — 1) расчищен глинобитный пол; приблизительно посередине — следы открытого очага в виде большого пятна обожженной глины (диаметр 0,6 м). В северо-западном углу — скопление мелких камней; они производят впечатление небольшой вымостки, служившей, вероятно, для постановки пифоса, от которого среди камней вымостки уцелело характерное узкое плоское днище. В этом же месте раскопа среди завала камней собраны многочисленные обломки пифоса.

В южном конце стены *a — a* к обеим ее сторонам были прислонены два больших пифоса. Первый из них, примыкающий к восточной стороне, сохранился на высоту 0,84 м, диаметр горловины — 0,34 м; второй пифос (с западной стороны) сохранился хуже — на высоту 0,6 м; диаметр его — 0,8 м. По форме оба они тождественны упомянутому пифосу из с. Родниковое и соответствующим пифосам из Херсонеса.

Среди керамики из раскопа 2 — уже знакомые нам формы, начиная с раннесредневековых. Сюда относятся обломки амфор с глубоким и частым рифлением и бороздчатых амфор с ясно выраженной ленточной техникой выделки, вполне аналогичные амфорам VI в. из Херсонеса¹⁴. Однако в засыпи помещений преобладает не раннесредневековая, а более поздняя керамика, которую вернее всего отнести к IX—X вв.: обломки амфор причерноморского типа IX в.¹⁵, днище кувшина с плоскими ручками, типичного для IX—X вв., обломки сосудов с редким однолинейным рифлением и обычных для того же времени темно-красных кровельных черепиц с водостливыми бортиками и особенно многочисленные фрагменты пифосов. Их в доме стояло, очевидно, несколько, разных размеров, в том числе и небольшие (на что указывают обломки венчика прямоугольного профиля); часть фрагментов принадлежит пифосу с горизонтальными каннелюрами.

Керамика IX—X в., доминирующая в засыпи и связанная с домом, очевидно и датирует его, по крайней мере последний период существования. И здесь, как и в Родниковом, ничего более позднего, чем X в., не встречалось. Следовательно, и здесь жизнь с тех пор не возрождалась.

Следует подчеркнуть особенности, резко отличающие раскопанные жилища от одновременных домов Херсонеса (Херсона): архаичность техники кладки, которая следовала, по-видимому, очень старой традиции; редкость керамических форм, обычных в Херсонесе того же времени (здесь отсутствовали типичные для X в. амфоры и кувшины с плоскими ручками, от которых встретился только один фрагмент). Все это, вместе с ранее приведенными фактами (обилие лепной посуды), свидетельствует об отсталости, вернее — о застойности местной культуры по сравнению с соседним Херсонесом.

Жилая усадьба, часть которой открыта раскопками, была, судя по аналогичным завалам камня, не единственной на склоне возвышенности около Ново-Бобровки. Здесь, по-видимому, в средние века разместился целый поселок, который еще предстоит исследовать.

Таковы некоторые результаты проведенных раскопок, которые вкратце можно свести к следующему:

¹⁴ См. А. Л. Яковсон. Средневековые амфоры Сев. Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 329, рис. 3, 14.

¹⁵ Тип их см. там же, стр. 331, рис. 4.

1. В обоих пунктах (Родникское и Ново-Бобровка) выявлены остатки сельских жилых усадеб, относящихся к IX—X вв.

2. Произведенные раскопки позволили предположительно установить хронологические пределы существования поселений. Судя по массовому керамическому материалу, они возникли в период поздней античности (III—IV вв.) и существовали (возможно, с перерывами) до X в. (вероятно, и в X в.). Ничего более позднего там не встречено, если не считать единичные обломки поливной посуды XIV в., найденные на раскопе 5.

3. В общих чертах выявлен керамический комплекс, который в некоторых отношениях существенно отличается от комплекса того же времени в Херсонесе — ближайшем культурном центре: здесь, в сельских поселениях, нет привозных амфор, поливной керамики (в то время, в IX—X вв., в Крыму ее не производили и ввозили, вероятно, из Константинополя), зато довольно большой процент лепной посуды, датируемой IX—X вв.

4. В с. Родниковом открыт могильник X в., очень насыщенный погребениями; многие могилы — с повторными захоронениями. Но могильник бедный, вещей крайне мало, что вполне соответствует и всему облику поселений, насколько позволили судить об этом наши раскопки.

Конечно, более общие выводы преждевременны, так как раскопки только начаты, а самая тема — средневековая деревня в Крыму — разрабатывается впервые.

III. МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Э. А. АБРАМОВА

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ
В МАДЛЕНСКУЮ ЭПОХУ

Скульптурные женские изображения ориньякской или ориньяко-солютрейской эпохи, по западноевропейской классификации¹, давно привлекают к себе внимание исследователей. Но было бы ошибочным думать, что эти статуэтки характерны только для ориньяка, а в мадленскую эпоху исчезают и заменяются в пещерах Франции и Испании изображениями замаскированных или полуреальных, полумифических существ. Исчезновение женских статуэток некоторыми исследователями объяснялось изменением условий жизни. В ориньякскую эпоху почитание женщины развивается, на основе оседлости, в благоприятных условиях жизни, когда огромные табуны диких лошадей и стада мамонтов обеспечивали обильную пищу. Ухудшение климатических условий и вымирание мамонта в мадлене приводит охотников к кочевому образу жизни, обусловленному сезонными передвижениями северного оленя, и к возникновению иных представлений, уже не связанных с культом женщины-прародительницы².

Тем не менее известно, что и в мадленских местонахождениях найдены те же статуэтки, несколько более схематизированные, а также различные стилизованные и крайне упрощенные женские фигурки. Зарождение новых стилистических черт намечается уже в ориньяке: напомним статуэтку из Пекарны (рис. 46—1) и некоторые схематические фигурки из Дольних-Вестониц (рис. 46—2). Найдены типичные женские статуэтки мадленской эпохи на стоянке Елисеевичи (рис. 46—3)³ и в пещере Ложери-Бас (рис. 46—4)⁴. Стилизованная женская фигурка открыта недавно в Мауэрне (рис. 46—5)⁵. П. П. Ефименко считает, что случайная находка из Сирейль, которую западноевропейские исследователи относят

¹ Советскими исследователями на основании многих фактов доказано несоответствие западноевропейской хронологической схемы верхнего палеолита для других территорий. Мы пользуемся терминами ориньякская и мадленская эпохи для обозначения двух относительных временных ступеней верхнего палеолита.

² G. Gourji. Origine et évolution de l'Homme. Paris, 1927, p. 172—173; П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Известия ГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931, стр. 2 и далее.

³ К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпилеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. СА, V, 1940, стр. 85.

⁴ E. Cartailhac et H. Breuil. Les oeuvres d'art de la collection du Marquis de Vibraye au Museum. L'Anthropologie, t. XVIII, 1907, p. 10, fig. 1.

⁵ L. F. Zotz. Idoles Paléolithiques de l'Être Androgyne. Bulletin de la Société Préhistorique française, t. XLVIII, N 7—8, 1951, p. 333.

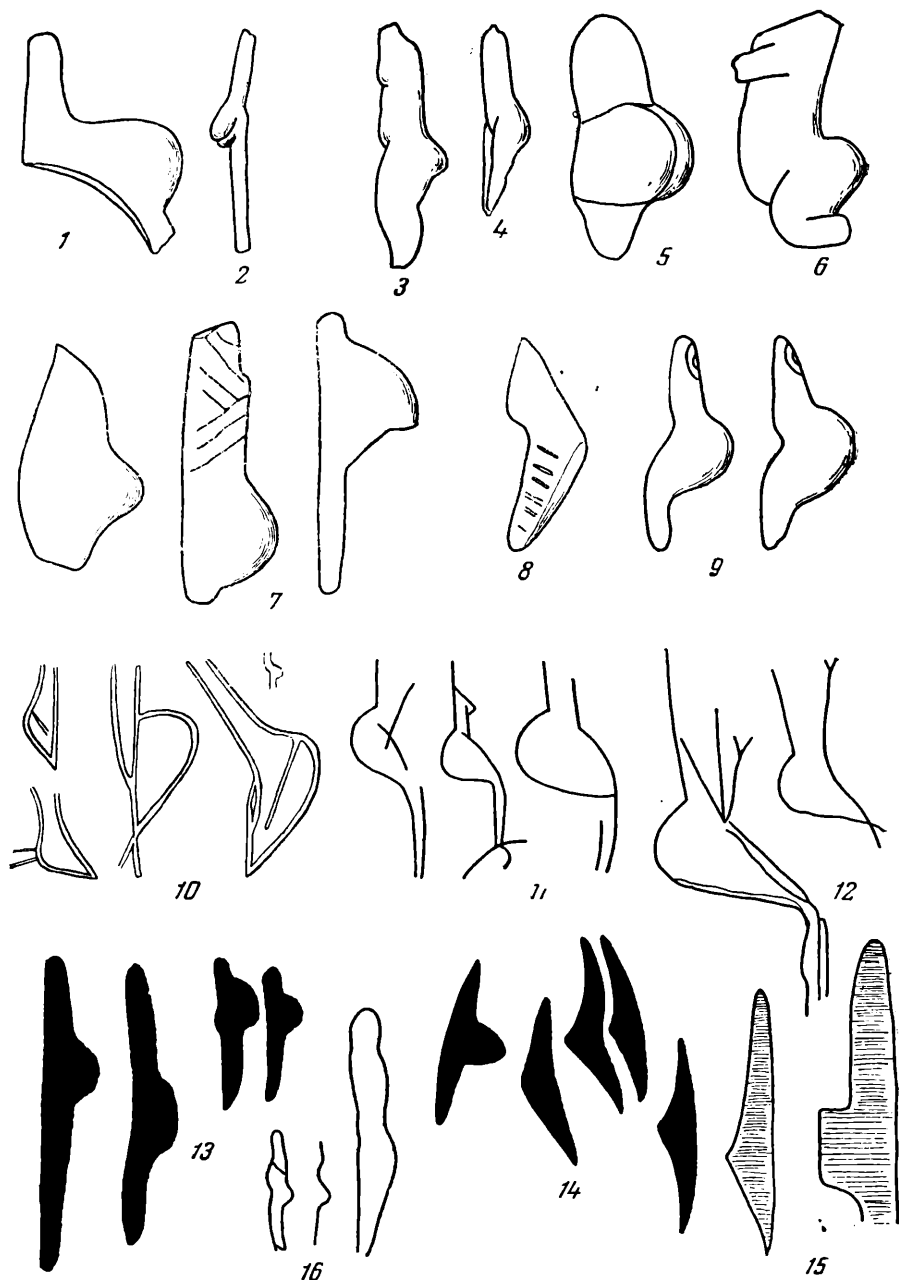

Рис. 46. Ориньякские (1—2) и мадленские (3—16) изображения женщин:
 1 — Пекарна; 2 — Дольни-Вестовице; 3 — Елисеевичи; 4 — Ложери-Бас; 5 — Мауэри; 6 — Сирейль;
 7 — Мезия; 8 — Красный Яр; 9 — Петерсфельс; 10 — Ла-Рош; 11 — Холештейн; 12 — Фовтае;
 13 — Пиндааль; 14—15 — Пасьега; 16 — Романелли.

к ориньяку, также принадлежит мадленской эпохе (рис. 46 — 6)⁶. К изображениям подобного рода относятся стилизованные фигурки из Петерсфельса (рис. 46 — 9)⁷ (Южная Германия) и, возможно, так называемые фаллические фигурки и даже фигурки птиц из Мезина (рис. 46 — 7)³. Очень близка образцам подобного рода и загадочная костяная поделка, происходящая из стоянки Красный Яр (рис. 46 — 8 и рис. 47). Эта палеолитическая стоянка, открытая в 1957 г. А. П. Окладниковым во время работ Ангарской археологической экспедиции, находится на правом берегу р. Ангары, в 200 км ниже г. Иркутска, на второй надпойменной террасе при впадении в Ангару р. Осы. Здесь был заложен разведочный раскоп размерами 3 × 10 м по оси С—Ю. Тонкий культурный слой залегает на

Рис. 47. Фигурка из стоянки Красный Яр.

глубине 2,8—3,0 м от поверхности, в свите аллювиальных отложений и насыщен обломками углистого сланца, часто пережженного. Обломки костей животных, происходящие из культурного слоя, принадлежат дикой лошади, северному оленю, зайцу-беляку, белой куропатке и, возможно, песцу. Кремневый инвентарь, немногочисленный количественно, достаточно характерен по своему составу: острие с резцовым сколом, скребки, большой процент мелких призматических пластинок из местного кремня, обломки крупных кварцитовых скребел. Из костяных изделий найдено семь обломков иголок, причем у двух сохранились просверленные ушки. Все эти данные позволяют ориентировочно отнести поселение Красный Яр к эпохе, следующей за эпохой самых ранних для Сибири стоянок Мальты и Бурети и соответствующей западному мадлену.

В правильности датировки нас убеждает и аналогичная западноевропейским стилизованным фигуркам упомянутая костяная поделка, форма и обработка которой с несомненностью доказывают, что она была не предметом утилитарного назначения, а художественным изделием. Фигурка небольшая, тщательно вырезанная из кости и зашлифованная. Задняя сторона образована двумя плоскостями, расположенными под тупым углом друг к другу. Переднюю образуют выпуклые неровные поверхности;

⁶ H. Breuil et D. Peyrony. Statuette féminine aurignacienne de Sireuil. *Revue anthropologique*, 1930, p. 44—47; П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 71.

⁷ R. Vaufrey. Les progrès de la Paléontologie humaine en Allemagne. *L'Anthropologie*, t. XLI, N 5—6, 1931, p. 550.

⁸ H. Obermaier. *Fossil man in Spain*. London, 1925, p. 222; П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 70.

концы закруглены. В профиль поделка явно напоминает полусидящую фигуру, очень упрощенную, лишенную деталей. На плоских поверхностях задней стороны нанесены неровные короткие линии, идущие в поперечном направлении. Такие же, но более глубокие и редкие нарезки четко обозначены на одном из боков фигурки. Размеры ее: высота — 3,7 см, ширина — 1,1 см, толщина — 0,8 см (рис. 47).

Находка эта очень близка стилизованным подвескам из Петерсфельса, о которых упоминалось выше (рис. 46 — 9). На них также не видно никаких деталей, но в общем профиле они дают очертания женской фигуры, хотя и странно трактованной. Средняя часть тела резко выгнута, как у человека сидящего или собирающегося сесть. От фигурки из Красного Яра их отличает закругленность, плавность очертаний; кроме того, в верхней части каждой из подвесок есть отверстие. Размеры петерсфельских фигурок также невелики (высота 3—4 см).

В связи с этими упрощенными женскими фигурками можно вспомнить и гравированные мадленские изображения женщин, среди которых, наряду с реалистическими (в Ложери-Бас, Истюриц, Ла-Марш, недавно открытыми в Ла-Мадлен), известны стилизованные, близкие профилям статуэток из Петерсфельса и Красного Яра. В нижнем слое пещеры Ла-Рош найдены два обломка известняка, покрытые загадочными знаками. Одни считают их изображениями птиц, другие, вместе с А. Брейлем, предполагают, на наш взгляд более справедливо, что это очень стилизованные изображения женщин (рис. 46 — 10)⁹.

Подобные изображения открыты в Холештейне (Бавария)¹⁰ (рис. 46 — 11) и пещере Фонтале (Франция)¹¹ (рис. 46 — 12).

В этой связи следует упомянуть и загадочные знаки, распространенные в пещерной живописи Франции и Испании и датируемые мадленским временем. Эти знаки представляют удлиненные фигуры с закругленными концами, не обладающие другими деталями, кроме выступа в средней части. Внешний вид этих фигур позволил западноевропейским исследователям назвать их знаками *claviformes* (от латинского *clava* — дубина, булава, жезл, палка). Такие схематические «дубино- или булавообразные» знаки широко распространены в палеолитической живописи Западной Европы и почти всегда связаны с реалистическими изображениями животных. В специальном исследовании, посвященном таким знакам из гротов округа Монтестье-Аванте, Жак Бегуэн упоминает, что они особенно многочисленны и разнообразны в пещерах Тюк д'Одубер и Трех Братьев. Он не считает возможным возражать против гипотезы, относящей такие знаки к изображению орудий типа дубин, нанесенных с магической целью на фигуры животных или рядом с ними¹². Э. Картальяк рассматривал «булавообразные знаки» как оружие для бросания и считал, что они изображены летающими вокруг намеченных жертв. Все подобные знаки гротов Монтестье-Аванте, за исключением одного, не нарисованы, а выгравированы, тогда как в других гротах Франции (Нио) или Испании (Пиндаль) всегда нарисованы черным или красным. Но все они, и красочные, и гравированные, сходны по силуэту (рис. 46 — 13). И хотя Э. Картальяк и А. Брейль сравнивали их также с *naviformes* («ладьевидными знаками») с потолка Альтамиры или

⁹ D. Peyrony. Sur quelques pièces intéressantes de la grotte de La Roche près de Lalinde (Dordogne). L'Anthropologie, t. XL, N 1—2, 1930, p. 26—27.

¹⁰ F. Birkner. Paläolithische Kunst aus dem Ries in Bayern. IPEK, 1928, S. 97, tabl. 2, 1.

¹¹ P. Darasse. Dessins paléolithiques de la Vallée de l'Aveyron identiques à ceux de l'Hohlestein en Bavière. Quartär, Bd. 7/8, Bonn, 1956, p. 171—176.

¹² J. Begouën. De quelques signes gravés ou peints des grottes de Montesquieu-Avantès (Ariège). Mélanges de Préhistoire et d'Anthropologie offerts au Prof. Comte H. Begouën, Toulouse, 1939, p. 293.

странными стилизованными руками из Сантианы¹³, знаки эти значительно ближе напоминают силуэты стилизованных женских изображений мадленской эпохи. В этом отношении особенно убедительны нарисованные красной краской «булавообразные знаки» (рис. 46—14) из пещеры Пасьега¹⁴. В них ясно выступает сходство с фигурками из Петерсфельса и новой ангарской статуэткой. Другие знаки из Пасьеги (рис. 46—15), подобной же формы, но прочерченные поперечными параллельными линиями, дают еще одну деталь сходства с фигуркой из Красного Яра¹⁵. Если признать существование такого сходства, наши представления о женских изображениях мадленской эпохи значительно расширяются. Наряду с продолжавшимися существовать реалистическими образами женщин были распространены стилизованные фигурки и схематические профильные гравировки и росписи. В подтверждение этой гипотезы можно привести интерпретацию П. Грациози наскальных гравировок в гроте Романелли (Италия)¹⁶. Пять гравюр, по его мнению, представляют изображения женских фигур, очень схематизированные, сведенные к простому профильному контуру: голова и руки не обозначены, ноги сведены на конус. Не найдя связи между этими гравировками из Романелли и другими палеолитическими антропоморфными рисунками, П. Грациози улавливает их сходство в стиле и воспроизведении с некоторыми скульптурами верхнего палеолита, в частности с двумя статуэтками из Гримальди и одной из Костенок I. Общие черты их: характерный профиль без четких очертаний головы, ноги, сведенные на конус, более или менее очевидный намек на стеатопигию (рис. 46—16).

Интересно отметить, что среди фигур в гроте Романелли есть гравированное изображение животного. Отмеченный нами и ранее факт нахождения рядом изображений животных и стилизованных женских фигур заслуживает особого внимания. Образ женщины в эпоху мадлена не исчезает, а развивается в скульптуре, гравюре и живописи. Он схематизируется и упрощается, но значительно яснее, чем в ориньякский период, прослеживается его связь с изображениями животных и та магическая роль, которую женщина играла в обеспечении охотничьей удачи.

¹³ J. Bégouën. Указ. соч., стр. 285.

¹⁴ H. Breuil. H. Obermaier et Alcalde del Rio. La Pasiega a Puente-Viesgo (Santander). Monaco, 1913, p. 35, fig. 18.

¹⁵ Там же, стр. 23, рис. 8.

¹⁶ P. Graziosi. Les gravures de la grotte Romanelli (Puglia, Italie). IPEK, 1932/33, Berlin und Leipzig, 1934, p. 26—32.

В. И. МАРКОВИН

ГЛИНЯНАЯ СТАТУЭТКА ИЗ СТАНИЦЫ УРУПСКОЙ

Среди кавказских археологических коллекций Государственного Эрмитажа хранится очень интересный предмет — глиняная женская статуэтка (коллекционный № 193) из станицы Урупской Краснодарского края.

По сведениям А. А. Спицына, статуэтка была найдена в насыпи кургана при раскопках Н. И. Веселовского в 1903 г.¹ К сожалению, в опубликованном отчете за этот год ни слова не говорится об этом предмете. Нет указаний на него и в рукописном отчете, хранящемся в архиве ЛОИИМК. Известно только, что в кургане высотой в 10 м, расположенном к югу от станицы, Н. И. Веселовским вскрыто два погребения: впускное скифского времени и ниже — «подбойная могила» с двумя сосудами, явно относящимися ко второй половине II тысячелетия до н. э. (один из сосудов снабжен наlepным валиком)². Дальнейшие раскопки Н. И. Веселовским были прекращены, так как его мало интересовали ранние памятники.

Вероятно, статуэтка найдена в выброшенной земле и исследователем в должной мере не оценена и не введена в отчеты.

Статуэтка сделана из светло-красной, тонко отмученной глины. Сохранились отчетливые следы белой облицовки (окраски). Верхняя часть предмета отбита, сохранилась лишь нижняя — очень общее изображение женской фигуры. Ноги не расчленены, они слиты воедино, суживаясь книзу. Признаки пола подчеркнуты. Выступы верхней части бедер снабжены сквозными отверстиями, небольшая впадинка имеется в области живота, по которому проходит опоясывающая весь торс углубленная линия. Размеры сохранившейся части статуэтки: высота — 8,2 см; ширина — 2,6 см; толщина — 2 см (рис. 48).

Эта находка напоминает трипольские статуэтки первой категории (пользуясь старой классификацией А. Скрыленко³). Статуэтки таких, довольно схематических форм, с конически суживающимися ногами, начинают появляться с начала среднего этапа развития трипольской культуры⁴. Так, на поселении Коломыйщина II (Киевская обл.) в жилище № 2 была найдена статуэтка с подобной трактовкой ног. Материалы из этого поселения Т. С. Пассек относит к этапу В II, т. е. ко времени, охватывающему промежуток между 2700 и 2100 гг. до н. э.⁵ Близкий предмет

¹ Эти сведения перенесены из архивов Гос. Эрмитажа в коллекционную книгу.

² ОАК за 1903 г., СПб., 1906, стр. 66; Архив ЛОИИМК, дело Арх. Комиссии, № 14 за 1903 г., листы 111—112.

³ А. Скрыленко. Глиняные статуэтки до-микенской культуры, открытой в Среднем Приднепровье. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 147.

⁴ Т. Г. Мовша. К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики, вып. 2. Киев, 1953, стр. 85—86.

⁵ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 76, 108, рис. 31, 5.

найден у с. Колодяжного (Житомирская обл.). Правда, у статуэтки из Колодяжного намечены сомкнутые ноги. Находки из этого комплекса относятся к этапу С II—началу II тысячелетия до н. э., когда появляется шнуровая орнаментация на трипольской керамике⁶. Подобные статуэтки известны из с. Паволочи (той же области)⁷, причем в комплексе с керамикой с шнуром и наленами.

Перечисленные аналогии среди трипольских материалов, пожалуй, позволяют ориентировочно сопоставить урупскую статуэтку с позднетрипольскими скульптурными изображениями женщин не столько по трактовке ног, сколько по общей их конфигурации, наличию отверстий, манере акцентации половых черт и пр.

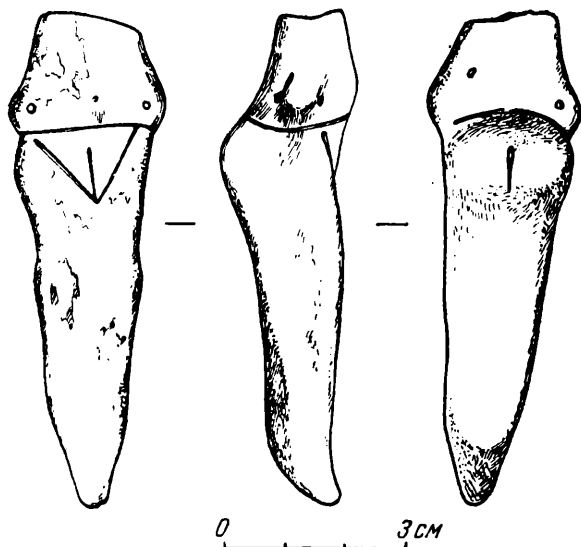

Рис. 48. Глиняная статуэтка из станции Урупской.

Не являются особенной неожиданностью подобные статуэтки и на Северном Кавказе. Так, на неолитическом поселении близ г. Нальчика среди керамики обнаружена часть глиняной статуэтки: длинная шея и голова с широким защипом — «лицом» — и с рядом отверстий, обрамляющих защип. Правда, сопоставляя этот предмет с трипольскими, что вполне правомерно, авторы одновременно привлекают в качестве аналогии статуэтки из Ульского аула, датируя вместе с тем поселение у г. Нальчика неолитом⁸.

Это еще раз подчеркивает чрезвычайно длительное существование подобных статуэток и отсутствие для них четких хронологических признаков.

Статуэтки Ульского аула, обнаруженные в погребении с красной охрой, Н. И. Веселовский сближал со скульптурными миниатюрами до-микенского времени и относил их ко времени самого раннего развития микенской культуры⁹.

Датировать ульские находки, по нашему мнению, можно путем сопоставления металлического инвентаря с известными погребениями ст. Ново-

⁶ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 173—175, 215, рис. 90, 3.

⁷ М. Л. Макаревич. Трипольське поселення біля с. Паволочі АП УРСР, т. IV, 1952, стр. 99—101, табл. II, 7.

⁸ Е. Ю. Кричевский и А. П. Круглов. Неолитическое поселение близ г. Нальчика, МИА, № 3, 1941, стр. 54—55, рис. 3, 1.

⁹ Н. И. Веселовский. Алябастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35, СПб., 1910, стр. 7.

свободной (б. Царской) по наличию в них близких изогнутых булавок весьма архаичного типа (подражание костяным изогнутым булавкам) и путем сближения бронзовых бус, подвесок, трубочек-пронизок, а также орнаментированного фрагмента керамики с материалами северокавказской культуры. Это позволит поставить ульский памятник вслед за дольменами ст. Новосвободной и более конкретно датировать ульские находки в пределах 1800—1700 гг. до н. э. (если при этом принять датировку, предложенную А. А. Иессеном, для комплексов ст. Новосвободной)¹⁰.

В 1880 г. А. А. Русовым¹¹ в Дагестане, в кургане Катаргагач-Тапа (близ г. Дербента) обнаружена статуэтка, близкая трипольским по приему моделировки лица шипом, но у нее нет ног (плоское основание), она снабжена выступом, похожим на хвост, и отдаленно напоминает бронзовые хвостатые фаллические фигурки позднего времени¹². Конечно, датировать ее тем же временем, что и «хвостатые» фигурки, нет оснований, но и отнести к неолиту, в силу этого, хотя бы далекого, сходства нельзя.

Имеется неясное упоминание о статуэтке в виде белого четырехгранного столбика из г. Пятигорска (раскопки В. Р. Апухтина, 1902 г.)¹³, но она не сохранилась.

И, наконец, последним предметом, отдаленно напоминающим произведение трипольской пластики, является каменная изогнутая статуэтка, найденная в могильнике неолитического времени близ г. Нальчика¹⁴. Она напоминает также энеолитические костяные фигурки с территории древней Фракии¹⁵.

В Закавказье известны отдельные находки глиняных фигурок среди энеолитического материала из Кюль-Тапа (Армения). Головка одной из них по трактовке очень напоминает трипольские¹⁶. Более поздние статуэтки известны из Кизил-ванка, Мингечаура и других мест.

В последнее время в Юго-Осетии (с. Урбниси возле г. Сталинири) найдена часть глиняной статуэтки — женский торс с отломанной головой¹⁷, напоминающий трипольскую статуэтку из с. Колодистого (Киевск. обл.)¹⁸. Вместе с тем находка близка и глиняным статуэткам Алишара (Троя)¹⁹, Тепе-Гиссара²⁰ и т. д.

Возвращаясь к статуэтке из ст. Урупской, мы должны подчеркнуть ее сходство не только с аналогичными предметами трипольской культуры, но и с женскими культовыми изображениями Передней и Малой Азии: глиняными фигурками из Алалаха (Alalakh) близ г. Алеппо (Турция), где они

¹⁰ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 193.

¹¹ А. А. Русов. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане. Труды предварительных комитетов V АС в Тифлисе, I. М., 1882, стр. 571, табл. XVI; В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика. М., 1901, стр. 35.

¹² А. А. Захаров. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Труды секции археологии РАНИИОН, II, М., 1928, стр. 34—35.

¹³ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 2.

¹⁴ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 120, табл. VIII, 1.

¹⁵ П. Детев. Селищната могила при с. Быково. Годешник на музеите в Пловдивской губ. ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 107, рис. 31.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский. Поселение медного века в Армении. СА, XI, 1949, стр. 176, рис. 3, 1, 2.

¹⁷ С. И. Надимашвили. Памятники эпохи энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии по итогам Горийского Гос. историко-этнографического музея (тезисы доклада, прочитанного на заседании сектора неолита и бронзы 21 мая 1955 г.), стр. 3.

¹⁸ А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ села Колодистого Киевской губ., ИАК, вып. 12, СПб., 1904, стр. 107, рис. 31.

¹⁹ Hubert Schmidt. Heinrich Schliemann's Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin, 1902, S. 170—171, fig. 3562.

²⁰ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937, p. 192—193, fig. 114, 115, tabl. XXVII, 3644.

встречаются в слоях I—XII, т. е. охватывают время от 1970 до 2700—2350 гг. до н. э.²¹; статуэтками с территории древней Анатолии и из Анау²². Сходство кавказских статуэток (в целом), с одной стороны, с трипольским, с другой — со статуэтками древнего Востока и Эгейского мира не случайно. Можно еще раз поставить вопрос о больших культурных связях в древности, об известной роли Кавказа как посредника между древней областью распространения трипольской культуры и странами Востока²³, ибо перечисленные нами предметы, как и находки пентадер (штампов), представляются нам документами таких связей. Об этом же свидетельствуют и топоры-клевцы малоазийского типа, прошедшие длинный путь в Поднепровье через Кавказ²⁴.

Мы не хотим сказать, что Кавказ — единственный путь для таких связей. Давно уже установлена огромная роль Прикарпатья как связующего звена между областью трипольской культуры, Средиземноморьем и Малой Азией²⁵. Но и Кавказ также был одним из таких посредников. Сколь долго — ответить трудно, но необходимо учесть, что кавказский материал охватывает довольно большой промежуток времени (статуэтка из неолитического комплекса Нальчика — дагестанская статуэтка с некоторыми чертами фигурок конца эпохи бронзы).

Малое количество статуэток описанного типа на Кавказе, как нам кажется, служит показателем таких связей. Если бы они делались в большом количестве, то тогда пришлось бы изменить такой взгляд и считать их показателем близости кавказских культур трипольской и переднеазиатским, преимущества культур и т. д. Статуэтки, найденные на Кавказе, являются местными произведениями искусства, отражающими влияние Передней Азии, Эгейского мира (статуэтки из Кюль-Тапа, Дагестана, Ульского аула) и трипольской культуры (остальные северокавказские статуэтки). Статуэтка из ст. Урупской отражает связи Северного Кавказа с областью распространения трипольской культуры, как нам кажется, уже на позднем этапе развития. В этом ее историческое значение.

²¹ L. Wooley. *Alalakh*. Oxford. 1955, p. 244 и сл.; tabl. LV, V (AT 49/17), X (AT 47/28) и др.

²² H. Th. Bossert. *Alt-Anatolien*. Berlin, 1942, табл. 61, 292; R. Pumpelly. *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, v. I*, Washington, 1908, p. 50, tabl. 46.

²³ Б. Богаевский. *Крит и Микены*. М.—Л., 1924, стр. 18.

²⁴ Т. С. Пассек. *Указ. соч.*, стр. 156.

²⁵ Т. С. Пассек. *Итоги работ Трипольской экспедиции за 1950 г. Тезисы докладов на сессии отделения истории и пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1946—1950 гг.* М., 1951; е е же. *К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна*. СЭ, т. VI—VII, М., 1947, стр. 29—38.

Г. А. БРЫКИНА

КАИРАК (ГАЛЬКА) С ТЮРКСКОЙ ПИСАНИЦЕЙ ИЗ АК-БЕШИМА

В 1953—1954 гг. Чуйским археологическим отрядом Кыргызской археолого-этнографической экспедиции, работавшим под руководством Л. Р. Кызласова, на городище Ак-Бешим был раскопан большой холм (объект I), скрывавший остатки громадного буддийского храма¹. Храм сооружен в VII в., а в середине VIII в. был разрушен тюркоязычными кочевыми племенами. Развалины использовались кочевниками под временное жилье. Об этом свидетельствуют многочисленные ямы-хранилища и очаги, открытые во всех помещениях храма.

Один из таких очагов обнаружен во дворе храма, в слое, относящемся ко времени его разрушения кочевниками. Очаг находился у северной стены двора на глубине 1,7 м от поверхности холма. Он представлял собой кучу камней, овальную в плане, длиной 67 см, шириной 40 см; камни лежали несколько беспорядочно; они не обожжены. Углей в очаге обнаружено немного, золы почти нет. Это обстоятельство свидетельствует о кратковременном использовании очага. Рядом с очагом найдены кости животных, среди которых череп овцы, и несколько фрагментов керамики (обломки стенок лепных котлов из грубой красного обжига глины с большим количеством песка).

Здесь же была найдена плоская, овальной формы, серая, хорошо окатанная речная галька длиной 34 см, шириной 18,5 см (не входившая в кладку очага). Одна сторона гальки гладкая, а на другой изображена сцена охоты гончей собаки за горным козлом (рис. 49)². Обе фигуры даны в профиль: козел с высокими загнутыми назад рогами, короткой мордой с характерной бородкой и длинными ногами, причем передние короче задних. Изображение статично: козел как бы застыл на месте. Длина фигуры — 10 см, высота — 5 см, высота рогов — 5 см.

Собака изображена в прыжке; у нее длинное туловище, длинные ноги и стоящие уши. Длина изображения — 13 см, высота — 7 см.

Обе фигуры выполнены характерным неполным контуром. Так, изображение собаки сделано пятью не везде сливающимися кривыми линиями, а козла — четырьмя. Линии, образующие контур, сначала слегка прочерчены, а затем углублены очень точными ударами острого металлического орудия. После этого они тщательно заглажены сверху, так что следы орудия почти не заметны. При внимательном рассмотрении рисунка можно

¹ Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, стр. 88—96.

² Писаница передана на хранение в учебный музей кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Рис. 49. Ак-Бешим. Кайрак с изображением сцены охоты.

установить, что орудие было небольшим, ширина его не превышала 3—4 мм. На гальке еще есть несколько незаглаженных бороздок, выбитых им же. Они нанесены раньше изображений. Очевидно, это остатки неудачной первоначальной попытки, от которой затем древний художник отказался. Хорошо видно начало изображения морды собаки.

На гальке воспроизведена сцена реальной охоты. Использование собак при охоте в древности общеизвестно.

Сюжет рисунка находится в полном соответствии с тем, что известно о быте кочевников, обитавших в горах и занимавшихся охотой на горных животных.

Находка уникальна для Средней Азии. Здесь пока неизвестны ни выбитые на подобных гальках-кайраках писаницы, ни вообще изображения подобного стиля и техники.

По данным А. Н. Бернштама, наиболее близкие писаницы с резными и высеченными контурными изображениями с Ферганского хребта относятся к VI—VIII вв., что вполне соответствует датировке найденных нами изображений³.

Важно отметить, что техника изображения неполным контуром при-суща писаницам тюркского времени на местах расселения древнетюркских племен, входивших в VI—VIII вв. в каганат восточных тюрков. Аналогичные по технике и стилю писаницы VI—VIII вв. известны в Монголии⁴, на Алтае⁵ и в Забайкалье у курыкан⁶.

Стилистическое сходство найденного в буддийском храме Ак-Бешимского городища изображения на гальке с указанными выше наскальными

³ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 60.

⁴ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», вып. II, Л., 1927, стр. 80 и рис. 11а.

⁵ П. П. Хороших. Писаницы Алтая. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 21—23.

⁶ А. П. Окладников. История Якутии, т. 1. Якутск, 1949; Ср. П. П. Хороших. Писаницы на горе Манхай. КСИИМК, вып. XXV, 1949, рис. 48—49; его же. Наскальные рисунки на горе Манхай II. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 58—59.

изображениями позволяет датировать его VIII в. н. э. Хорошо датируется находка и стратиграфически. Слой, где она обнаружена, связан с временем разрушения храма и обитания там кочевников. В этом слое найдены типично тюркские железные и бронзовые поясные пряжки, бляшки наборных поясов, железные наконечники стрел, относящиеся к VIII—IX вв.

Находка гальки с кочевническим по сюжету рисунком в здании, прежде принадлежавшем земледельческому населению, еще раз подтверждает факт разрушения храма тюркоязычными кочевыми племенами.

Стилистическое сходство рисунка с наскальными изображениями Алтая и Центральной Азии позволяет сделать вывод об этнической близости древних алтайских тюрок с тюркскими племенами, расселившимися в это время в Северной Киргизии. Это подтверждает мнение Л. Р. Кызласова о том, что разрушение буддийского храма следует связывать с вторжением в северную Киргизию тюркоязычных карлуков, господствовавших здесь вплоть до караханидского завоевания⁷. Известно, что карлуки — выходцы с Алтая. Этим и объясняется появление в Ак-Бешиме писаницы, характерной для алтайских тюрок.

⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. соч.

IV. ХРОНИКА

М. Г. МОШКОВА

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР
И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1956 ГОДА¹

С 25 по 30 марта 1957 г. в Москве проходили Сессия Отделения исторических наук АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные результатам полевых исследований за 1956 г. В работе Сессии приняли участие более 550 ученых (археологов, этнографов, историков, антропологов), представителей научных учреждений всего Советского Союза и ряда зарубежных государств (Болгарии, Германии, Монголии, Польши, Румынии).

Открывая Сессию, П. Н. Третьяков указал, что новые археологические материалы полевых исследований 1956 г. позволяют решить и уточнить многие проблемы истории нашей страны.

Широкий размах полевых работ ИИМК АН СССР в 1956 г. (58 экспедиций) стал возможным только при условии всемерной поддержки со стороны местных научных учреждений. Все более расширяются связи с зарубежными учеными. Так, в 1956 г. в работах археологических экспедиций советских ученых приняли участие археологи Польши, Болгарии и Финляндии. Совместные работы и широкий обмен опытом чрезвычайно важны в разрешении ряда общих исторических проблем.

На заседаниях обсуждены итоги полевых археологических исследований 1956 г. и некоторые общие проблемы древней и средневековой истории СССР. Всего заслушано 180 докладов, в том числе на заседаниях Сессии и Пленума — 18.

Б. А. Рыбаков, посвятивший доклад вопросу создания «Корпуса археологических источников СССР»², обратил внимание на создавшееся в археологической науке несоответствие между громадным количеством собранных археологических материалов, являющихся важнейшими историческими источниками, и научной обработкой и публикацией их. Необходимо возможно скорее приступить к широкой публикации огромного фонда многообразных археологических материалов, приведя их в единую стройную систему, отвечающую требованиям современной науки, и обеспечить возможность использования этого фонда современными и будущими исследо-

¹ В настоящем сообщении мы останавливаемся лишь на археологических докладах.

² Доклад прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР. См. Б. А. Рыбаков. О корпусе археологических источников СССР (тезисы доклада). М., 1957, стр. 3—20.

вателями. Б. А. Рыбаков предложил создание «Корпуса археологических источников СССР», который должен включить в себя все имеющиеся материалы. Издание, намечающееся в виде серий отдельных выпусков (около 300), должно иметь целью не просто публикацию и суммирование, но, главное, систематизацию и исследование источников, позволяющие подойти к точно обоснованным историческим построениям. К этой работе должны быть привлечены все археологические учреждения и музеи СССР. Доклад вызвал оживленные прения, в которых отмечались как огромная важность и своевременность такого издания, так и необходимость детального обсуждения плана и содержания отдельных выпусков.

В области изучения палеолитических памятников 1956 год ознаменовался новыми открытиями. Особо важное значение советские археологи придают изучению жилых и хозяйственных сооружений. На Мезинской позднепалеолитической стоянке на Десне И. Г. Шовкопляс³ обнаружил жилище и в процессе раскопок частично реконструировал древнее сооружение. Это позволило разобраться в неясных скоплениях крупных костей мамонта (преимущественно черепов с бивнями) и рогов северного оленя. Удалось достаточно полно уточнить детали жилища — шалашевидной (круглой в плане) постройки с деревянным каркасом из жердей, наклонно вкопанных в землю по краю пола и скрепленных над его серединой. Для утепления основа покрывалась шкурами животных, образуя наклонные стены жилища; снаружи они для укрепления обкладывались костями, которые, таким образом, имели конструктивное значение. В процессе обсуждения доклада О. Н. Бадером выдвинуто предположение о возможности существования на этих местах святилищ, а не жилищ, и о замене деревянного внутреннего каркаса жилища костями крупных животных, которые, судя по размерам, расположению и прочности, вполне могли выполнять эту функцию. Большой интерес вызвали находки на стоянке уникальных произведений первобытного изобразительного искусства. Две крупные лопатки и две нижние челюсти мамонта были расписаны красной охрой геометрическими узорами из 20 рядов зигзагообразных линий; рисунок аналогичен резному орнаменту на изделиях из бивня мамонта, найденных ранее на этой же стоянке.

Ценные результаты дали раскопки палеолитических стоянок Костенки III (П. И. Борисковский) и Аносовка II (А. Н. Рогачев). Как подчеркнул докладчик, работы на Аносовке II — восьмой многослойной верхнепалеолитической стоянке в Костенках — облегчают задачу хронологического расчленения большой группы стоянок поздней поры верхнего палеолита.

Ряд докладчиков познакомил участников Сессии с материалами новых палеолитических и мезолитических стоянок на территории Советского Союза. В. П. Любин рассказал об ашельских и мустьерских местонахождениях в Знаурском и Джавском районах Юго-Осетии и о пещерной стоянке Кударо с палеолитическим, мезолитическим и энеолитическим слоями; В. Г. Котович сообщил об открытии первой мезолитической или верхнепалеолитической стоянки в горном Дагестане у с. Чох, О. Н. Бадер — о палеолитической стоянке у с. Доброго близ г. Владимира, которая является самой северной из известных до сих пор стоянок; Д. Н. Левохарактеризовал палеолитические пещеры в Узбекистане; интереснейшая из них — Аман-Кутан — исследуется с 1948 г. Собраны прекрасные мустьерские изделия, напоминающие известные тешик-ташские материалы.

Не меньший интерес вызвало сообщение М. М. Герасимова о возобновлении в 1956 г. раскопок Мальтинской позднепалеолитической стоянки.

³ Доклад «Исследования Мезинской палеолитической стоянки в 1954—1956 гг.» прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР. См. СА 1957, № 4, стр. 99—115.

Здесь вскрыто жилище, сохранность которого позволила разобраться в конструкции кровли, стен, подпор и очагов постройки.

Д. А. Крайнов в результате новых раскопок ранее известной, но поразному датированной стоянки у с. Золоторучье (в 3 км от Углича), по характеру кремневого инвентаря определил ее дату мезолитическим временем (так называемый северный мезолит). В докладе С. Н. Бибикова о раскопках в Крыму навеса Фатма-Коба подчеркивалось большое значение собранных материалов для синхронизации памятников мезолита Крыма.

Широкое обсуждение вызвали доклады, связанные с исследованием памятников неолитических и эпохи бронзы.

Отметим, что комплексное изучение отдельных географических районов уже дало положительные результаты. Особенно это проявилось на примере памятников трипольской и близких ей культур — неолитических и бронзы, распространенных в Дунайско-Днестровском междуречье. Об этом было сообщено в докладе Т. С. Пассек «Новые открытия на территории СССР и вопросы позднелитических культур Дунайско-Днестровского междуречья»⁴, в котором подведены итоги по наиболее важным вопросам в изучении земледельческо-скотоводческих (трипольских) племен.

Раскопки 1956 г. на многослойном поселении у с. Флорешты (МССР) положили начало разрешению одного из сложнейших вопросов древней истории населения Дунайско-Днестровского междуречья — вопроса происхождения трипольской культуры и соотношения ее с неолитической культурой Бояна и с культурой линейно-ленточной керамики.

На заседаниях секции неолита и бронзы сделан ряд сообщений, посвященных раскопкам: поселения у с. Незвиско на Днестре культуры с линейно-ленточной керамикой (Е. К. Черныш), трипольского поселения у с. Кирилловка (А. Л. Есипенко), разведкам памятников трипольской культуры в районе с. Наславча, Молдавская ССР (В. В. Дубинов), раскопкам у с. Солончены II (Т. Г. Мовша), где вскрыто захоронение, относящееся к раннетрипольскому времени.

К. В. Бернякович сообщил о нахождении на территории Прикарпатья (Дрогобычская обл.) первого поселения культуры шнуровой керамики. Так же интересны исследования местной своеобразной группы памятников культуры шнуровой керамики на Подолии и Волини (Ю. Н. Захарук).

В. Е. Канивец подвел итоги археологического изучения Дагестана за последние годы. Очень важны результаты работ по энеолиту, подтверждающие мнение о южном происхождении культуры, а возможно и самого населения, обитавшего в ту эпоху на Прикаспийской низменности. По исследованию памятников бронзы наиболее значительные работы велись в нагорном Дагестане и на Сулаке. Они дали материалы по периодизации и хронологии бронзового века в Дагестане. Удалось уловить различие в характере культуры в горных районах и в низменных, что, по-видимому, отражает определенные этнические различия.

Интересны результаты разведок и раскопок поселений и могильников неолитического времени и эпохи бронзы в верхнем течении Ворсклы и Сев. Донца (А. Ф. Евминова, Е. В. Пузаков) и в бассейне р. Оскол, где особое внимание привлекает открытие позднелитической доямной культуры — могильник и поселение у с. Александрия (Д. Я. Телегин).

Доклад П. Д. Степанова был посвящен фатьяновским поселениям⁵. На основе своих исследований автор считает возможным говорить о двух типах поселений — кратковременных и долговременных и соответственно этому о двух типах жилищ. Фатьяновские племена Западного Поволжья

⁴ Прочитан на заседании Сессии Отделения исторических наук АН СССР. См. СА, 1958, № 1, стр. 28—46.

⁵ См. СА, 1958, № 1, стр. 124—136.

(конец II тысячелетия до н. э.) представляются докладчику малочисленными; в основе их хозяйства лежат скотоводство и охота.

Были отмечены большое значение и необходимость продолжения раскопок поселений эпохи бронзы в Нижнем Поволжье и Заволжье. Вновь открытые поселения (И. В. Синицын) на левобережье Волги показывают, что эти места, как и другие районы Заволжья (включая бассейны рек Б. Иргиза и Б. Узень), в конце II — начале I тысячелетия до н. э. были заселены этнически едиными племенами срубной культуры.

В докладах К. В. Сальникова, Е. М. Берс и Л. Я. Крижевской сообщалось об изучении неолитических памятников и памятников эпохи бронзы на восточных склонах Среднего и Южного Урала (Свердловская и Челябинская обл.).

Широкие исследования в 1956 г. далеких восточных районов нашей страны нашли отражение в нескольких докладах.

А. П. Окладников в докладе «Археологические исследования на Ангаре в зоне строительства Братской ГЭС»⁶ познакомил с результатами работ Ангарской экспедиции. Исследования проводились в бассейнах верхнего и среднего течения Ангары и ее притока Оки. Вскрытые могильники — Пономаревский, Усть-Удинский, «Братский Камень» — дали богатый и разнообразный материал эпохи неолита и ранней бронзы. Глубокая древность исаковского этапа, по мнению докладчика, подтверждается находкой в одном из погребений, относящихся к этому времени, скребла палеолитического типа, которое свидетельствует о генетической связи между неолитическими племенами Прибайкалья и предшествующим позднепалеолитическим населением Верхоленской горы. Раскопки трехслойного поселения в местности Монастырский Камень принесли обильный материал для характеристики культуры эпохи бронзы, в существовании которой в таежной части края сомневались.

В районе оз. Байкал работала экспедиция П. П. Хороших, исследовавшего значительное число однотипных погребений глазковского времени⁷.

Секцией особо отмечена важность работ А. Мартынова, исследовавшего могильники эпохи бронзы на территории Кемеровской области. Эти раскопки помогут заполнить пробел в изучении междуречья Оби и Енисея.

Был прослушан доклад Р. В. Чубаровой⁸ о разведках и раскопках на о-ве Сахалин и о-вах Курильской гряды. На Сахалине обнаружены стоянки эпохи неолита и более поздние. При разведках на о-вах Курильской гряды, впервые проведенных советскими археологами, обнаружены стоянки, относящиеся к позднему неолиту. Большой керамический и каменный инвентарь с острова Итурпе характеризует культуру айнов, видимо, с момента заселения ими Курильских островов.

О продолжавшихся работах на Охотском побережье в пределах Ольского района Магаданской области сообщила А. В. Белыева.

Большой интерес возбудил доклад А. А. Марущенко о синхронизации культур Анау с культурами Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Сибири. По мнению С. В. Киселева, представленная периодизация содержит целый ряд поправок к хронологии степных культур эпохи бронзы.

Доклад Б. А. Латынина «О южных границах эйкумены степных культур эпохи бронзы»⁹ вызвал оживленные прения. С. В. Киселев и С. С. Черников оспаривали положение о возможности развития культуры могильника Заман-баба из предшествующей ей здесь степной культуры

⁶ Прочитан на заседании Пленума ИИМК. См. статью: З. А. Абрамова, А. П. Окладников, Е. Ф. Седакина. Археологические исследования в долине реки Ангары в 1956 г. Настоящий выпуск КСИИМК.

⁷ См. статью П. П. Хороших (СА, 1957, № 4, стр. 153—155).

⁸ См. КСИИМК, вып. 74.

⁹ См. статью Б. А. Латынина. (СА, 1958, № 3, стр. 46—53).

ранней бронзы, видимо, афанасьевской. Чрезвычайно важно, что докладчик привлек внимание к новой группе памятников эпохи бронзы.

В работе секции принимали участие зарубежные гости. Профессор В. Миков (Болгария) прочел доклад «Неолит и бронза Болгарии»¹⁰, в котором изложил новые ценные данные о памятниках неолита и бронзы Болгарии, остановившись более подробно на многослойном поселении Караново с хорошо выраженной стратиграфией.

В докладе Х. А. Моора «К истории сложения балтийских племен»¹¹ были затронуты очень интересные вопросы этногенеза современных балтийских племен, представляющие собой часть сложной проблемы происхождения индоевропейцев вообще. Автора интересовали пути и время проникновения балтийских племен на современную их территорию. Х. А. Моора считает правильным утвердившееся недавно мнение о приходе ранних балтийских племен в Прибалтику и Восточную Европу в начале II тысячелетия до н. э., что следует связывать с проникновением сюда так называемых культур боевых топоров или шнуровой керамики. По вопросу о происхождении этих культур нет единого мнения, однако автор склоняется к более обоснованной на его взгляд гипотезе о среднеевропейском происхождении культур боевых топоров. В Прибалтику они проникли через Повисленье и Поднепровье, в Восточную Европу — через Нижнее Повисленье и Южную Польшу и далее распространяются на среднее и верхнее течения Днепра, верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье. Последующие судьбы их на разных территориях были различны. В южной Прибалтике племена-носители культуры боевых топоров явились непосредственными предками позднейшего балтийского населения. На востоке и севере, при формировании восточно-славянской этнической общности и финской, балтийские элементы сыграли важную роль, причем гораздо большую, чем до сих пор предполагалось.

О работе Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции доложила Л. Н. Терентьева¹². Исследования экспедиции направлены на разрешение ряда проблем, связанных с историей прибалтийских народов. Первоначальное заселение Прибалтики, изучение локальных групп памятников неолита и раннего металла, прибалтийско-финские, летто-литовские и славянские племена, их хозяйственные и культурные взаимодействия, наконец, этнические группы населения Прибалтики и смежных с ней территорий в феодальную эпоху и их хозяйственно-культурные связи — таков комплекс вопросов, которые изучала экспедиция в 1956 г.

С большим интересом на заседаниях Сессии и Пленума были заслушаны доклады С. В. Киселева «Древние города Монголии»¹³, А. П. Смирнова «Некоторые спорные вопросы угро-финской археологии»¹⁴, К. Ф. Смирнова «Проблема происхождения и территория ранних сарматов»¹⁵ и Э. Кондураки (Румыния) «Румынская археология и ее задачи в 1956 г.»¹⁶

Живое и широкое обсуждение на заседаниях секции раннего железа вызвали вопросы культуры и этноса в Среднем Поднепровье в предскифское

¹⁰ См. СА, 1958, № 1, стр. 47—55.

¹¹ Прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР. См. Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 9—33.

¹² Доклад «О работе Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции за 1955—1956 гг.» был прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР.

¹³ См. СА, 1957, № 2, стр. 91—101.

¹⁴ См. СА, 1957, № 3, стр. 20—30.

¹⁵ См. СА, 1957, № 3, стр. 3—19.

¹⁶ См. СА, 1958, № 1, стр. 96. Доклад Н. Я. Мерперта «Бронзовый век Поволжья» на Пленуме прочитан не был. (См. «Тезисы докладов на Сессии ОИИ и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1956 года». М., 1957, стр. 63—69).

время, которым был посвящен доклад А. И. Тереножкина. В качестве основного вида источника автор использовал массовую керамику с поселений и городищ правобережной лесостепи. Анализ находок позволил очертить границы распространения белогрудовско-чернолесской культуры, которые в общем соответствуют распространению культуры земледельческих племен жаботинско-немировского типа в скифское время. Автор утверждает, что керамика белогрудовско-чернолесского типа прошла собственный местный путь развития, причем влияния соседних культур сказывались слабо. Особенно это касается культуры фракийского гальштата, которой некоторые исследователи приписывали большую роль в сложении культуры Среднего Поднепровья. В то же время белогрудовские и особенно чернолесские формы керамики глубоко проникают на соседние территории, свидетельствуя об активности лесостепных племен.

Таким образом, А. И. Тереножкин на примере массового керамического материала подтвердил мнение о том, что белогрудовско-чернолесские и происходящие от них оседлые земледельческие племена скифского времени в лесостепном Правобережье составляли основное ядро протославян или древнейших славян. Гипотеза польских ученых об исконном фракийском населении и экспансии в начале железного века луицких племен в украинскую лесостепь автором опровергается.

В докладах Е. Ф. Покровской и Е. В. Максимова сообщалось о раскопках чернолесских городищ в бассейне р. Тясмина. Открытие Е. Ф. Покровской крепостных стен в виде клеток на Колонтаевском городище — ценный вклад в историю фортификационного искусства племен раннего железного века. Памятники предскифского времени на Ингуле — Пересадовское поселение — исследовались Н. Н. Погребовой. Результаты раскопок А. И. Мелюковой на территории Молдавской ССР и Г. И. Смирновой в Черновицкой области памятников раннего железного века свидетельствуют о наиболее близких их связях с памятниками культуры Ноа и раннего гальштатского времени на территории Румынии и, по-видимому, северо-восточной Венгрии. Большой интерес вызвал доклад румынского археолога Себастьяна Моринца «Новый вид культуры раннего железного века Румынской Молдавии».

С докладом о лепной керамике нижнеднепровского городища у Золотой Балки выступила М. И. Вязьмитина. Местоположение городища на территории стыка культурных влияний Востока и Запада, историческая обстановка последних веков до н. э. и первых веков н. э., характеризующаяся наступлением сарматов и активизацией гето-дакийского населения, — все это способствовало созданию форм керамики, своеобразие которой выразилось в сочетании местных скифских традиций с сарматскими, гето-дакийскими и античными. Выступавшие в прениях отмечали тщательность и ценность проведенной работы, но вместе с тем и недостаточную четкость в выделении основных скифских традиций в формах керамики.

Сообщения П. Н. Шульца и А. Н. Карасева посвящались раскопкам в Неаполе Скифском. Особый интерес вызывали два здания рубежа нашей эры. Полное совпадение планов и пропорций сооружений при незначительной разнице в размерах заставляет предположить, что оба здания были, очевидно, культовыми.

О раскопках средневековых слоев Херсонеса доложили Г. Д. Белов и И. А. Антонова. Вскрыт целый ряд жилых комплексов. Ценной находкой является шиферная икона с изображением трех вооруженных святых: Феодора Стратилата, Георгия и Димитрия, относящаяся к XII в. Материалы, собранные в течение последних лет, указывают на торговые связи Херсонеса с Византией, древней Русью, Востоком и Центральной Европой и свидетельствуют о катастрофической гибели города, сопровождавшейся пожаром, в конце XIV в. н. э.

И. С. Каменецкий проводил работы на двух городищах — IV—III вв. до н. э. на Нижнем Дону. Оба они принадлежали, по мнению автора (как и все население Нижнего Дона), меотскому племени танаитов и прекратили существование в конце III в. до н. э. Перерыв в жизни оседлого населения Нижнего Дона автор связывает с передвижением сарматских племен на запад.

После долгого перерыва проводились работы на Кобяковом городище и некрополе (С. И. Капошина). Полученный материал позволяет датировать последний первыми веками н. э. и сближает с одновременными могильниками Кубани и Северного Кавказа, где отмечаются черты сарматской культуры.

В. П. Шиллов доложил о раскопках и разведках на правом берегу р. Волги между Сталинградом и Астраханью и на территории Калмыцкой АССР. Основные работы велись в районе Ленинска, где вскрыто 30 погребений, хронологические рамки которых определяются первой половиной II тысячелетия до н. э. — XII в. н. э. Интересны захоронения, относящиеся в раннесарматскому времени, позволяющие, по мнению автора, перенести южную границу распространения прохоровской культуры на р. Ахтубу. Докладчик оспаривает гипотезу К. Ф. Смирнова о сложении основных форм прохоровской культуры в Приуралье, считая, что раскопки последних лет на р. Волге показали распространение прохоровской культуры и в Приуралье и в Нижнем Поволжье шло одновременно.

Разведки и раскопки К. Ф. Смирнова в Оренбургской области в бассейнах степных рек Бердянки, Донгуза, Куралы, Илека, Киндели и Бузулука позволили собрать ценный научный материал, выявлены интереснейшие курганные группы эпохи бронзы и скифо-сарматского времени. В курганах, вскрытых по Илеку и Бузулуку, обнаружен богатый материал VI—начала V в. до н. э. и IV в. до н. э. Курганы эти принадлежали сарматам, связанным по своему происхождению с сарматами южных районов бассейна Урала, о чем свидетельствуют керамика, отличающаяся от поволжской, и основные черты погребального обряда, сложение которых в бассейнах р.р. Урала, Илека и Ори произошло в IV в. до н. э. на более ранней местной основе.

Несколько докладов посвящено племенам I тысячелетия до н. э., обитавшим на периферии скифо-сарматского мира. А. Е. Алихова рассказала о городищах Курского Посеймья, одно из которых — Кузина гора — в VI—V вв. до н. э. было населено племенами, владевшими строительной техникой скифского типа; керамика их также скифоидного облика. На этом же городище отмечена самая северная находка чернотелой посуды. В конце V или IV в. до н. э. сюда проникают племена южновосточной культуры.

А. Х. Халиков вел раскопки Аккозинского могильника на правом берегу Волги (Марийская республика), датируемого VII—V вв. до н. э. Это самый западный памятник ананьинской культуры; он отличается довольно большим числом находок вещей скифского, гальштатского и кавказского происхождения.

Исследования городищ середины I тысячелетия до н. э. на территории Башкирской АССР (Курмантаевского, Табынского и Воскресенского), относящихся к культуре Курман-Тау II (сообщение Г. В. Юсупова), указывают на связи древнего населения этой территории со степным миром.

В докладах освещались также результаты исследований восточных районов нашей страны. Р. В. Николаев сообщил о раскопках тагарских курганов в окрестностях г. Иркутска, инвентарь которых свидетельствует о связях местного населения со скифским миром, с культурами Прибайкалья (каменные ограды курганов) и современных народов Красноярского севера.

Об Иволгинском могильнике, оставленном гуннскими племенами, населявшими Забайкалье на рубеже н. э., доложила А. В. Давыдова. С курьканскими памятниками на берегах оз. Байкал ознакомил

П. П. Хороших. Племена курьякан, жившие в Прибайкалье в VI—X вв. н. э., считаются далекими предками якутов. Раскопкам средневековой крепости XI—начала XII в. н. э. на Красноярской сопке у г. Уссурийска было посвящено сообщение М. В. Воробьева¹⁷. Обитатели крепости принадлежали к чжурженям, создавшим в XII—XIII вв. мощную империю на территории современных Приморья, Северного Китая и Восточной Монголии.

Отметим доклады, посвященные античной археологии.

История периода, предшествовавшего греческой колонизации в Северном Причерноморье, проблема античного города как ремесленного, культурного и административного центра, наконец, сельскохозяйственная территория европейского Боспора и всего Крыма — вот основные вопросы, затронутые в докладах.

В докладе К. Михаловского (Польша) и В. Ф. Гайдукевича «Работы советско-польской экспедиции в Восточном Крыму»¹⁸ дан обзор работы отдельных отрядов экспедиции. Одним из интересных объектов раскопок было поселение эпохи бронзы у дер. Каменка (отряд В. Д. Рыбаловой), в 10 км на ЮВ от Керчи. Остатки жилых и хозяйственных помещений, а также открытые здесь скорченные погребения дают новый материал для изучения восточнокрымского варианта поздней катакомбной культуры, которую В. Ф. Гайдукевич склонен датировать рубежом II и I тысячелетий до н. э.

Раскопки (отряды К. Михаловского, В. Ф. Гайдукевича и М. М. Худяка) позволили собрать обильный материал по истории развития античных городов Мирмекия и Нимфея. Наиболее богаты памятники Мирмекия эллинистического периода. Открыты жилые и хозяйственные сооружения, образующие целый городской квартал. Среди хозяйственных сооружений выделяется отлично сохранившаяся винодельня I в. до н. э., не похожая ни на одну из известных до сих пор. Впервые выявлена деталь (корытце на бортике цистерны), свидетельствующая о добавлении в вино каких-то специй. Собрана огромная коллекция терракот; среди них интересна фигурка, изображающая, по-видимому, восточного торговца; интересна стенка сосуда, в которую вделана монета Котиса I. Находки глиняных водопроводных труб и огромного количества различных предметов, особенно керамики, раскрывают страницы истории и быта населения города.

При раскопках Илурата — боспорской крепости и военного поселения I—III вв. н. э. (отряд Э. Д. Рабинович) — завершено выявление плана крепости. Открыта южная башня, самая мощная в системе крепостной стены.

Изучение загородной сельской усадьбы эллинистического времени у пос. Карантинного (г. Керчь) производил отряд Н. С. Беловой. Раскопки этого памятника, исключительно ценного для экономической и культурной истории Боспора, закончены.

В своем докладе В. Д. Блаватский¹⁹ подвел итог трехлетним раскопкам одного из крупнейших в Крыму античных городов — Пантикапея. В 1956 г. впервые получены материалы по догреческому Пантикапею, мало известному археологам. Широко развернувшиеся работы в восточной части северного склона Митридатовой горы позволили выяснить, что город в IV в. до н. э. имел террасную планировку, которая в IV в. н. э. уже не сохранилась, что, возможно, связывается с геттским нашествием в середине III в. н. э. и захирением города.

¹⁷ См. М. В. Воробьев. Работы Ворошиловского отряда в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 122—125.

¹⁸ Доклад зачитан на заседании Сессии Отделения исторических наук АН СССР.

¹⁹ Доклад «Раскопки Пантикапея в 1954—1956 гг.» прочитан на Пленуме ИИМК АН СССР.

В слое I в. до н. э. — I в. н. э. интересен колодец, при котором находился водоем, сложенный из прекрасно отесанных блоков. Подобное сочетание колодца с водоемом встречено впервые. Из производственных комплексов вскрыты винодельня III в. н. э. и мастерская по изготовлению оружия и других предметов из железа и бронзы.

Помимо раскопок города в 1954 и 1956 гг. вскрыты два склепа на северо-западной окраине г. Керчи, один — II в. н. э., другой — II в. до н. э. Первый склеп был покрыт росписью, близкой росписям керченских склепов 1872 и 1875 гг., во втором выявлены прекрасные уступчатые перекрытия — новый вариант подобного архитектурного приема в керченских склепах.

О раскопках на городище Нимфей сообщили М. М. Худяк и В. М. Скуднова. Работы велись на акрополе — изучение оборонительных стен, выявление границ общественного здания V в. до н. э., связанного с культом Афродиты, и окружающих его построек. Среди отдельных находок выделяется целый акротерий и карниз в виде массивной черепицы. Обе находки В. М. Скуднова считает синопским импортом и датирует V в. до н. э. Углубление даты начала торговых сношений с Синопой вызвало возражения В. Д. Блаватского и М. М. Кобылиной. Однако Д. Б. Шелов, Ю. С. Крушкoл, И. Б. Зест и В. Ф. Гайдукевич поддержали докладчика и указали, что установившееся мнение о начале синопского импорта в IV в. до н. э. следует пересмотреть.

В специальном сообщении Н. М. Лосева остановилась на художественных мастерских из раскопок Пантикапея 1956 г., И. Д. Марченко — на характеристике винодельни III в. н. э., открытой на северном склоне г. Митридат. Б. П. Михайлов выступил с сообщением о плане античной Фанагории.

Основные раскопки Ольвийской экспедиции (Л. М. Славин и А. Н. Карасев) производились на агоре, где главное внимание уделялось разборке глубокого колодца IV—III вв. до н. э. Засыпь его содержала около 2500 фрагментов терракот и несколько обломков форм для выделки терракот. Продолжалось исследование священного участка на агоре и крепостных сооружений V—III вв. до н. э. у Заячьей балки. После долгого перерыва возобновились работы на некрополе, где вскрыты грунтовые могилы IV—III вв. до н. э. и земляные склепы первых веков н. э. Большое внимание уделено также разведкам и раскопкам на поселениях, городищах и могильниках ольвийской хоры и прилегающих к ней районов (городища у с. Козырка и Старая Богдановка).

Изучение сельской территории Европейского Боспора в окрестностях Тобечикского озера и к СЗ от г. Феодосии вела И. Т. Кругликова. Обнаружено 20 неизвестных ранее поселений, в том числе поселение у д. Героевки, существовавшее с VI—V вв. до н. э. вплоть до I в. до н. э., и остатки таврского поселения у с. Айвазовского²⁰. М. М. Кубланов сообщил об изучении неукрепленных поселений юго-восточной оконечности Керченского полуострова. Из восьми выявленных поселений большинство относится к эпохе эллинизма, но встречаются и более ранние (VI—V вв. до н. э.), и средневековые. Хасанов и С. Ф. Стржелецкий в своих выступлениях подчеркнули большое значение работ по изучению сельскохозяйственной территории Крыма. О раскопках гончарных мастерских Херсонеса III первой половины II в. до н. э. рассказала В. В. Борисова. Прекрасная сохранность вскрытого комплекса позволила реконструировать печи. О раскопках позднеантичного могильника III—IV вв. н. э. в Инкерманской долине сообщил С. Ф. Стржелецкий. Все более ранние погребения могильника автор склонен относить к местному таврскому, сильно эллинизированному населению.

²⁰ См. КСИИМК, вып. 74.

Был заслушан доклад Б. Б. Пиотровского о древнеегипетских предметах, найденных на территории СССР, о путях их распространения и хронологии²¹.

В работе секции принимали участие румынские ученые. Проф. Раду Вульпе прочел доклад о древних земляных валах Нижнего Дуная и Днестра, акад. Е. Кондураки — «О городе Истрии в римско-византийскую эпоху» (IV—VII вв. н. э.).

Доклады, посвященные вопросам славяно-русской археологии, охватили широкий хронологический период — от начала I тысячелетия н. э. до XVII—XVIII вв. включительно. Раннеславянская тематика отражена в сообщениях М. А. Тихановой о работе Днестровско-Волинского отряда Славянской экспедиции, исследовавшего гончарные печи на поселении, относящемся к культуре полей погребений, и памятники I тысячелетия н. э. на Волини, в материалах с которых отмечено сочетание пшеворских и черняховских элементов. И. С. Винокур и М. Ю. Брайтчевский доложили об исследованиях раннеславянских памятников черняховского типа на территории Восточной Волини и правого берега Днепра. Серьезные возражения вызвал доклад И. С. Винокура, связавшего памятники черняховского типа, раннеславянские и корчаковскую группу (Волинь) с племенами древнерусской летописи: уличами, волянянами и древлянами.

Несколько докладов было посвящено славянским памятникам конца I — начала II тысячелетия н. э.: Кременчугская древнерусская экспедиция исследовала городище в пойме р. Сулы у с. Воинская Гребля (Р. А. Юра). Довольно высокий уровень местного ремесла, широкие связи с Причерноморьем, местоположение и само название дают основание приурочить городище к древнерусскому городу Воиню, одному из пограничных городов-крепостей, основанных, видимо, при Владимире Святославовиче в конце X в. н. э. Работы Прибалтийской экспедиции (Ф. Д. Гуревич) позволили выяснить, что культура поселений конца I — начала II тысячелетия в междуречье Немана и Молчади определяется как древнерусская драговичская. А под слоями литовского г. Новогрудка сохранились следы древнерусского города XI—XIII вв., вокруг которого особенно плотно сосредотачивалось драговичское население.

Большой интерес вызвал доклад А. В. Арциховского о раскопках в Новгороде²². При исследовании (до материка) Кузьмодемьянской улицы, так же как и Великой, вскрыто 28 ярусов мостовых, насыщенных различными находками. Обнаружены еще две кузницы XII в., что подтверждает гипотезу Б. А. Рыбакова о концентрации кузнецов на Кузьмодемьянской улице. Впервые найдены ценные материалы по новгородскому садоводству. Находка 11 грамот и 5 рисунков на бересте новгородского мальчика Онфима, который учился и писал упражнения — слоги и азбуку²³, еще раз подтверждает широкое распространение грамотности среди населения древней Руси. Большое количество грамот посвящено феодальным повинностям, впервые встречена целая грамота середины XI в.

Новые находки в Новгороде подтверждают установленную хронологию 28 новгородских строительных ярусов; материалы могут быть использованы при датировке других древнерусских археологических памятников. Более подробно на датировке новгородских древностей и разработке точной хронологической шкалы остановился Б. А. Колчин²⁴. Сообщение С. Н. Орлова об археологических наблюдениях за земляными работами в Новгороде показало, что они дают полноценные источники не только по топогра-

²¹ См. СА, 1958, № 1, стр. 20—27.

²² Доклад прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР. См. СА, 1958, № 2, стр. 227—242.

²³ См. СА, 1957, № 3, стр. 215—223.

²⁴ См. СА, 1958, № 2, стр. 92—111.

фии города, но и по его истории. Н. Н. Воронин и М. Г. Рабинович отметили большую важность и полезность таких наблюдений и предложили развернуть их и в других городах.

С результатами раскопок древнего Пскова познакомил присутствующих Г. П. Гроздилов.

Оживленное обсуждение вызвал доклад Н. Н. Воронина о новых памятниках Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв.²⁵ Раскопки Успенского собора в Ростове позволили восстановить план его 1162 г. и 1213 г. Как оказалось, впервые каменный храм был построен не Владимиром Мономахом, а Андреем Боголюбским в 1162 г. Сохранившиеся остатки кладок собора 1213 г. свидетельствуют о том, что в строительстве Ростова XIII в. уже содержались элементы, развитые позднее зодчими Москвы XIV—XV вв. Продолжавшиеся в 1956 г. раскопки храма Покрова на Нерли — внутри него и на участке вне собора — доказали правильность положения Н. Н. Воронина (высказанного им еще в 1954 г.) о существовании галереи, опоясывающей храм, и об одновременности постройки храма и галереи²⁶.

Против существования одновременно построенной с храмом галереи выступил С. В. Киселев. Остальные выступавшие (П. А. Рапопорт, Б. А. Рыбаков, Д. И. Ардинашвили и А. В. Арциховский) согласились с основной гипотезой докладчика и дискуссия развернулась лишь по вопросу о правильности представленной реконструкции.

В 1956 г. подверглись исследованию и памятники Московского зодчества. Об изучении укреплений Московского Кремля сообщил М. Г. Рабинович; об обмере памятников XIV—XV вв. в Московском Кремле и Можайске — Н. Н. Воронин; о раскопках в Московском Зарядье и открытии архитектурного комплекса (остатки подклети церкви «Жен Мироносиц») — А. Ф. Дубынин. Докладчики подчеркивали необходимость усиления изучения и организации охраны архитектурных памятников Москвы, а также желательность устройства открытых музеев на местах раскопок (например, в Зарядье). Для большей эффективности исследований предлагалось разработать единый план археолого-архитектурной работы в Москве.

Живое обсуждение вызвал доклад В. В. Кропоткина «Экономические связи Восточной Европы с Причерноморьем и Римской империей в I—V вв. н. э.», в котором автор, оперируя большим нумизматическим материалом, доказал наличие этих связей²⁷.

Для археологических работ последних лет в Средней Азии характерно большое внимание к древним и древнейшим периодам ее истории, в изучении которых достигнуты очень крупные успехи.

В докладе С. П. Толстова о результатах работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1955—1956 гг.²⁸ охарактеризованы основные проблемы, над разрешением которых работает коллектив экспедиции. Сейчас в центре внимания стоят вопросы истории древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и базирующихся на этих руслах первобытных, древних и средневековых ирригационных систем. Основные работы экспедиции в 1955—1956 гг. были сосредоточены на самой древней из северных дельт Аму-Дарьи — Акча-Дарьинской, которая с IV тысячелетия до н. э. являлась наиболее густо заселенным районом. Особенно активно она функционировала с рубежа III—II тысячелетий до н. э. вплоть до I тысячелетия

²⁵ Доклад прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР.

²⁶ См. статью Н. Н. Воронина. (СА, 1958, № 4, стр. 70—95).

²⁷ См. статью: В. В. Кропоткина. Из истории денежного обращения в восточной Европе в I тысячелетии н. э. СА, 1958, № 2, стр. 279—285.

²⁸ Доклад прочитан на заседании Сессии ОИА АН СССР. См. СА, 1958, № 1, стр. 106—133.

до н. э., когда здесь обитали носители тазабагъябской и суярганской культур бронзового века, а также впервые открытой камышлинской, синхронной тазабагъябской (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и несомненно имеющей южные связи с Ираном и Закавказьем. О раскопках тазабагъябского поселения Ангка-5 и могильника Кокча-3 доложила М. А. Итина. Наличие срубного и андроновского элементов в тазабагъябской культуре докладчик связал со сложением этой культуры в степях Прикаспия и северного Приаралья, которые с середины II тысячелетия до н. э. являлись зоной контакта между срубной и андроновской культурами. Новым открытием была находка стоянок полукочевых племен раннежелезного века (середина I тысячелетия до н. э.), расположенных между протоками дельт Аму-Дарьи и Жаны-Дарьи. С. П. Толстов отнес их к новой, названной им кокча-тенгизской, культуре и склонен связывать со скифскими племенами апасиаков. Продолжались раскопки памятников античной эпохи — Дингильдже, Канга-кала и др. Интересно поселение Дингильдже (доклад М. Г. Воробьевой) позднего этапа архаического периода в Хорезме, которое датируется временем не ранее середины V в. до н. э. При изучении комплекса керамики устанавливаются генетические связи с материалом более ранних памятников Южной Туркмении — Намазга VI и Анау III. Появление сосудов явно южных форм в слоях Хорезма V в. до н. э. позволяет ставить вопрос о пересмотре верхней даты Анау III и Намазга VI, о хронологическом приближении их к хорезмским памятникам. На поселении обнаружены также сосуды переходных форм (при сохранении архаического облика большинства посуды), близких раннекангуйскому комплексу, что дает возможность заполнить пробел в хронологической классификации керамики античного Хорезма.

Исследовались раннесредневековые крепости Барак-там и Куук-кала. На последней вскрыт оссуарный могильник (доклад Ю. А. Рапопорта)²⁹. Расположенные на отдаленной периферии Хорезма и оставленные, как считает докладчик, окружающими хионито-эфталитскими и раннетюркскими племенами, эти крепости сыграли определенную роль в формировании афгиридской культуры Хорезма.

До сравнительно недавнего времени ранние земледельческие поселения Южной Туркмении были известны в основном лишь по раскопкам двух холмов у с. Анау. Развернувшиеся за последние годы раскопки таких поселений дали большое количество нового материала, позволившего в корне изменить прежние представления об анауской культуре. Характеристике и датировке ранних земледельческих поселений Южной Туркмении посвящен доклад В. М. Массона³⁰, в частности открытым и впервые исследованным древнейшим поселениям Туркмении — Джейтун и Чопан-депе. Оба они относятся к новой культуре, более древней, чем нижние слои Сиалка и северного холма Анау, близки верхним слоям Джармо и частично нижним слоям Хассуны (Месопотамия), что позволяет датировать их V тысячелетием до н. э. Видимо, предгорья Копет-Дага и примыкающие с юга районы Иранского плато были одной из областей возникновения земледелия. Изучение многослойного поселения Кара-депе³¹ позволило установить соотношение отдельных слоев этого поселения с комплексом Намазга III (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.) и сопоставить его с центрально-азиатскими культурами.

²⁹ Материалы докладов М. А. Итиной, М. Г. Воробьевой и Ю. А. Рапопорта публикуются в сборнике: «Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР», вып. 2, М., 1959.

³⁰ Доклад прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР.

³¹ См. статью В. М. Массона. Джейтун и Кара-депе. (СА, 1957, № 1, стр. 143—160).

Истории производства древних земледельческих племен посвящен доклад А. Ф. Г а н я л и н а, сообщившего о результатах раскопок производственных комплексов на поселении Намазга-депе (III—II тысячелетия до н. э.). Найдены керамические и бронзовые шлаки и вскрыто 17 гончарных печей различных форм. Докладчик считает, что на этапе Намазга VI (конец III—первая половина II тысячелетия до н. э.) можно вполне определенно говорить о наличии развитого ремесленного производства.

В последние годы особое внимание уделяется изучению культуры эпохи бронзы оседло-земледельческих (Чуст, Дальверзин) и степных (Буадиль, Карамкуль и Япаги) племен. В. И. С п р и ш е в с к и й доложил о раскопках Чустского поселения³² эпохи бронзы (II—начало I тысячелетия до н. э.), где впервые на территории Узбекистана обнаружен комплекс, позволяющий говорить о различных видах местного производства (меднолитейное, ткачество, обработка камня, выделка лепной керамики) древних обитателей. Погребальные памятники эпохи поздней бронзы Ферганской долины исследовались Б. З. Г а м б у р г о м. Особенно интересны погребения в катакомбах, возможно связанные с локальным вариантом степной бронзы Средней Азии. Не исключена возможность того, что, используя материалы этих погребений при дальнейших исследованиях, удастся объяснить появление на территории Средней Азии на рубеже н. э. катакомбных и подбойных типов могильных сооружений.

Необходимо отметить сообщение В. И. К о з е н к о в о й³³ о работах в Андижанской области, наименее изученной в археологическом отношении. Во время разведок отмечено свыше 40 новых памятников, среди них семь могильников—первых в области. Наиболее ранние памятники относятся к эпохе бронзы «чустского» типа, более поздних могильников VI—IV вв. до н. э. встречено немного; самая же многочисленная группа—остатки тепе, относящихся к последним векам до н. э. и первым векам н. э.

В докладе Н. Г. Г о р б у н о в о й говорилось о раскопках Ак-Тамского³⁴ могильника с «длинными» курганами (Южная Фергана), датируемого VI—IV вв. до н. э. Культура, к которой относится этот памятник и подобные ему Суфанский, Кунгайский, Валикский и Нияз-Батырский могильники, непосредственно связана с культурой эпохи бронзы чустского типа (формы сосудов и роспись на них).

В могильнике Кара-Булак Ошской области, вскрытом Ю. Д. Б а р у з д и н ы м, собран интересный и обильный материал, относящийся к первой половине I тысячелетия н. э. Автор считает могильник принадлежавшим местному населению, культура которого тесно связана с культурой земледельческой Ферганы и сарматских племен.

О раскопках в Южной Киргизии многослойного городища Шурабашат (IV в. до н. э.—XII в. н. э.) сообщил Ю. А. З а д н е п р о в с к и й³⁵. Изучение городища позволило выделить и охарактеризовать ранее неизвестный этап развития земледельческой культуры и внести уточнения в периодизацию истории древнего населения Ферганы и Юга Киргизии.

Большой интерес вызвал доклад А. М. Б е л е н и ц к о г о³⁶ «Новые памятники искусства Пенджикента». Автор обратил особое внимание на вопросы происхождения восточнотуркестанского искусства. Открытие большого количества ценных памятников на территории Средней Азии—фризы Айртама, скульптура Нисы, стенная роспись и скульптуры Хорезма, Согда

³² См. СА, 1958, № 3, стр. 185—189.

³³ См. статью В. И. Козенковой в настоящем выпуске КСИИМК.

³⁴ См. статью Ю. А. Заднепровского в настоящем выпуске КСИИМК, а также в КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 99—108.

³⁵ См. статью Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбуновой. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 78—90.

³⁶ Прочитан на заседании Пленума ИИМК АН СССР.

и Тохаристана — создало базу для выявления истоков среднеазиатского искусства. Исследование вопроса показало, что Средняя Азия была одним из крупных центров искусства, развитие которого проходило здесь вполне самостоятельно и в то же время было связано с искусством других стран Востока (Афганистан и Северная Индия).

Доклады, прочитанные на заседаниях секции археологии Кавказа, продемонстрировали широкий размах археологических работ на Кавказе, особенно в Закавказье на территории Грузинской ССР.

О раскопках крупнейшей Закавказской экспедиции, работающей на территории Азербайджана около Нахичевани и в Мильско-Карабахской степи, сообщил А. А. Иессен. Памятники, исследованные экспедицией, охватывают огромный хронологический период — от энеолита до средневековья. Отряд О. А. Абакумова продолжал раскопки позднеэнеолитических слоев холма Кюль-тепе (Нахичевань). Обнаружены остатки жилищ; важны находки литейных форм. Закончено исследование нижних слоев поселения Узерлик-тепе в Карабахской степи. Материалы его относятся к первой четверти II тысячелетия до н. э. и предшествуют появлению здесь расписной керамики. Строительный комплекс VII—V вв. до н. э. вскрыт на холме Кара-тепе в Мильской степи. Продолжалась раскопки средневекового городища Орен-кала (Мильская степь), где изучался ремесленный район вне городских стен. Выступавший по докладу Е. И. Крупнов отметил как положительное явление работы в широком хронологическом масштабе.

Участниками заседаний отмечено интересное сообщение И. Г. Нариманова и Д. А. Халилова о раскопках холма на окраине г. Казаха (сев.-зап. Азербайджан), где вскрыты жилые комплексы с богатым инвентарем конца II—первой половины I тысячелетия до н. э.

О больших разведочных работах, проведенных на территории Шидокартли, сообщили С. И. Надимашвили, Д. А. Мусхелишвили и Г. Г. Циктишвили. Докладчиками отмечалась большая плотность населения здесь с древнейших времен. Наибольшее количество памятников датируется энеолитом и затем периодом поздней бронзы и железа. Время ранней и средней бронзы представлено наименьшим количеством памятников. Исследованное в этом районе шестислойное поселение Гудабертка-Цихиагора (С. Надимашвили) содержало главным образом материалы энеолита, поздней бронзы и железа. Исследование энеолитических памятников поможет выяснению проблемы Куро-Аракского энеолита, который, как считает С. Надимашвили, подтверждает мнение о существовании общекавказского энеолитического очага.

О погребальных памятниках раннего средневековья на территории Грузии доложил Н. Н. Угрелидзе. В раскопанном автором могильнике у Мцхета (III—IV вв. н. э.) обнаружен яркий материал для характеристики нового этапа в истории материальной культуры Мцхета. Принятие христианства в Картли с первой половины IV в. н. э. начинает изменять облик культуры, которая к VI в. н. э. приобретает вполне законченную форму. Изменение, наблюдаемое в развитии материальной культуры Восточной Грузии, отражает процесс становления новой общественной формации.

Доклад Г. А. Ломтатидзе посвящен исследованию одного из важнейших городов античной и раннефеодальной Грузии — Урбниси³⁷. Основными объектами раскопок были остатки городских сооружений внутри мощной сырцово-кирпичной ограды. Среди них особенно интересно помещение (позднеантичный период II—III вв. н. э.) — баня с гиппокаустом, затем перестроенное и использованное в раннесредневековый период (VI в. н. э.) как винохранилище. При раскопках жилого квартала собраны материалы, характеризующие производственную деятельность горожан. Важны раскопки

³⁷ См. КСИИМК, вып. 74.

на территории города могильника античной эпохи, богатый инвентарь которого датируется I—II вв. н. э. Погребения обнаружены под городскими постройками, что свидетельствует о возведении последних не ранее начала III в. н. э. Исследовавшееся вблизи Урбниси поселение Руиси трактуется докладчиком как сельскохозяйственный пригород. В окрестностях Урбниси продолжались раскопки энеолитического холма «Квацхелеби». После очень долгого перерыва приступили к систематическому исследованию Туапсинского и Адлерского районов (Н. В. Анфимов). Выявлены археологические памятники различных эпох от неолита до средневековья. В районе Сухуми М. М. Трапш исследовал селище и некрополь VI—V вв. до н. э. Селище двухслойное — верхний слой VII—III вв. до н. э.; в нижнем встречена так называемая «текстильная» керамика. В нижнем слое интересны первые находки целых «рогатых колышков», используемых в солеварном промысле. Наконец, около Кобулету вскрыты разновременные памятники от эпохи энеолита до начала нашей эры (Н. В. Хоштария). Полученный материал свидетельствует о связях с внутренними районами страны и южным побережьем Черного моря (Синопа).

Интересно сообщение М. В. Пикуль о раскопках могильника медно-бронзового века в нагорном Дагестане. Датировка его автором рубежом III—II тысячелетий до н. э. вызвала возражения А. А. Иессена и Е. И. Крупнова, которые склонны относить его к середине II тысячелетия до н. э. при условии существования сильных энеолитических традиций.

В докладе Б. А. Аракеяна на основе раскопок средневекового Гарни отмечено большое значение виноградарства и виноделия в жизни населения.

С большим интересом заслушан доклад И. Р. Селимханова о роли спектрального анализа в историко-археологическом исследовании.

На секции нумизматики заслушан ряд докладов. П. О. Карышковский сообщил, что исследования ольвийских монет III в. до н. э. свидетельствуют об интенсивных торговых связях Ольвии и Родоса, что вполне подтверждается археологическим материалом. Большое количество монет из раскопок в Патрээ в 1949—1951 гг. (Ю. С. Крушкол) говорит о вполне развитом товарном производстве и денежном обращении, особенно оживленных в период Митридата VI. В средневековье начинается натурализация хозяйства Патрэя, и монет нет совершенно.

Доклады Д. Г. Капанадзе и И. Л. Джалагания посвящались вопросам происхождения некоторых грузинских монет XIII—XIV вв. и XVII—XVIII вв. Тбилисские диргемы XVII—XVIII вв., тбилисские монеты XIV в. джелаиридского типа (Лениногорский клад) — все они относятся к местному чекану, несмотря на свой иноземный облик.

С. А. Янина доложила о трех кладах куфических монет первой трети IX в. Ряд докладов был посвящен русским монетам XVI—XVII вв., пенджикентским кладам VII—VIII вв. и другим вопросам.

В резолюции, принятой Пленумом, отмечен широкий размах полевых работ 1956 г., позволивших поставить целый ряд важнейших исторических проблем, таких, как связи древнеземледельческих культур юга Средней Азии с культурами степной бронзы, связи западных областей страны с балкано-дунайским кругом культур и некоторые другие. Не менее серьезные успехи достигнуты в области славяно-русской археологии и археологии каменного и раннего железного веков. Пленум принял решение о необходимости просить Президиум АН СССР войти в Правительство СССР с представлением об осуществлении срочных мер по охране ряда исторических памятников. Кроме того, отмечены желательность создания Музея по истории сельского хозяйства с использованием материала археологических коллекций, а также созыв в 1958 г. тематического совещания по вопросам археологической технологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. УзФАН — Известия Узбекского филиала АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЭ — Институт этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ — Московский Государственный университет
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
MDP — Mémoires Délégation en Perse. Paris, 1900—1929
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. Э. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов. II. Гигантолиты	3
Х. К. Алпысбаев. Некоторые результаты изучения кремневых орудий	10
Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуев а. Исфаринские курганы. (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы)	17

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Крылова. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане	28
Э. А. Абрамова, А. П. Окладников, Е. Ф. Седякина. Археологические исследования в долине р. Ангары в 1956 г.	33
И. Н. Хлопин. Верхний слой поселения Кара-депе (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.)	42
В. И. Сарияниди. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.)	50
В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г.	56
Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г.	63
А. М. Мандельштам. Могильник Арук-тау в Бишкендской долине (Южный Таджикистан)	73
В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае	83
А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине (раскопки 1956 г.)	90

III. МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Э. А. Абрамова. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху	103
В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из станицы Урупской	108
Г. А. Брыкина. Кайрак (галька) с тюркской писаницей из Ак-Бешима	112

IV. ХРОНИКА

М. Г. Мошкова. Сессия Отделения исторических наук АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1956 года	115
Список сокращений	130

**Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры, вып. 76**

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор И. Н. Гусева*

РИСО АН СССР № 94-79В. Сдано в набор 13/V 1959 г.
Подписано к печати 15/VIII 1959 г. Формат 70 × 108^{1/16}.
8,25 печ. л. 11,30 усл. печ. л. 10,8 уч.-издат. л.
Тираж 1500 экз. Т-08155. Изд. № 3870. Тип. зак. № 181.

Цена 6 руб. 50 коп.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
81	27 св.	II в.	до II в.
128	16 сн.	доложил	доложила

КСИИМК, вып. 76.